

Международный издательский центр
ЭТНОСОЦИУМ

ЭТНОСОЦИУМ

и межнациональная культура

№ 1 (211)

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки России журнал «Этносоциум и межнациональная культура» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Этносоциум (многонациональное общество)

Миссия журнала – поддержка и развитие культуры и этики научных исследований в сфере политики, политологии, социологии, экономики регионов и международного права, в том числе посредством распространения знаний в области разработки стратегий инновационного развития, а также создание профессионального форума обсуждения тенденций и политики в сфере науки, технологий и инноваций.

Издание входит в Перечень ВАК, РИНЦ и НЭБ

Москва
Этносоциум 2026

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

- Дааев А.Н., Терновая Л.О.** Спортивный адвент:
зимние старты, традиции и магия перехода в новое время.....9
- Галаганова С.Г., Федотова А.В.**
Прогнозирование демографической ситуации
в Российской Федерации методом экспоненциального сглаживания....19
- Пронина Е.В., Джежелий С.В.**
Особенности инновационной деятельности
предприятий агропромышленного комплекса.....33
- Баптиданов К.Ю., Жиденов И.Р.**
Как утратить авторитет в воинском коллективе.
Деградация личности от лидера к внутреннему противнику.....45

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Мефодьева С.А., Кузьмина О.В., Николаев Е.А.**
Значимость и аксиоматика идеологий
в политических партиях: политико-философский аспект.....70
- Бейсенбин К.А.** Патриотическое воспитание
молодежи на примере российского казачества.....77
- Подрядчиков К.Р.** Трансляция и восприятие
идентичности Эльзаса: на перекрестке двух наций.....82

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Верченко Д.Ю.** Католическая церковь и коренные народы
Латинской Америки: долгий путь к взаимопониманию.....97
- Найдёнова А.О.** Сравнительный анализ французских
и американских аналитических центров: институциональное
развитие, финансовые модели и политическое влияние.....114
- Бектурганова Б.К.** Динамика
этнополитики Центральной Азии как катализатор
трансформации идентичности под влиянием «мягкой силы».....126

<i>Ушур, Элизати</i>	
На пути к принципиальным правилам передачи данных: конструктивный подход к цифровому Шелковому пути.....	134
<i>Язан Хирбейк, Хохлышева О.О.</i> Геоэкономические стратегии Китая как составляющая его внешней политик.....	150
<i>Гребенщикова Е.А., Чернышов Т.А.</i> Совместные образовательные проекты России и Китая как элемент большого евразийского партнерства.....	161
<i>Андропова С.Н., Макоева Д.В.</i> Политика администрации Трампа в отношении НАТО.....	169
<i>Ахмадй Ваусуддин, Шемул Мд Ашекуззамн</i> Афганский вектор внешней политики Узбекистана (2014–2025 гг.).....	177
<i>Мартинс Д.М.</i> Газпром в Бразилии: анализ присутствия и роли российской компании в экономическом развитии Бразилии... <i>Калмыкова М.В.</i> Гастрономическое наследие Северо-Западной Италии: уникальное и самобытное.....	188 199

ИСТОРИЯ

<i>Набизода М.С.</i> Источники о политической жизни и о горных таджиках в первые годы правления Алим-Хана Кокандом (1800-1805 гг.).....	210
Аннотации	220
Авторы	241
Требования к материалам, представляемым в международное издательство «Этносоциум»	245

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Рябова Е.Л., доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ВЕДУЩИЕ РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ

Озеров В.А., кандидат юридических наук, Член Совета Федерации РФ — представитель от Законодательной думы Хабаровского края.

Зорин В.Ю., доктор политических наук, профессор, член Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации, член Общественной палаты РФ, главный научный сотрудник Центра по научному взаимодействию с общественными организациями, СМИ и органами государственной власти ИЭА имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Бормотова Т.М., доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры современного государственного и муниципального управления факультета экономики и управления Российского государственного социального университета.

Юдина Т.Н., доктор социологических наук, профессор. Главный научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН).

Бахарев В.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.

Данакин Н.С., доктор социологических наук, профессор Белгородского государственного технологического университета.

Михайлов В.А., доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой политического анализа и управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, член Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации.

Болтенкова Л.Ф., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Михайлова Н.В., доктор политических наук, профессор кафедры национальных и федеративных отношений. Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Михайленко А.Н., профессор кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Факультета национальной

безопасности Института права и национальной безопасности Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, профессор.

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и управления МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Стаськов Н.В., доктор политических наук, Генерал-лейтенант, военно-политический эксперт.

Летуновский П.В., доктор политических наук, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии войсковой ПВО Вооруженных Сил РФ имени маршала Советского Союза А.М. Василевского.

Нечипоренко В.С., доктор исторических наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Пономаренко Б.Т., доктор исторических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Иларионова Т.С., доктор философских наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, генеральный директор Института энергии знаний.

Никонов А.В., доктор исторических наук, профессор, Государственный советник РФ 1 класса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Юдин В.И., доктор политических наук, международный эксперт.

Грибанова Г.И., доктор социологических наук, профессор, зав. каф. международных политических процессов Санкт-Петербургского государственного университета.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОСТАВ

Бирюков С.В., доктор политических наук, профессор, школа современных международных и пространственных исследований Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай, КНР).

Гюльзар Ибрагимова, доктор политических наук. Профессор Университета Нигде Омер Халисдемир, отделение Политологии и Международных Отношений Факультета Экономических и Административных Наук. Турецкая Республика.

Хикмет Кораш, профессор Университета Нигде Омер Халисдемир. Турецкая Республика.

CHIEF EDITOR

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Social Sciences, Professor.

EDITORIAL BOARD

LEADING RUSSIAN SCIENTISTS

Ozerov V.A., Candidate of Legal Sciences, Representative public authority of the Khabarovsk region.

Zorin V.U., Doctor of Political Sciences, Professor, Member of the Council for Interethnic Relations under the President of the Russian Federation, Member of the Civic Chamber of the Russian Federation, Chief Researcher of the Center for Scientific Cooperation with Public Organizations, Mass Media and Government Authorities of the IEA named after N.N. Miklukho-Maclay RAS.

Bormotova T.M., Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Modern State and Municipal Management of the Faculty of Economics and Management of the Russian State Social University.

Yudina T.N., Doctor of Sociological Sciences, Professor. Chief researcher at the Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

Bakharev V.V., Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Management, Belgorod State Technological University.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The Belgorod State Technological University.

Mikhailov V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored worker of science of Russia, head of the Department of political analysis and management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, member of the Council for Interethnic Relations of the President of the Russian Federation.

Boltenkova L.F., Doctor of Legal Sciences, Professor, State Advisor of the 1st class.

Mikhailova N.V., Doctor of Political Science, Professor of the Department of National and Federal Relations. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Mikhaylenko A.N., Professor of International security and Russian foreign

policy chair at the Department of national security, Institute of law and national security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Political Sciences, Professor.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor MADI (The Moscow Automobile and Road Construction University).

Staskov N.V., Doctor of Political Sciences, military and political expert, Lieutenant-General.

Letunovsky P.V., Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, head of the department of Humanitarian, Social and Economic Disciplines of the Russian Federation Armed Forces Army Air Defense Military Academy named after the Marshal of the Soviet Union A.M. Vassilevsky.

Nechiporenko V.S., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ponomarenko B.T., Honoured worker of higher education, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ilarionova T.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, General Director of the Institute of energy of knowledge.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The Belgorod State Technological University.

Nikonov A.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, State Councillor of the 1st class, the Lomonosov Moscow State University.

Yudin V.I., Doctor of Political Sciences, international expert.

Gribanova G.I., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of Department international political processes of St. Petersburg State University.

INTERNATIONAL COMPOSITION

Biryukov S.V., Doctor of Political Sciences, Professor, School of advanced international and area studies at the East China Normal University (ECNU) (Shanghai, China).

Gulzar Ibrahimova, Doctor of Political Sciences. Professor of the Omer Khalisdemir University, Department of Political Science and International Relations, Faculty of Economic and Administrative Sciences. Turkiye Cumhuriyeti.

Hikmet Koras, Professor of the Omer Khalisdemir University. Turkiye Cumhuriyeti.

КТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Дааев А.Н.

Директор Фонда развития гражданского общества «Кладенец».

Терновая Л.О.

Доктор исторических наук, профессор,
заместитель главного редактора журнала
«Власть история и история власти», руководитель проекта.

Спортивный адвент: зимние старты, традиции и магия перехода в новое время

Новогодние и Рождественские праздники — это не только бой курантов, сверкающая елка и праздничный стол. Это мощный темпоральный рубеж, разделяющий прошлое и будущее, «до» и «после». И в этом сакральном переходе от старого времени к новому спорт и физическая активность испокон веков играли ключевую, ритуально-очистительную роль. Они являются тем живым мостом, который помогает нам не просто «вступить» в новый год, а активно, осознанно и энергично его начать, соединяя в себе азарт сочельника и надежду первого января¹.

Анализ игровых и спортивных активностей в контексте зимних праздников позволяет увидеть глубокую связь между архаичными ритуалами и современными традициями. Эти практики были не просто развлечением. Они становились важной частью магики-религиозного комплекса, призванного обеспечить благополучие на будущий год. До того как зима стала ареной для мировых спортивных форумов, она была пространством для народных забав. Традиционные активные рождественско-новогодние игры во многих северных странах имели глубокий смысл, часто начинавшийся именно в святки.

Можно выделить несколько категорий таких исключительно показательных и символических активностей.

1. Ритуальные «битвы», отражающие символику борьбы Старого и Нового, Хаоса и Порядка, в прошлом были не спортом, а инсценировкой

¹ Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Празднование Нового года: дань традиции или магия времени // Культура мира. 2021. Том 9. Вып. 2. С. 23-37; Терновая Л.О. Новый год: Механизмы социального обновления. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2014; Терновая Л.О. Рождество и Новый год: обычаи, обряды, суеверия, сказки: учебно-методический сборник, вступительная статья, комментарии. – М.: Изд-во Инта практической психологии, Воронеж: НПО «Модек», 1997; Терновая Л.О. Социально-антропологический взгляд на новогодние обращения глав государств // Культура мира. 2024. Том 12. Вып. 1 (№ 36). С. 138-146.

космогонической борьбы². Например, «футбол» в его архаичной форме в Англии и Шотландии преследовал идею изгнания старого года и хаоса, только после чего должен был наступить новый порядок. Сейчас сохранилась традиция проводить футбольные и хоккейные матчи на Рождество и Новый год, в частности, в английской Премьер-лиге. Однако сегодня это чисто коммерческое спортивное событие, лишённое прежнего ритуального смысла. Также некоторые города практикуют организацию архаичных игр как туристический аттракцион и элемент культурного наследия. Самая известная такая игра — *Cornish Hurling* в Корнуолле³. В нее играют два раза в год, в т.ч. на День Святого Стефана (англ. *Saint Stephen's Day*), приходящийся на 26 декабря. Это уже напоминает не настоящую битву, а скорее историческая реконструкция⁴.

2. Спортивные гадания и испытания на удачу, направленные на предсказание будущего, особенно в отношении урожая и брака. В славянской традиции известно «Взятие снежного городка». Участники забавы демонстрировали силу и ловкость, надеясь на удачу в новом году⁵. В Скандинавских странах были распространены стрельба из лука и метание копья в цель во время Йоля в самую длинную ночь в году — 21 или 22 декабря. Этот языческий праздник зимнего солнцестояния символизирует возрождение Солнца и начало нового годового цикла. Таким способом не только поминались воинственные предки. Участники направляли свою волю и удачу в цель в наступающем году. В Шотландии был популярен «Бег с горячей овсяной лепешкой» (англ. *Burning the Clavie*), а также другие пробеги с огнем. Участники бежали по полям, чтобы очистить их и обеспечить плодородие. Тот, кто бежал быстрее и не уронил огонь, считался фаворитом удачи. Сейчас эти традиции частично выражаются в новогодних стартах, массовых забегах на коньках или лыжах. Где еще на рождественских ярмарках можно встретить стрельбу в тире, которую надо расценивать как очень упрощенный пото-

2 Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. XIX – начало XX в. Зимние праздники / Ред. коллегия: С.А. Токарев (отв. ред.) и др.; АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 1973; Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; Редкол.: С.А. Токарев (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1983.

3 *Greenaway R.D. Cornish Hurling: the Popular Origins of a Magical Ritual. Monmouth: Oakmagic Publications, 1926.*

4 *Вознесенский И.С. По местам исторических средневековых боев // Форум политических и деловых коммуникаций. Альманах. Вып. 3. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2014. С. 119-124; Вознесенский И.С. Экономика исторической реконструкции // Альманах «Крым». 2017. № 10. С. 71-77.*

5 *Божерянов И.Н. Как праздновал и празднует народ русский Рождество Христово, Новый год, Крещение и Масленицу. – СПб.: Изд. М. Ледерле и Ко, 1894; Забылин М.М. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. – М.: Издательство Юрайт, 2025.*

мок ритуальных метаний в цель.

3. Игры с элементами ряжения и Святочные посиделки, которые были частью карнавальской культуры. В славянской традиции игра «горелки» («Гори, гори ясно...») не просто догонялками, а ритуалом выбора пары. Перетягивание каната в европейской культуре надо воспринимать как символическую борьбу двух сил, например, зимы и лета. Глубокий магический смысл имело катание с горок. Считалось, что чем дальше прокатиться, тем урожайнее будет следующий год, а жизнь — более «гладкой». Игра в снежки и лепка снеговиков помимо очевидной радости отражали символическую битву двух начал — старого и нового года, света и тьмы. В ней обязательно должна была победить обновляющая сила⁶. Быстрый бег лошадей по рождественскому снегу во время катания на санях и тройках олицетворял стремительный бег времени, а сам процесс — переход в новое состояние, буквально «въезд» в Новый год. Коллективное создание снежной фигуры, которая тает с наступлением тепла, символизировало цикличность бытия. Все подобные игры были не просто «спортом», а служили социальным инструментом единения семьи и общины, физической закалки в суровый период. Главный их смысл состоял в ритуальном взаимодействии с природой в момент ее зимнего сна, обнимающего и укутывающего время от Рождества до Крещения.

Сейчас произошла смена функции. Подавляющее большинство ритуально-игровых практик потеряли свой сакральный смысл. Из магических обрядов, обеспечивающих плодородие и благополучие, они превратились в развлечение, спорт или туристический аттракцион. Многие активности, такие как рождественские матчи, ярмарочные аттракционы, стали частью индустрии праздника. Наиболее архаичные и яркие формы сохранились там, где есть сильное местное сообщество, борющееся за сохранение культурного наследия, например, в некоторых британских и скандинавских деревнях. Взрослое, осознанное отношение к спортивным зимним ритуалам трансформировалось в детскую игровую культуру. Хотя спортивная обрядность рождественско-новогоднего цикла не исчезла полностью, она прошла через мощный процесс десакрализации и секуляризации. А привычные зимние развлечения являются «тенью» социально значимых архаичных ритуалов, направленных на гармонизацию отношений между человеком, обществом и космосом.

Попытки придать этой «тени» вновь объемное существование можно

⁶ Вржнова М.Н., Терновая Л.О. Историко-культурные и психолого-педагогические смыслы создания снеговиков // Культура мира. 2022. Том 11. Вып. 1 (№ 30). С. 63-78.

увидеть в том, что представления о зиме как о времени не только выживания, но и активной, радостной жизни, напрямую привели к идее выделения Зимних Олимпийских игр в отдельное событие. Долгое время Олимпиада была сугубо летним мероприятием. Но страны с холодным климатом, где зимние виды спорта (коньки, лыжи, хоккей) были частью национальной культуры, настаивали на их признании. Первым шагом стала Неделя зимних видов спорта в Шамони в 1924 г., которая позже была признана I Зимними Олимпийскими играми. Ее основатели руководствовались необходимостью социокультурного признания зимы, благодаря тому, чтобы показать зиму не как враждебную стихию, а как прекрасную площадку для достижений человеческого духа и тела. Кроме того, они настаивали на важности институционализация традиции, превратив то, что было народной забавой (катание на коньках) или необходимым навыком (передвижение на лыжах), в высокотехнологичный спорт с четкими правилами. Этим самым происходило символическое закрепление роли зимнего спорта в жизни человека. Проведение Игр зимой, часто в канун или сразу после новогодних праздников, символически связало их с темой обновления, международного единства и нового старта. Зимние Олимпийские игры стали глобальным воплощением той самой рождественско-новогодней энергии чистого снега, рекордов и преодоления себя⁷.

Чередование спортивных событий в декабре-январе создает особый календарь ожидания и подготовки к главному празднику, аналогично традиционному адвент-календарю. Период от католического Рождества до Старого Нового года стал хронологической точкой притяжения для множества престижных спортивных событий, которые являются неотъемлемой частью праздничной традиции для миллионов болельщиков. Одной из самых легендарных и зрелищных традиций в мире биатлона была Рождественская гонка в Гельзенкирхене (англ. *Christmas Race in Gelsenkirchen*). К сожалению, она не проводится с 2018 г. Ее прекращение стало большой потерей для спортивного мира. История Зимней Сказки в Рурской области началась в конце прошлого столетия. Смелая мечта организации гонки принадлежала одному из спортивных немецких функционеров. Была поставлена амбициозная задача организации крупного международного биатлонного турнира в самом сердце индустриальной зоны.

⁷ Теория и история физической культуры и спорта в 3 т. Том 2. Олимпийские зимние игры: учебник для среднего профессионального образования / Г.Н. Германов, А.Н. Корольков, И.А. Сабирова, О.И. Кузьмина. – М.: Издательство Юрайт, 2025; Judd R.C. The Winter Olympics. Seattle, Washington: The Mountaineers Books, 2008.

стриального Рура, в городе, не связанном с зимними видами спорта. Для реализации такой мечты требовалось технологическое чудо. Главным моментом стало создание на футбольном поле знаменитой *Arena AufSchalke*, временного стадиона под открытым небом. Это была грандиозная инженерная задача: на поле укладывались тысячи тонн искусственного снега, прокладывались лыжные трассы, устанавливались стрельбища и трибуны на 50 тысяч зрителей.

Гонка получила уникальный статус, став первым в мире биатлонным стартом в центре крупного мегаполиса, да еще и в регионе, где снег зимой — редкость. Это сразу сделало гонку уникальным событием. Традиционно состязания проходили 28 или 29 декабря и представляли собой неотъемлемую часть рождественских праздников для миллионов телезрителей и десятков тысяч зрителей на стадионе. Она была своеобразным «спортивным мостом» между Рождеством и Новым годом. Формат «шоу» включал гонки с общего старта (англ. *mass start*) или эстафеты в формате «гонки звезд», с участием знаменитостей. Атмосфера соревнований больше похожа на футбольный матч или рок-концерт, чем на биатлон. Впечатляли мощное освещение, музыка, фанаты с флагами и факелами. Это было создавало ощущение вовсе не спортивного соревнования, а грандиозного праздника, в котором участвовали звезды мировой величины. В разные годы на старт топ-биатлонисты мира: легенды вроде Уле-Эйнара Бьёрндалена, Магдалены Нойнер, Рафаэля Пуаре, Дарьи Домрачевой и, конечно, кумиры немецкой публики — Мартин Фуркад, Лаура Дальмайер и многие другие.

Несмотря на огромную популярность, у гонки были серьезные проблемы. Прежде всего, настораживала ее колоссальная стоимость. Организация подобного мероприятия была чрезвычайно дорогой. А основная нагрузка ложилась на спонсоров и местный бюджет. Также существовали погодные риски. Они усиливались, поскольку теплые зимы в Центральной Европе стали учащаться. Неоднократно гонка проходила в условиях плюсовой температуры, что угрожало качеству снега и делало трассу медленной. Некоторые гонки приходилось переносить или проводить с огромным трудом. Однако стали решающим фактором выступили финансовые трудности и уход ключевых спонсоров. После гонки 2018 г. организаторы объявили, что не находят средств для ее продолжения.

Почему мы вспоминаем эту гонку? Во-первых, она способствовала популяризации биатлона, выводя этот вид спорта за пределы традиционных горных и лесных центров, привлекая новую, городскую аудиторию.

Во-вторых, гонка демонстрировала новаторство, выражаемое в смелом эксперименте, доказывающим, что зимний спорт можно успешно проводить в нетипичных местах. В-третьих, ни на одном другом этапе Кубка мира не было такой неповторимой, по-настоящему праздничной и огненной атмосферы.

Рождественская гонка в Гельзенкирхене была яркой, но, к сожалению, недолговечной жемчужиной в календаре биатлона. Она доказала, что спорт может создавать настоящую магию, превращая футбольный стадион в зимнюю сказку. Ее наследие живет в памяти фанатов и служит примером для других спортивных новаторских проектов. Попытки возродить ее пока не увенчались успехом, но легенда о «биатлоне в Руре» продолжает жить.

В настоящее время в международном масштабе особо выделяются:

– турниры по хоккею: Легендарный Чемпионат мира среди молодежных команд, который стартует сразу после Рождества, 26 декабря, и завершается в начале января. Для Канады, России, США, Швеции и Финляндии эти матчи — такая же новогодняя традиция, как и торжественный ужин; финал турнира, выпадающий на канун Старого Нового года, всегда становится событием огромной эмоциональной силы;

– прыжки с трамплина «Турне четырех трамплинов» (нем. *Vierschanzentournee*); этот престижнейший турнир проходит на трамплинах в немецких Оберstdорфе и Гармиш-Партенкирхене и австрийских Инсбруке и Бишофсхофене с 29 декабря по 6 января; его победитель становится королем не только данного вида спорта, но и всего праздничного зимнего сезона, плавно перетекающего от одного праздника к другому;

– рождественский марафон в НБА (Национальная баскетбольная ассоциация, англ. *National Basketball Association, NBA*), когда в день Рождества ассоциация проводит серию ключевых матчей, которые задают тон всему сезону; данное событие стало культурным феноменом в США, символом спортивного Рождества;

– этапы Кубка мира по биатлону, традиционно приходящиеся на конец декабря и начало января и организуемые в Оберхофе, Рупольдинге и Поклюке; новогодние и Рождественские старты в биатлоне обладают особой магией, связанной с соревнованиями в снежных пейзажах, при свете прожекторов, с особым настроением, когда спортсмены и болельщики находятся в праздничном едином ритме; этапы часто определяют лидеров в середине сезона и задают невероятный драматизм борьбе за

Хрустальный глобус.

В России проводятся «Рождественские гонки» по лыжным видам спорта. Множество внутренних соревнований и этапов Кубка России традиционно приурочено к январским праздникам, собирая как профессионалов, так и любителей. Турнир на призы Деда Мороза также представлял собой исторически значимые соревнования по фигурному катанию, которые проводились в начале января, стали для многих символом возвращения к трудовым будням после каникул. Эти события создают уникальный «спортивный адвент» — непрерывное зрелище, которое длится все праздники, от католического Рождества до Старого Нового года, наполняя их динамикой и общим эмоциональным переживанием.

Спортивные активности всегда служили инструментом темпорального перехода⁸. В сакрально значимый период начала нового времени, охватывающий и Рождество, и Новый год, спорт выполняет несколько важнейших функций:

– Ритуал очищения и обновления. Утренняя пробежка 1 января, заплыв в проруби, семейная лыжная прогулка после рождественского ужина — это современные ритуалы. Через физическое усилие, через преодоление усталости и холода человек символически «сжигает» старые обиды, болезни и неудачи, входя в новый год очищенным и обновленным. Рождество дарит надежду, а Новый год — энергию для ее воплощения через действие.

– Символическое «завоевание» будущего. Ставя спортивные цели на новый год (пробежать марафон, научиться кататься на сноуборде), человек проецирует свою активную волю в будущее. Первая тренировка в январе — это акт утверждения своего намерения быть хозяином своего времени, семя, посаженное в плодородную почву нового начала.

– Альтернатива пассивному потреблению. В период, когда доминирует культ еды и отдыха у телевизора, спорт предлагает здоровую альтернативу. Он возвращает телу особую энергию, проявляемую в способности к действию, напоминая, что мы не просто наблюдатели, а творцы своей реальности. Он объединяет два праздника общим деятельным настроением.

Это чудесное и волшебное время запоминается еще и потому, что этому способствуют различные элементы визуальной памяти, в том числе спортивного характера. Здесь включается очень мощная оппозиция силы

⁸ Вознесенский И.С. Темпоральная компонента организационной культуры // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. № 1 (139). С. 20-28; Вознесенский И.С. Темпоральный интеллект: от секрета овладения временем к эффективному управлению // Миссия конфессий. 2022. Т. 11. Часть 3 (№ 60). С. 90-97.

и хрупкости: спорта и елочных игрушек в виде спортсменов. Они были не простым украшением одного праздника, а настоящими свидетелями истории, отражающими увлечения и достижения целых эпох. Их золотой век пришелся на 1930-е – 1950-е гг. Тогда в Советском Союзе разрешили праздновать Новый год и украшать елки. В государстве был провозглашен лозунг «В здоровом теле — здоровый дух!». Спорт стал делом национальной важности, пропагандой силы, здоровья и патриотизма. Новогодняя елка, до этого считавшаяся буржуазным пережитком, была «реабилитирована» и превращена в инструмент советской пропаганды. Ватные игрушки делались вручную из скрученной ваты на проволочном каркасе. Лица фигурок раскрашивались гуашью, а костюмы могли быть из шелка, бархата или бумаги. Спортсмены были самыми разными: лыжники с палками, конькобежцы в характерном наклоне, футболисты и боксеры. «Дидактические» игрушки или «пресс-папье» представляли собой плоские фигурки из тонированного или раскрашенного картона, часто состоящие из двух склеенных половинок. Они были очень дешевыми, массовыми и не очень долговечными. На них изображались целые спортивные сцены, но часто они отражали не столько реальный спорт, сколько его идеализированный, почти былинный образ.

В эпоху индустриализации с развитием стекольного производства на ёлках появляются стеклянные фигурки. Их выдували вручную из стеклянных трубочек-дротов через формы, а затем расписывали серебряной или цветной краской, часто с использованием алюминиевой пудры. Фигурки становились более изящными и детализированными. Востребованными оказались изображения: фигуристов, особенно в парном катании; хоккеисты, которые служили символом спортивного советского могущества; гимнасты с обручем или лентой: горнолыжники и саночники. Эти игрушки оказались более долговечными, чем ватные. Пик популярности елочных игрушек со спортивной тематикой приходится на десятилетия 1960-х – 1980-х гг. Этому способствовали успехи советского спорта на международной арене. Игрушки штамповались миллионами, становясь доступными для всех. Помимо стеклянных игрушек, появились пластмассовые и поролоновые фигурки на спортивные темы. Взлету интереса к спортивной тематике способствовала Московская Олимпиада-80. И до нее, и после было выпущено огромное количество елочных игрушек с олимпийской символикой и с фигурками спортсменов в олимпийской стилистике. Чаще всего изображали фигуристов, хоккеистов, лыжников и конькобежцев, символизировавших зимние виды спорта. Но были и

игрушки, позволявшие создавать динамичные и красивые позы гимнастов и акробатов.

В наши дни ватные и картонные игрушки 1930 – 1950-х гг. превратились в музейную редкость и гордость любого коллекционера. Активно коллекционируются игрушки 1950 – 1980-х гг., которые можно купить на блошиных рынках и в интернете. Сегодня многие мастерские и энтузиасты создают репродукции в стилистике старых советских игрушек, в том числе и на спортивную тематику. Они пользуются спросом у тех, кто хочет нарядить ретро-елку.

Тема спорта в елочных украшениях была популярна не только в СССР. Например, в бывших ГДР и Чехословакии также выпускали стеклянные фигурки спортсменов. В США и Западной Европе эта тема была менее распространена, но встречалась, особенно в виде Санта-Клауса, занимающегося спортом. Елочные игрушки-спортсмены прекрасно отражают, как государственная идеология и общенациональные увлечения через, казалось бы, простой бытовой предмет проникали в каждый дом и становились частью самого волшебного семейного праздника.

Связь спорта с Рождеством и Новым годом не представляется случайным совпадением. Это — глубоко укорененная в культуре и психологии традиция. От снежных народных баталий во время святок до огней Олимпийских стадионов и рождественских матчей в НБА, физическая активность служит нам универсальным языком, на котором мы говорим о надежде, обновлении и готовности встретить будущее с открытым забралом. Занимаясь спортом в эти волшебные дни, мы не просто следим за здоровьем, а совершаем древний и важный ритуал темпорального перехода, заряжая свое личное время на год вперед энергией, целеустремленностью и победой, полученной как дар на Рождество и воплощаемую в жизнь с первым ударом курантов.

Список литературы:

1. Божерянов И.Н. Как праздновал и празднует народ русский Рождество Христово, Новый год, Крещение и Масленицу. – СПб.: Изд. М. Ледерле и Ко, 1894. 125 с.
2. Вознесенский И.С. По местам исторических средневековых боев // Форум политических и деловых коммуникаций. Альманах. Вып. 3. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2014. С. 119-124.
3. Вознесенский И.С. Темпоральная компонента организационной культуры // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. № 1 (139). С. 20-28.
4. Вознесенский И.С. Темпоральный интеллект: от секрета овладения временем к эффективному управлению // Миссия конфессий. 2022. Т. 11. Часть 3 (№ 60). С. 90-97.
5. Вознесенский И.С. Экономика исторической реконструкции // Альманах «Крым». 2017. № 10. С. 71-77.
6. Вражнова М.Н., Терновая Л.О. Историко-культурные и психолого-педагогические смыслы создания снеговиков // Культура мира. 2022. Том 11. Вып. 1 (№ 30). С. 63-78.
7. Забылин М.М. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. – М.: Издательство Юрайт, 2025. 481 с.

8. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. XIX – начало XX в. Зимние праздники / Ред. коллегия: С.А. Токарев (отв. ред.) и др.; АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 1973. 351 с.
9. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; Редкол.: С.А. Токарев (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1983. 222 с.
10. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Празднование Нового года: дань традиции или магия времени // Культура мира. 2021. Том 9. Вып. 2. С. 23-37.
11. Теория и история физической культуры и спорта в 3 т. Том 2. Олимпийские зимние игры: учебник для среднего профессионального образования / Г.Н. Германов, А.Н. Корольков, И.А. Сабирова, О.И. Кузьмина. – М.: Издательство Юрайт, 2025. 442 с.
12. Терновая Л.О. Новый год: Механизмы социального обновления. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2014. 130 с.
13. Терновая Л.О. Рождество и Новый год: обычаи, обряды, суеверия, сказки: учебно-методический сборник, вступительная статья, комментарии. – М.: Изд-во Ин-та практической психологии, – Воронеж: НПО «Модек», 1997. 448 с.
14. Терновая Л.О. Социально-антропологический взгляд на новогодние обращения глав государств // Культура мира. 2024. Том 12. Вып. 1 (№ 36). С. 138-146.
15. Greenaway R.D. Cornish Hurling: the Popular Origins of a Magical Ritual. Monmouth: Oakmagic Publications, 1926. 26 p.
16. Judd R.C. The Winter Olympics. Seattle, Washington: The Mountaineers Books, 2008. 252 p.

Bibliography

1. Bozheryanov I.N. How the Russian People Celebrated and Celebrate Christmas, New Year, Epiphany, and Maslentsa. St. Petersburg: M. Lederle & Co. Publishing House, 1894. 125 p.
2. Voznesensky I.S. At the Sites of Historical Medieval Battles // Forum of Political and Business Communications. Almanac. Issue 3. Moscow: International Publishing Center “Ethnosocium”, 2014. P. 119-124.
3. Voznesensky I.S. The Temporal Component of Organizational Culture // Ethnosocium and Interethnic Culture. 2020. № 1 (139). P. 20-28.
4. Voznesensky I.S. Temporal Intelligence: From the Secret of Mastering Time to Effective Management // Mission of Confessions. 2022. Vol. 11. Part 3 (№ 60). P. 90-97.
5. Voznesensky I.S. Economics of Historical Reconstruction // Almanac “Crimea”. 2017. № 10. P. 71–77.
6. Vrazhnova M.N., Ternovaya L.O. Historical, Cultural, and Psychological-Pedagogical Meanings of Creating Snowmen // Culture of the World. 2022. Vol. 11. Issue 1 (№ 30). P. 63-78.
7. Zabylin M.M. The Russian People, Their Customs, Rituals, Legends, Superstitions, and Poetry. – Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 481 p.
8. Calendar Customs and Rituals in the Countries of Foreign Europe. XIX – Early XX Centuries. Winter Holidays / Ed. Board: S. A. Tokarev (ed.), et al.; USSR Academy of Sciences. N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnography. – Moscow: Nauka, 1973. 351 p.
9. Calendar Customs and Rituals in the Countries of Foreign Europe: Historical Roots and Development of Customs / USSR Academy of Sciences, N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnography; Ed. Board: S.A. Tokarev (ed.), et al. – Moscow: Nauka, 1983. 222 p.
10. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Celebrating the New Year: A Tribute to Tradition or the Magic of Time // Culture of the World. 2021. Vol. 9. Issue 2. P. 23-37.
11. Theory and history of physical education and sports in 3 volumes. Volume 2. Olympic Winter Games: a textbook for secondary vocational education / G.N. Germanov, A.N. Korolkov, I.A. Sabirova, O.I. Kuzmina. – Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 442 p.
12. Ternovaya L.O. New Year: Mechanisms of social renewal. - Moscow: International Publishing Center “Ethnosocium”, 2014. 130 p.
13. Ternovaya L.O. Christmas and New Year: customs, rituals, superstitions, fairy tales: a teaching aid, introductory article, commentary. – Moscow: Publishing house of the Institute of Practical Psychology, – Voronezh: NPO “Modex”, 1997. 448 p.
14. Ternovaya L.O. A Socio-Anthropological View of New Year’s Addresses by Heads of State // Culture of Peace. 2024. Vol. 12. Issue 1 (№ 36). P. 138-146.
15. Greenaway R.D. Cornish Hurling: the Popular Origins of a Magical Ritual. Monmouth: Oakmagic Publications, 1926. 26 p.
16. Judd R.C. The Winter Olympics. Seattle, Washington: The Mountaineers Books, 2008. 252 p.

Галаганова С.Г.

Кандидат философских наук, доцент кафедры
«Информационная аналитика и политические технологии». Московский
государственный технический университет имени Н.Э. Баумана.

Федотова А.В.

Студентка кафедры
«Информационная аналитика и политические технологии». Московский
государственный технический университет имени Н.Э. Баумана.

Прогнозирование демографической ситуации в Российской Федерации методом экспоненциального сглаживания

В качестве одного из видов социального прогнозирования демографическое прогнозирование является необходимым условием успешного развития любой сферы жизнедеятельности современного социума. Демографическая ситуация – важнейший показатель состояния общества, крайне чувствительный к внутренним и внешним переменам, своего рода «барометр» социального благополучия. Поэтому точность прогнозных сценариев демографических ситуаций в стране, регионе, городе обуславливает результативность планирования развития образования, здравоохранения, бизнеса, системы социального обеспечения населения.

В нашей стране демографическое прогнозирование приобретает особое значение ещё и в связи неблагоприятной ситуацией, которую демографы называют «Русским крестом»: в соответствии с выводами учёных, с 2019 по 2035 год в России будет наблюдаться устойчивое превышение показателей смертности населения над рождаемостью в масштабах, с трудом компенсируемых (либо вообще не компенсируемых) внешней миграцией [4]. В течение всего прогнозируемого периода расхождение между рождаемостью и смертностью будет увеличиваться, что, по мнению исследователей, связано с последствиями демографических тенденций 1980–1990-х годов прошлого века и первого десятилетия нынешнего [2].

Однако в условиях цифровой трансформации социума разработку демографических прогнозов существенно затрудняет бурный рост объ-

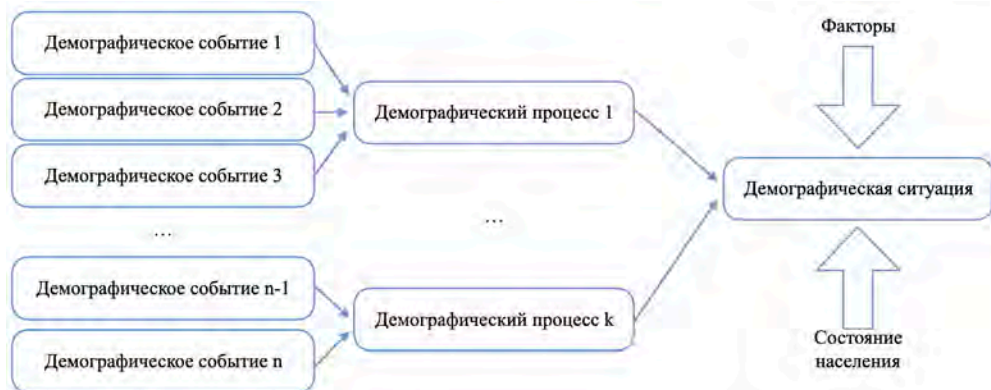

Рисунок 1.

ёма информации и скорости её циркуляции. Построение прогнозных сценариев сегодня невозможно без информационно-аналитического инструментария, позволяющего упростить процесс обработки больших данных [1]. Попытка создания и апробации одного из вариантов подобного инструментария предпринята авторами данной статьи: речь в ней пойдёт об использовании метода экспоненциального сглаживания в качестве инструмента прогнозирования демографической ситуации в Российской Федерации.

Анализ содержания демографической ситуации позволил наглядно представить её структуру на рисунке 1.

К основным компонентам демографической ситуации исследователи относят:

- базовые характеристики состояния населения – его численность, плотность, половую и возрастную структуру;
- оценки базовых демографических процессов – рождаемости, смертности и миграции, которые образуются из отдельных демографических событий в жизни людей (рождение, смерть и прочее);
- социокультурные, экономические и политические факторы, влияющие на текущие показатели состояния населения:
 - социокультурные факторы, влияющие на фертильность, рождаемость и динамику населения (уровень образования, брачность, уровень религиозности и т.д.);
 - экономические факторы, связанные с уровнем благосостояния населения;
 - политические факторы, определяющиеся основным комплексным

фактором политической стабильности (качество институтов государственного управления, безопасность, отсутствие коррупции) [6].

Поскольку отмеченные факторы оказывают влияние друг на друга, для получения полного представления о сегодняшнем и будущем состоянии населения необходимо исследовать все три вышеуказанных аспекта демографической ситуации – как по отдельности, так и комплексно, для выявления их взаимосвязей.

Разработка демографического прогноза предполагает последовательное осуществление следующих действий [5]:

1. Определение объекта прогнозирования и прогнозируемых показателей;

2. Установление временного диапазона (горизонта) прогноза – краткосрочный (1–5 лет), среднесрочный (5–15 лет) или долгосрочный (более 15 лет);

3. Формирование базы прогноза – сбор и анализ исторических данных о населении;

4. Построение сценария, состоящего из гипотез возможных изменений динамики демографических процессов;

5. Выбор метода прогнозирования и модели прогноза (последнее зависит от доступности данных и специфики рассматриваемых демографических показателей).

6. Проведение расчётов модели и представление результатов прогнозирования.

Что касается методов демографического прогнозирования, то в целом их можно разделить на две категории: *интуитивные* (экспертные), суть которых заключается в обработке результатов экспертных оценок, и *формализованные*, основанные на математических и статистических подходах с использованием количественных данных [6].

Применённый в рамках данного исследования метод экспоненциального сглаживания относится к категории формализованных. Отличительная особенность такого вида прогнозирования – наличие определённого алгоритма, который могут воспроизводить другие исследователи, адаптируя его под собственные объекты прогнозирования.

Для устранения аномалий в данных и построения более точного прогноза принято использовать метод скользящих средних. Этот метод помогает уменьшить влияние случайных колебаний и выделить основные тенденции в данных. Его суть заключается в вычислении среднего для фиксированного отрезка временного ряда и в перемещении этого от-

резка до конца. В результате для каждого такого диапазона имеется своё среднее. Тогда для любого значения t , для которого диапазон лежит в пределах от $t-m$ до $t+m$, справедлива функция (1):

$$f(t) = \frac{1}{N} \sum_{i=-m}^m y_{t+k} \quad (15)$$

где N – размер диапазона равный $2m-1$, то есть всегда нечётный, чтобы централизовать вычисляемое значение и чтобы диапазоны слева и справа были равны по длине [3].

Рассмотрим подробнее основные виды экспоненциального сглаживания.

1) Простое экспоненциальное сглаживание подходит для тех данных, которые не обладают трендом (направленность ряда) и сезонностью (цикличность значений показателя с определённым периодом). Это можно представить следующей формулой (12):

где \hat{y}_t – прогноз текущего шага, y_{t-1} – фактическое значение на предыдущем шаге, \hat{y}_{t-1} – прогнозное значение на предыдущем шаге, α – коэффициент сглаживания от 0 до 1. Чем больше значение последнего, тем чувствительнее модель к последним значениям. При инициализации первое прогнозное значение \hat{y}_1 приравнивается к фактическому значению y_1 [11].

2) Метод линейного тренда Хольта (двойное экспоненциальное сглаживание) предпочтителен для данных, которые обладают устойчивым ростом или падением. Метод называется двойным, поскольку здесь учитывается ещё один дополнительные коэффициент – сглаживание тренда, который задаёт скорость его изменения. В общем виде метод выражается следующей формулой (3):

где l_{t-1} – оценка предыдущего уровня ряда рассчитывается по той же формуле, что и в простом экспоненциальном сглаживании (2), h – период прогноза, b_{t-1} – оценка скорости изменения ряда на предыдущем шаге, α – коэффициент сглаживания уровня от 0 до 1, β – коэффициент сглаживания тренда от 0 до 1 [11].

Для выявления наличия тренда в данных используется критерий Фостера-Стюарта, который основан на последовательном сравнении элементов ряда со всеми предыдущими. Для этого вводятся два критерия оценки (4):

$$m_t = \begin{cases} 1, & \text{если } y_t > y_{t-1}, y_{t-2}, \dots, y_1 \\ 0, & \text{иначе} \end{cases} \quad l_t = \begin{cases} 1, & \text{если } y_t < y_{t-1}, y_{t-2}, \dots, y_1 \\ 0, & \text{иначе} \end{cases}$$

где, t – индекс элемента ($2 < t < n$), а при помощи m -критерия проверяется больше ли текущий элемент всех предыдущих; l -критерий, наоборот, проверяет, является ли текущий элемент минимальным.

Далее разность оценок каждого элемента суммируется, а затем с помощью критерия Стьюдента проверяется гипотеза (5) о том, что ряд можно считать случайным, не содержащим тренд. Получаем текущее значение:

$$t_{\text{наблюд}} = \frac{\sum_{i=2}^n (m_i - l_i)}{\delta}, \text{ где } \delta = \sqrt{2l_{nn} - 0.8456}$$

где n – длина ряда, δ – табличное значение, приближенное значение которого вычисляется по указанной формуле, T – распределение Стьюдента с $(n - 1)$ степенями свободы и доверительным интервалом α [10].

Таким образом, при помощи критерия Фостера-Стюарта можно точно определить, существует ли тренд в данных, и можем ли мы применить двойное экспоненциальное сглаживание.

3) Метод Хольта-Винтерса. Его главное отличие от предыдущего заключается в добавлении третьего коэффициента сглаживания для сезонности. Уравнение в общем виде будет выглядеть следующим образом (6):

$$\begin{aligned} \hat{y}_t &= l_{t-1} + hb_{t-1} + s_{t+h-m(k+1)} \\ l_t &= \alpha * y_t + (1 - \alpha) * (l_{t-1} + b_{t-1}) \\ b_t &= \beta(l_t - l_{t-1}) + (1 - \beta) * b_{t-1} \\ s_t &= \gamma(y_t - l_{t-1} - b_{t-1}) + (1 - \gamma) * s_{t-m} \end{aligned}$$

где s – компонента сезонности, γ – коэффициент сглаживания, m – длина сезонного периода, k – целое число циклов длины m , помещающихся в прогнозный период длины h [11].

Как метод линейного тренда Хольта, так и метод Хольта-Винтерса могут быть представлены в двух видах: аддитивном и мультипликативном. Последний с каждым шагом изменяет темп роста или амплитуду сезонных колебаний, в то время как аддитивный сохраняет их [11].

Гибкое сочетание выбранных методов даёт возможность наиболее полно отразить состояние, динамику и тенденции демографических процессов в Российской Федерации.

Применив метод экспоненциального сглаживания для анализа текущей демографической ситуации, мы получили прогнозы динамики численности населения и основных демографических процессов на следующие пятнадцать лет.

Численность населения РФ стабильно росла до 1990 года, однако потом начался спад с 148,5 млн. чел. до 142, 7 млн. чел. к 2008 году, достиг-

нув своего минимума. Затем наблюдался довольно резкий скачок ~3 млн. чел. в 2013-2014 году за счёт присоединения новых территорий. После 2016 года начался спад, и вследствие COVID-19 численность населения уменьшилась на 1 млн. чел. При помощи критерия Фостера-Стюарта было установлено наличие тренда в динамике численности населения, а применение метода скользящих средних позволило «сгладить» период 2020-2023 годов.

Таким образом, в соответствии с прогнозом, построенным методом Хольта-Винтерса, численность населения, вероятнее всего, будет продолжать падать и к 2040 году составит 144,7 млн. чел. (рис. 3). Однако существует и сценарий её выхода на стабильный уровень – уровень колебаний в районе показателя за 2025 год в 146,1 млн. чел., который был построен методом простого экспоненциального сглаживания. В результате наиболее вероятным сценарием окажутся колебания характеристики населения в последующие годы в пределах двух этих значений (средний прогноз представлен на рис. 3).

Анализ поло-возрастного распределения населения РФ (рис. 4) позволяет заключить, что самой многочисленной группой являются люди в возрасте 70 лет и старше: они составляют 15,761 млн. чел. (из них женщины – 10,716 млн. чел.). Вторая по численности группа – люди в возраст-

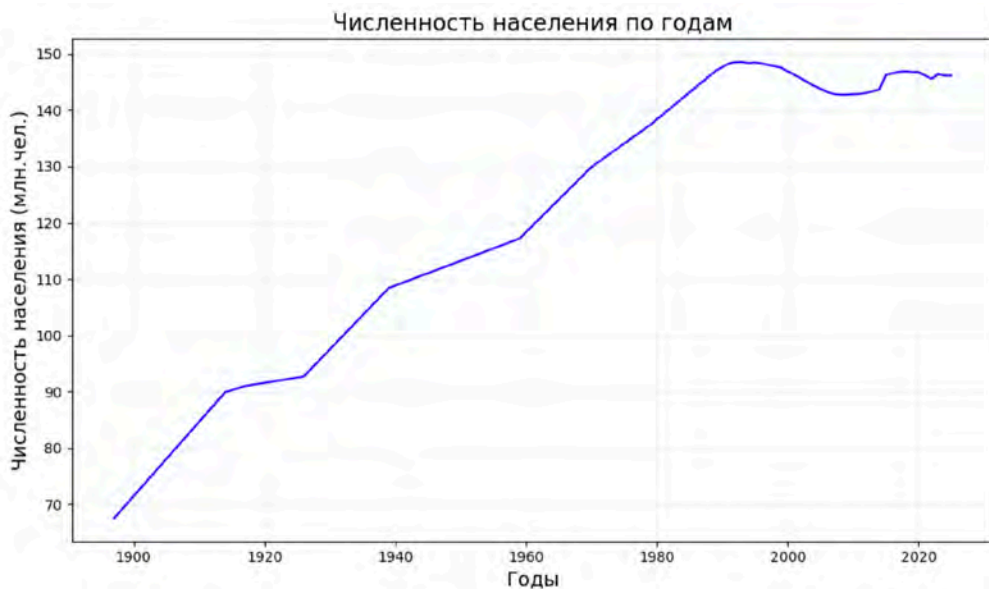

Рис. 2. Динамика численности населения РФ.

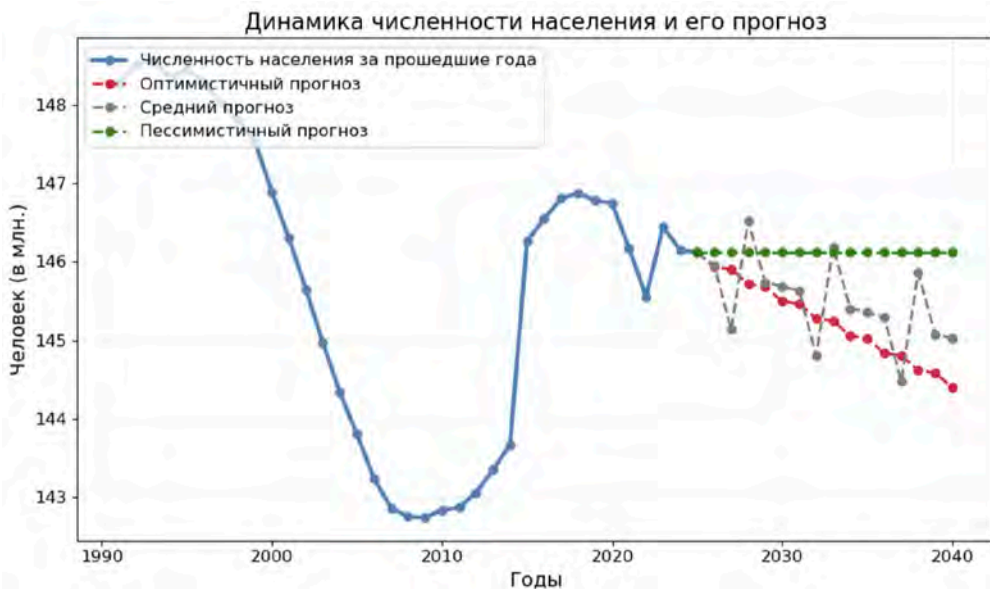

Рис. 3. Прогноз численности населения РФ.

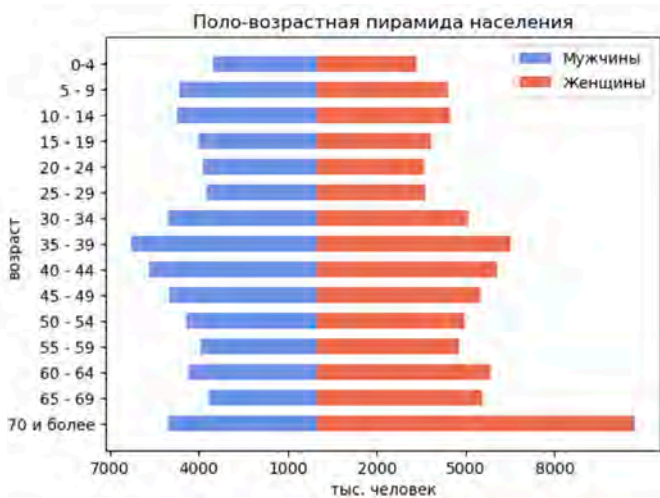

Рис. 4. Поло-возрастная пирамида населения РФ.

те от 35 до 39 лет: она составляет 12,787 млн. чел. Самая малочисленная группа – дети до 4 лет: их насчитывается всего 6,864 млн. чел.

Что касается старения населения, то на рис. 5 наглядно представлено соотношение трудоспособных и нетрудоспособных людей. Исходя из этого, можно сделать вывод, что России присущ высокий уровень старости. Так, в соответствии с рейтингом ООН, по доли людей старше 65 лет на 2024 год Россия занимает 48-е место из 200 представленных в рейтинге стран, то есть входит в 25% стран с наиболее высоким уровнем старения населения [12].

Распределение относительно трудоспособного возраста

Рис. 5. Соотношение трудоспособных и нетрудоспособных групп.

Распределение населения

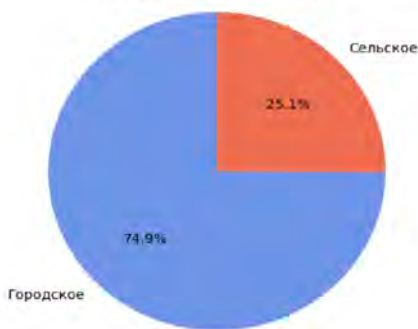

Рис. 6. Соотношение сельского и городского населения.

Отметим и территориальный аспект распределение населения. Приблизительно 25% населения проживает в сельской местности (рис. 6), что свидетельствует о высоком уровне урбанизации населения и доминировании городского образа жизни.

При этом население распределено неравномерно: наибольшая его часть (27,5%) сосредоточена в Центральном федеральном округе, а наименьшая (5,4%) – в Дальневосточном федеральном округе (рис. 7) Лидером по доли сельского населения является Северо-Кавказский федеральный округ (49,1%), в то время как в остальных округах она составила менее 37%. Северо-Западный округ имеет наиболее высокий уровень урбанизации.

Расселение населения РФ по территории страны не соответствует пло-

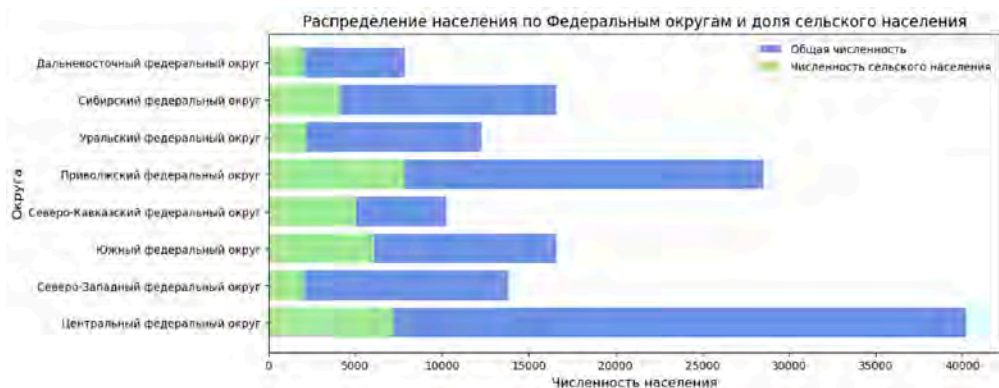

Рис. 7. Распределение населения РФ по федеральным округам.

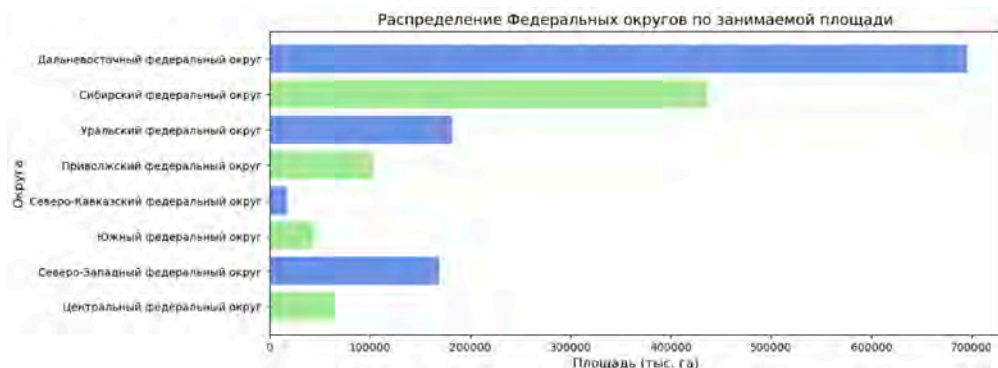

Рис. 8. Площадь федеральных округов.

щадям её округов. Исходя из данных по площади федеральных округов (рис. 8), Центральный ФО в десять раз меньше Дальневосточного ФО, тогда как по численности населения Центрального ФО в пять раз превосходит Дальневосточный ФО.

Перейдём к прогнозам динамики демографических показателей. Естественное движение населения в целом имеет тенденцию к снижению в силу урбанизации и промышленного развития страны (рис. 9). За весь рассматриваемый период рождаемость упала в ~2,5 раза, а смертность имела тенденцию к небольшому росту, что сменило естественный прирост на убыль.

Мы установили, что тренд присутствует в данных смертности, однако в динамике рождаемости он отсутствует. По этой причине прогноз рождаемости был получен методом Хольта, а прогноз смертности населения – методом Хольта-Винтерса, со сглаженной аномалией в 2019-2022 годах, полученной методом скользящих средних (аномалия возникла вследствие пандемии). Общий прогноз естественного движения населения был рассчитан как совокупность двух предыдущих (рис. 9).

Итак, рождаемость, вероятнее всего, в силу текущих тенденций заметно не вырастет: в течение прогнозного периода она будет варьироваться на уровне около 1,27 млн. чел. и может как вырасти до 1,41 млн., так и упасть до 1,14 млн. Показатели смертности наиболее вероятно будут падать или выйдут на плато (по пессимистичному сценарию). Если же рассматривать оптимистичный вариант, то данный демографический процесс к концу прогнозного периода может упасть на 400 тыс. Таким образом, мы получили три прогноза естественного движения населения, в результате которых естественная убыль может смениться на

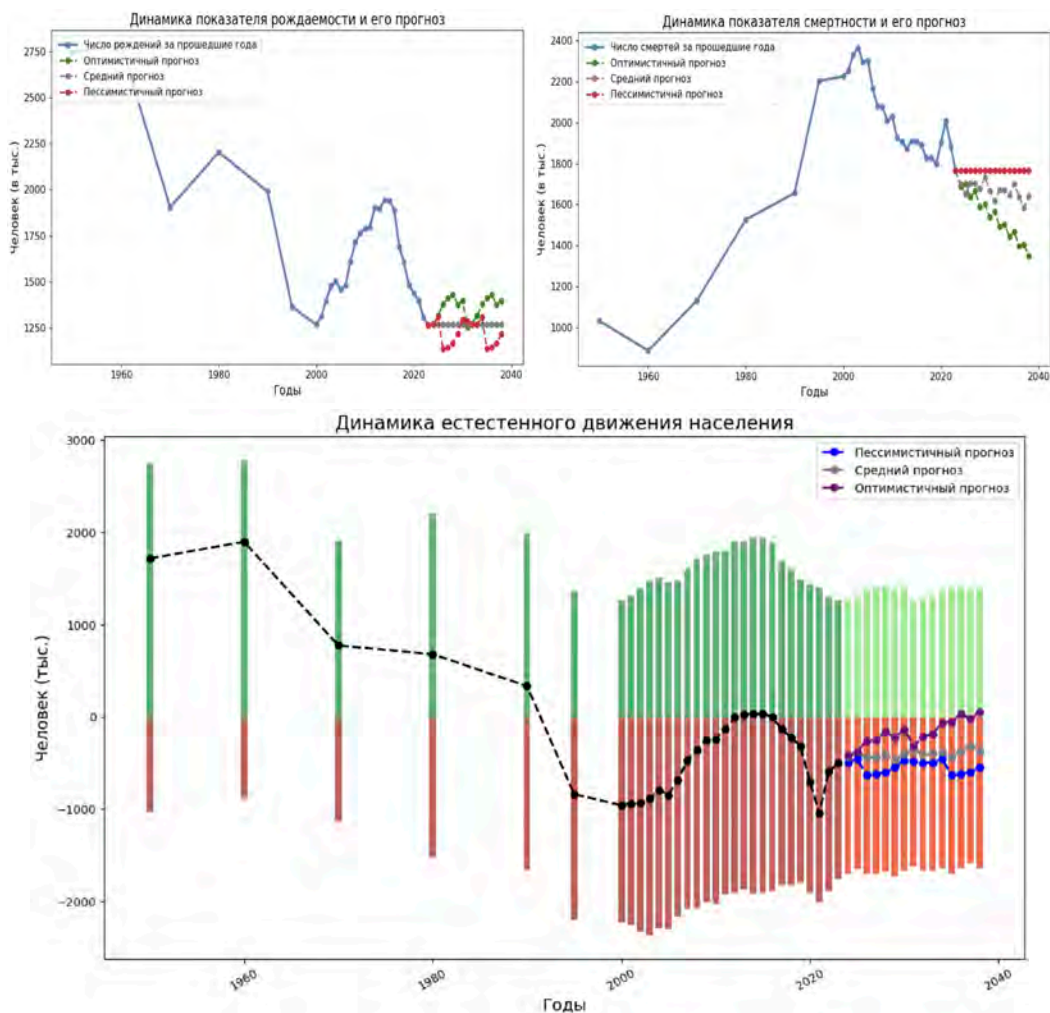

Рис. 9. Динамика естественного движения населения.

прирост только в одном из сценариев и составит 51,8 тыс. к 2038 году. Остальные прогнозы показали, что убыль останется в среднем на уровне - 400,3 тыс. чел. при среднем сценарии или на уровне -543,9 тыс. чел. при пессимистичном.

Одним из аспектов данного исследования был анализ влияния международной миграции на численность населения (рис. 10). С 1990 года количество выбывших уменьшалось, однако с 2010 года начался рост иммигрантов. Аналогичные изменения коснулись и эмиграции: до 2004 года она падала, а затем начала расти (хотя и не достигла пика в 1994 году).

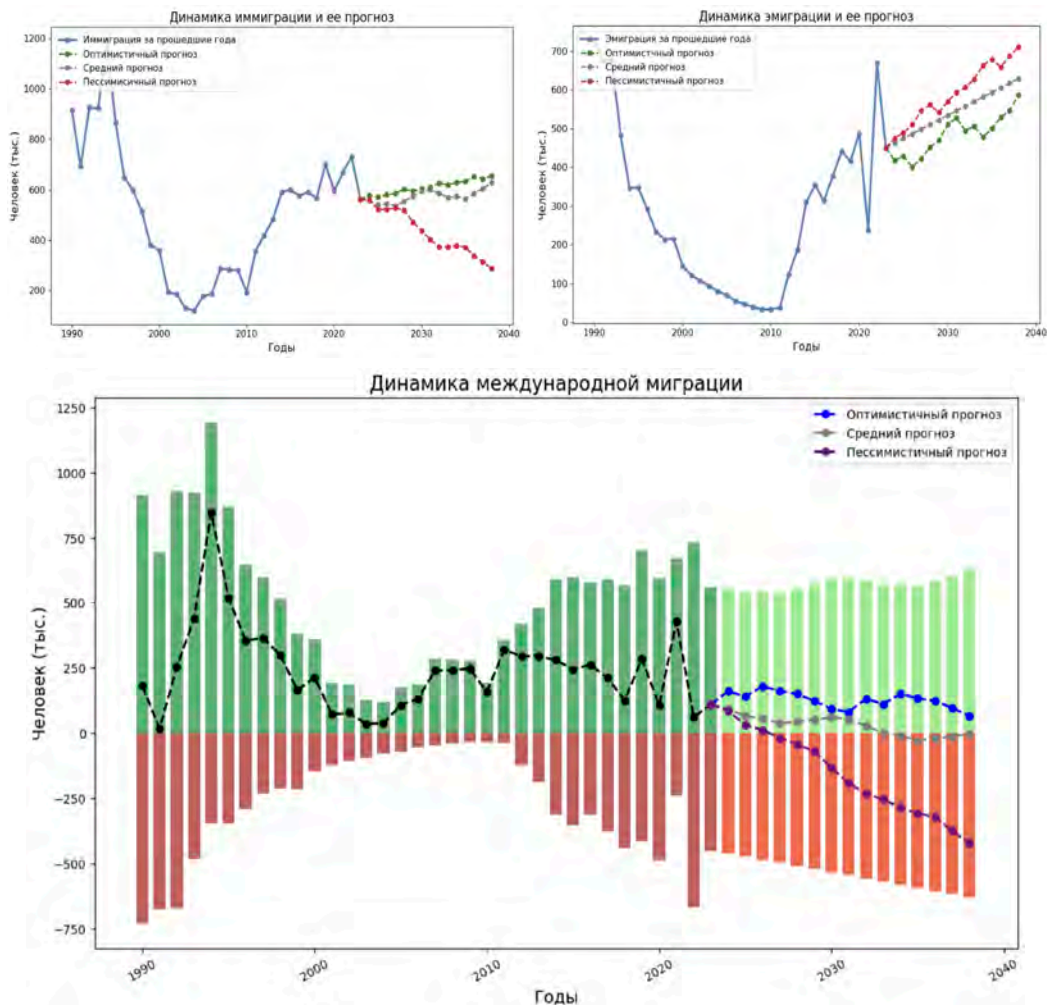

Рис. 10. Динамика миграционного движения населения.

Таким образом, миграционный прирост наблюдался на протяжении всего периода; в последние восемь лет его показатели колеблются, что может свидетельствовать о дестабилизации ситуации в стране.

Рассмотрим результаты прогноза данного демографического процесса (рис. 12). По всей видимости, численность прибывших стабилизируется и даже несколько увеличится – с 560,4 до 653,8 чел. по оптимистичному сценарию. Однако следует допустить и возможность её сильного падения: в соответствии с пессимистичным прогнозом, иммиграция может сократиться почти в 2 раза – до 273,3 тыс. чел. Выбытие из страны может про-

должить расти и через пятнадцать лет достигнуть значения в интервале от 587,1 до 710,2 тыс. чел. Другими словами, все три сценария динамики международной миграции в целом предполагают её спад, на что следует обратить отдельное внимание при принятии управленческих решений.

Построенный прогнозный сценарий позволяет выделить главные проблемы российской демографической политики: необходимость повышения рождаемости, ликвидации полового дисбаланса, неравномерности распределения населения по округам и сокращения численности выбытия из страны. Для этого необходима стабилизация обстановки в стране, модернизация федеральных округов с низкой численностью населения и продолжение политики поддержки молодых семей с соответствующим повсеместным развитием городской инфраструктуры.

В заключение сравним наши прогнозы с официальным прогнозом Росстата от 29 декабря 2023 года (табл. 1). Как можно заметить, цифры, полученные методом экспоненциального сглаживания, вполне сопоставимы с официальными данными: прогноз, построенный при помощи предложенного авторами метода, не вышел за пределы оптимистичного прогноза Росстата.

Таблица 1.

	Пессимистичный	Средний	Оптимистичный
2040	Численность населения (млн. человек)		
Росстат	134,7	140,0	147,8
Методом экспоненциального сглаживания	144,39	145,03	146,12
2038	Естественный прирост (тыс. человек)		
Росстат	-877,1	-457,3	2,8
Методом экспоненциального сглаживания	-548,99	-372,8	51,8
2038	Миграционный прирост (тыс. человек)		
Росстат	152,5	217,3	408,7
Методом экспоненциального сглаживания	-422,8	-2,2	66,8

Из таблицы следует, что в нашем прогнозе показатели естественного прироста населения в целом несколько превышают прогнозные показатели Росстата. Это объясняется тем, что метод экспоненциального

сглаживания «оправдывает своё название»: он «сглаживает» прошлые данные, не закладывая резких спадов рождаемости или ростов смертности. Что же касается методики Росстата, то она учитывает структурные факторы (старение населения, когорты), поэтому официальный прогноз естественного движения населения РФ более пессимистичен.

Отдельного комментария требуют и довольно существенные расхождения в прогнозах миграционного прироста. Они связаны с тем, что в рамках данного исследования анализ миграции был сознательно ограничен международной формой этого процесса, в то время как прогноз Росстата составлялся по абсолютным показателям миграции, то есть учитывал также и внутренние перемещения граждан.

Таким образом, полученные результаты показали, что демографическое развитие России в долгосрочной перспективе останется нестабильным. Несмотря на возможность частичной стабилизации численности населения в пределах 144–146 млн. чел. к 2040 году, сохраняются риски дальнейшего естественного сокращения населения. Естественный прирост по большинству сценариев остаётся отрицательным, что связано с последствиями демографического кризиса 1990-х годов и старением населения. Положительный естественный прирост наблюдается только в оптимистичном варианте прогноза. Прогноз миграционных процессов выявил тенденцию к снижению международной миграции, что может усилить отрицательные последствия естественной убыли.

Как видим, предложенный инструментарий вариативного прогнозирования продемонстрировал достаточно высокую применимость для анализа и моделирования демографических процессов. Полученные результаты могут быть использованы для совершенствования государственной демографической политики.

Список литературы:

1. Галаганова С.Г., Алексашина У.А. Прогнозирование миграционных процессов в Российской Федерации методом имитационного моделирования // Этносоциум и межнациональная культура, 2025. № 10 (208). С. 69-82.
2. Глушаков А.И. Реализация демографического прогноза России: что не так происходит с рождаемостью и смертностью? // Общественное здоровье и здравоохранение. 2021. № 1 (69). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-demograficheskogo-prognoza-rossii-cto-ne-tak-proishodit-s-rozhdaemostyu-i-smertnostyu> (Дата обращения: 25.02.2025).
3. Домбровский В.В. Эконометрика : учебник / В.В. Домбровский. – Томск: Томский государственный университет, 2016. 342 с.
4. Ларина Е., Овчинский В. Русский крест // Наш современник. 2020. № 1. // URL: <https://reading-hall.ru/publication.php?id=27121>
5. Новописная Д.А. Теоретические основы демографии // Наука и производство: материалы двадцатой Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Том I. 21 декабря 2023 г. – Старый Оскол, 2024. 585 с.
6. Пригула О.Д., Давыдова С.Г., Фетисова Г.В. Демографический оптимум: понятие, критерии, подходы к опре-

- делению и прогнозированию // Вестник Новгородского филиала РАНХиГС. 2019. Т. 9. № 1 (11). С. 98-110.
7. Федотова А.В. Демографическая ситуация в городе Москве: состояние, тенденции и проблемы // Аналитические технологии в социальной сфере: теория и практика. Вып. 18 / под общ. ред. И.В. Бочарникова, В.Н. Ремарчука. – М.: Изд-во НИЦ «Национальная безопасность», 2025. С. 19-27.
8. Alshalalda M. Causes of Human Population Growth: A Quantitative Study. – Methodist University, Department of Political Science. 2020. 96 p. // URL: https://www.methodist.edu/wp-content/uploads/2022/06/mr2020_alshalalda.pdf (Дата обращения: 26.10.2025)
9. Bunn, D.W., Wright, G. Interaction of Judgmental and Statistical Forecasting Methods: Issues and Analysis // SSRN Electronic Journal. 2022. // URL: https://download.ssrn.com/11/04/28/ssrn_id1825622_code1504530.pdf
10. Foster F.G., Stuart A. Distribution-Free Tests In Timeseries Dated On the Breaking of Records // JRSS. 1954. Vol. 16. № 1. P. 1-22.
11. Hyndman, R.J., Athanasopoulos, G. Forecasting: Theory and Practice. – Melbourne, Australia: ResearchGate. 2022. // URL: https://www.researchgate.net/publication/358368562_Forecasting_theory_and_practice
12. Population Ages 65 and Above: Percent of Total // United Nations Population Division. 2024. // URL: https://www.theglobaleconomy.com/rankings/elderly_population/ (Дата обращения: 26.10.2025)
13. Горина Л.В., Талинский И.Д., Захарова М.С. Негосударственный сектор дошкольного образования: частные детские сады // Альманах Казачество. 2025. № 86 (5). С. 52-62.

Bibliography

- Galaganova S.G., Aleksashina U.A. Forecasting migration processes in the Russian Federation using simulation modeling // Ethnosocium and Interethnic Culture, 2025. № 10 (208). P. 69-82.
- Glushakov A.I. Implementation of the demographic forecast for Russia: what's wrong with fertility and mortality? // Public health and healthcare. 2021. № 1 (69). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-demograficheskogo-prognoza-rossii-chto-ne-tak-proishodit-s-rozhdaemostyu-i-smernostyu> (02.25.2025).
- Dombrovsky V.V. Econometrics: textbook / V.V. Dombrovsky. – Tomsk: Tomsk State University, 2016. 342 p.
- Larina E., Ovchinsky V. Russian Cross // Nash sovremennik. 2020. № 1. // URL: <https://reading-hall.ru/publication.php?id=27121>
- Novopisnaya D.A. Theoretical Foundations of Demography // Science and Production: Proceedings of the Twentieth All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. Volume I. December 21, 2023 – Stary Oskol, 2024. 585 p.
- Pritula O.D., Davydova S.G., Fetisova G.V. Demographic Optimum: Concept, Criteria, Approaches to Definition and Forecasting // Bulletin of the Novgorod Branch of RANEPa. 2019. Vol. 9. № 1 (11). P. 98-110.
- Fedotova A.V. Demographic situation in Moscow: state, trends and problems // Analytical technologies in the social sphere: theory and practice. Issue 18 / edited by I.V. Bocharnikov, V.N. Remarchuk. – Moscow: Publishing house of the National Security Research Center, 2025. P. 19-27.
- Alshalalda M. Causes of Human Population Growth: A Quantitative Study. – Methodist University, Department of Political Science. 2020. 96 p. // URL: https://www.methodist.edu/wp-content/uploads/2022/06/mr2020_alshalalda.pdf (26.10.2025)
- Bunn, D.W., Wright, G. Interaction of Judgmental and Statistical Forecasting Methods: Issues and Analysis // SSRN Electronic Journal. 2022. // URL: https://download.ssrn.com/11/04/28/ssrn_id1825622_code1504530.pdf
- Foster F.G., Stuart A. Distribution-Free Tests In Timeseries Dated On the Breaking of Records // JRSS. 1954. Vol. 16. № 1. P. 1-22.
- Hyndman, R.J., Athanasopoulos, G. Forecasting: Theory and Practice. – Melbourne, Australia: ResearchGate. 2022. // URL: https://www.researchgate.net/publication/358368562_Forecasting_theory_and_practice
- Population Ages 65 and Above: Percent of Total // United Nations Population Division. 2024. // URL: https://www.theglobaleconomy.com/rankings/elderly_population/ (26.10.2025)
- Gorina L.V., Talinskij I.D., Zakharova M.S. Non-governmental preschool education sector: private kindergartens // Almanac Cossacks. 2016. № 86 (5). P. 52-62.

Пронина Е.В.

*Кандидат экономических наук, доцент кафедры
«Финансы и учёт» Института экономики и права
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный технический университет».*

Джежелий С.В.

*Старший преподаватель кафедры
«Финансы и учёт» Института экономики и права
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный технический университет».*

Особенности инновационной деятельности предприятий агропромышленного комплекса

В современных условиях развития экономики инновационная деятельность становится ключевым фактором успешного функционирования предприятий агропромышленного комплекса (АПК). Достижения науки и техники необходимы для повышения производительности труда, рационального использования трудового и технического потенциала предприятий, а также для эффективного существования всех отраслей сельского хозяйства.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что инновационное развитие АПК является одним из важнейших факторов повышения конкурентоспособности российской региональной социально-экономической системы и уровня жизни населения. В условиях импортозамещения и необходимости обеспечения продовольственной безопасности страны особую значимость приобретает внедрение современных технологий в сельскохозяйственное производство.

Проблема исследования заключается в необходимости выявления особенностей и специфики инновационной деятельности в агропромышленном комплексе, а также определения путей повышения эффективности внедрения инноваций с учетом региональных особенностей и специфики сельскохозяйственного производства.

Цель работы заключается в исследовании особенностей инновационной деятельности предприятий агропромышленного комплекса и разработке рекомендаций по её совершенствованию.

Объектом исследования выступает инновационная деятельность

предприятий агропромышленного комплекса. Предметом исследования являются особенности и закономерности осуществления инновационной деятельности в условиях сельскохозяйственного производства.

Теоретической основой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых в области инновационного менеджмента, экономики сельского хозяйства, государственного регулирования АПК. Методологическую базу исследования составили общенаучные методы познания: анализ и синтез, индукция и дедукция, системный подход, а также специальные методы экономического анализа.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных результатов для совершенствования инновационной деятельности предприятий агропромышленного комплекса и разработки рекомендаций по повышению эффективности внедрения инноваций в сельскохозяйственное производство.

Инновационная деятельность в агропромышленном комплексе представляет собой комплексную систему мероприятий по внедрению научно-технических и организационно-экономических новшеств, направленных на качественное преобразование производственных процессов и повышение эффективности сельскохозяйственного производства.

Сущностные характеристики инновационных процессов в АПК определяются следующими компонентами:

- Технологические инновации, включающие внедрение современной сельскохозяйственной техники и оборудования;
- Биологические инновации, связанные с созданием и применением новых сортов растений и пород животных;
- Агрохимические инновации, предусматривающие использование современных удобрений и средств защиты растений;
- Организационно-экономические инновации, направленные на совершенствование системы управления и организации производства;
- Социально-трудовые инновации, затрагивающие улучшение условий труда и повышение квалификации персонала.

Функциональное назначение инновационных процессов в АПК реализуется через:

- Повышение производительности труда и эффективности использования производственных ресурсов;
- Улучшение качественных характеристик сельскохозяйственной продукции;
- Оптимизацию производственных затрат и снижение себестоимости

продукции;

- Обеспечение продовольственной безопасности региона;
- Усиление конкурентных позиций агропромышленного комплекса.

Специфика инновационных процессов в агропромышленном комплексе обусловлена следующими факторами:

- Природно-климатическая зависимость производственных процессов;
- Сезонный характер сельскохозяйственного производства;
- Территориальная рассредоточенность производственных объектов;
- Биологический характер производственных циклов;
- Длительный период окупаемости инновационных вложений.

Современное состояние инновационной деятельности в АПК характеризуется внедрением следующих технологических решений:

- Автоматизированные системы мониторинга сельскохозяйственных угодий;
- Интеллектуальные системы управления микроклиматом в теплицах;
- Прецизионные технологии полива и внесения удобрений;
- Роботизированные комплексы для выполнения сельскохозяйственных операций;
- Цифровые платформы управления производственными процессами [5, разд I, абз. 1].

Экономическая эффективность инновационных преобразований в агропромышленном комплексе определяется следующими показателями:

- Рост производительности труда;
- Снижение ресурсоемкости производства;
- Повышение качества и конкурентоспособности продукции;
- Увеличение рентабельности производственной деятельности;
- Обеспечение устойчивого развития сельскохозяйственных предприятий.

Таким образом, инновационные процессы в агропромышленном комплексе выступают ключевым фактором модернизации сельскохозяйственного производства и обеспечения его конкурентоспособности в современных экономических условиях.

Инновационная деятельность в сельском хозяйстве представляет собой многоаспектный процесс, требующий систематизации различных видов нововведений. Существуют различные принципы классификации инноваций [1], [2, с. 32-33]. Рассмотрим основные классификационные признаки и соответствующие им виды инноваций.

По предметной сфере применения выделяют следующие группы инноваций:

1. Биологические инновации включают разработку новых сортов сельскохозяйственных культур, создание устойчивых к болезням растений, выведение новых пород животных. Особое внимание уделяется селекционным достижениям и генетическим разработкам.

2. Технические инновации охватывают внедрение современной сельскохозяйственной техники, оборудования и автоматизированных систем управления производственными процессами.

3. Технологические инновации связаны с совершенствованием методов обработки почвы, новыми подходами в животноводстве, внедрением ресурсосберегающих технологий производства и хранения продукции.

4. Химические инновации представлены разработкой современных удобрений, средств защиты растений и новых агрохимикатов.

5. Экономические инновации касаются новых форм организации производства, планирования и управления, механизмов инновационного развития предприятий.

6. Социальные инновации направлены на улучшение условий труда, развитие социальной инфраструктуры сельских территорий.

7. Управленческие инновации включают современные методы управления персоналом, системы мотивации и организационные изменения.

8. Маркетинговые инновации связаны с выходом на новые рынки сбыта, расширением ассортимента продукции и совершенствованием каналов её распространения.

По степени новизны инновации подразделяются на:

- **радикальные** – принципиально новые разработки;
- **комбинаторные** – новое сочетание известных элементов;
- **улучшающие** – совершенствование существующих решений.

По масштабу распространения различают:

- **локальные** – применяемые на отдельном предприятии;
- **отраслевые** – используемые в рамках отрасли;
- **региональные** – применяемые в определённом регионе;
- **глобальные** – используемые на международном уровне.

По направленности воздействия выделяют:

– **продуктовые** инновации, направленные на создание новой продукции;

– **процессные** инновации, изменяющие производственные процессы.

По сфере применения инновации дифференцируются на:

- **инновации в растениеводстве** (селекция, технологии обработки, защита растений);
- **инновации в животноводстве** (новые породы, технологии содержания, кормления);
- **инновации в переработке** (новые технологии обработки, хранения, упаковки).

По источнику финансирования различают:

- **государственные** инновации;
- **частные** инновации;
- **совместные** инновационные проекты.

Такая комплексная классификация позволяет систематизировать инновационные процессы в сельском хозяйстве и эффективно планировать внедрение новых технологий и методов производства с учётом специфики агропромышленного комплекса.

Инновационные процессы в агропромышленном комплексе обладают рядом специфических характеристик, которые необходимо учитывать при их реализации. Рассмотрим основные особенности.

Зависимость от погодных условий является фундаментальной особенностью сельского хозяйства (**исключая закрытые скотоводческие комплексы**). Погодные условия напрямую влияют на:

- Сроки проведения сельскохозяйственных работ;
- Урожайность культур;
- Продуктивность животноводства;
- Эффективность применения новых технологий.

Сезонность производства определяет цикличность внедрения инноваций, необходимость создания резервных фондов, специфику планирования инновационной деятельности, особые требования к хранению и переработке продукции.

Все инновации, технологии в сельском хозяйстве требуют адаптации, которая заключается в учете климатических особенностей региона, модификации технических решений, разработке специальных агрономических приемов, создании защитных сооружений.

Производственные процессы в агропромышленном комплексе имеют множество особенностей. **Так, нередко большое количество видов продукции** предполагает разработку специализированных технологий, создание различных систем контроля качества, формирование особых условий хранения, развитие специализированных каналов сбыта. **Различия в технологиях** проявляются в методах обработки почвы, спосо-

бах содержания животных, системе защиты растений, методах переработки продукции.

Продолжительность различных циклов (производственных, воспроизводства, жизненного цикла продуктов) характеризуется длительным периодом получения результатов, отложенным эффектом от внедрения инноваций, необходимостью долгосрочного планирования, высокой степенью неопределенности [4].

Большое значение имеют территориальные характеристики. Например, **Разобщенность производства** влечет сложности в организации снабжения, проблемы с транспортировкой, особые требования к хранению, необходимость создания локальных центров обслуживания. **Региональные различия** определяют специфику внедрения технологий, необходимость адаптации решений, разный уровень технической оснащенности, особенности подготовки кадров.

Необходимо также учитывать организационные аспекты. Так, **обособленность производителей** проявляется в отсутствии прямой связи с наукой, сложности передачи технологий, недостатке информационной поддержки, проблемах с консультационным сопровождением. Наладивание **механизмов взаимодействия** требует создания специальных структур, развития информационной базы, формирования системы обучения, организации демонстрационных площадок.

Все это влечет за собой экономические особенности, например, **риски внедрения** включают природные факторы, рыночные колебания, технологические сбои, финансовые потери. А период **окупаемости** характеризуется длительным сроком возврата инвестиций, зависимостью от урожайности, влиянием внешних факторов, необходимостью государственной поддержки [3].

Инновации требуют вплотную заняться кадровыми факторами. **Квалификация персонала** требует постоянного обучения, специальной подготовки, практического опыта, мотивации к освоению нового. А **привлечение специалистов** связано с необходимостью создания привлекательных условий, развитием социальной инфраструктуры, формированием карьерных перспектив, обеспечением жильем.

Технологические аспекты внедрения инноваций содержат в себе **комплексный подход, который** предполагает взаимосвязь всех элементов производства, согласованность технологических процессов, учет экологических требований, соблюдение агрономических правил. **Адаптация технологий** требует тестирования в реальных условиях, корректировки

параметров, обучения персонала, создания технической поддержки.

Инфраструктура, как связующая среда, тоже имеет особенности. **Развитие инфраструктуры** включает создание дорог и коммуникаций, организацию энергоснабжения, развитие связи, формирование сервисных центров. **Информационная база** требует создания специализированных систем, развития консультационных служб, формирования банков данных, организации обучающих программ.

Инновации, как всякий сложный процесс, имеют множество участников. Исследовательские институты являются основой инновационной системы АПК. Они включают:

- Академические институты, занимающиеся фундаментальными исследованиями;
- Отраслевые НИИ, разрабатывающие прикладные решения;
- Государственные научные центры (ГНЦ), обладающие уникальным оборудованием и высококвалифицированными специалистами;
- Наукограды – особые муниципальные образования с научно-производственным комплексом.

Образовательные учреждения играют важную роль в подготовке кадров и проведении исследований [4]:

- Сельскохозяйственные вузы;
 - Аграрные колледжи и техникумы;
 - Научно-исследовательские лаборатории при учебных заведениях.
- Промышленные предприятия представлены различными категориями:
- Крупные агрохолдинги;
 - Средние сельскохозяйственные предприятия;
 - Малые фермерские хозяйства;
 - Инновационно-активные компании, специализирующиеся на разработке и внедрении новшеств.

Инновационно-активные предприятия характеризуются:

- Систематическим внедрением новых технологий;
- Разработкой усовершенствованной продукции;
- Внедрением современных методов управления;
- Применением передовых агротехнических решений.

Частные инноваторы включают:

- Предпринимателей, разрабатывающих новые агротехнические решения;
- Изобретателей, создающих уникальные сельскохозяйственные технологии;

– Частных исследователей в сфере агрономии и животноводства.

Государственные структуры, управляющие АПК, выполняют координирующую функцию [2, с. 236-244]:

– Министерство сельского хозяйства и его территориальные подразделения;

– Региональные агропромышленные ведомства;

– Муниципальные органы управления сельским хозяйством.

Вспомогательные структуры обеспечивают поддержку инновационного процесса:

– Информационно-консультационные службы;

– Центры трансфера технологий;

– Демонстрационные площадки;

– Сертификационные центры.

Инвестиционные финансовые структуры включают:

– Государственные фонды поддержки АПК;

– Коммерческие банки, специализирующиеся на агрофинансировании;

– Инвестиционные компании;

– Венчурные фонды.

Система взаимодействия членов инновационного процесса характеризуется многоуровневостью связей между участниками, сложностью организационных структур, необходимостью координации действий различных ведомств, вариативностью форм сотрудничества. Механизмы сотрудничества реализуются через государственные программы поддержки, частно-государственное партнерство, прямые договоры между участниками, участие в инновационных кластерах.

Несмотря на наличие известных схем сотрудничества, встречаются проблемы во взаимодействии участников процесса. Основные сложности включают ведомственную разобщенность, различия в интересах участников, финансовые барьеры, недостаток квалифицированных кадров, территориальную удаленность. Пути решения предполагают развитие единой информационной системы, создание специализированных площадок взаимодействия, совершенствование нормативно-правовой базы, усиление государственной поддержки, развитие системы подготовки кадров. Эффективное взаимодействие всех участников инновационного процесса является ключевым фактором успешного развития агропромышленного комплекса и внедрения современных технологий в сельскохозяйственное производство.

Инновационный процесс в сельском хозяйстве представляет собой комплексную систему мероприятий, направленных на создание, внедрение и распространение новых технологий, методов и решений в агропромышленном производстве. Этот процесс характеризуется определенной последовательностью этапов, каждый из которых имеет свои особенности и требует специфических подходов к реализации.

Начальным этапом инновационного процесса является научно-исследовательская деятельность. На этом этапе проводятся фундаментальные и прикладные исследования, формируется научно-техническая база. Важнейшими задачами становятся изучение проблем отрасли, зарождение и развитие инновационных идей. Исследовательские работы включают:

- Проведение научных экспериментов;
- Разработку новых технологий и методов;
- Оформление результатов в виде объектов интеллектуальной собственности;
- Подготовку документации для практического применения.

После завершения исследовательских работ следует этап апробации разработок. Он включает:

- Производственную проверку результатов исследований;
- Государственное сортоиспытание для новых культур;
- Тестирование новой техники на специализированных станциях;
- Оформление необходимой документации (патенты, лицензии).

Параллельно создается информационная база:

- Разрабатываются методические рекомендации;
- Формируются инструкции по применению;
- Подготавливаются обучающие материалы.

Следующим этапом является организационная работа по внедрению новшеств:

- Подготовка специалистов для работы с инновациями;
- Создание системы информационной поддержки;
- Организация демонстрационных площадок;
- Проведение обучающих мероприятий.

Особое внимание уделяется кадровому обеспечению профессиональной подготовке персонала, повышению квалификации специалистов, переподготовке работников, формированию экспертных групп.

Самым трудоемким является практическое внедрение, которое включает информирование производителей о новых разработках, заключение необходимых договоров, организационно-экономическое сопровожде-

ние, техническое оснащение производства. В процессе освоения происходит настройка технологических процессов, корректировка методик, отработка режимов работы, оценка промежуточных результатов.

Завершающий этап внедрения инноваций заключается в анализе соотношения затрат и полученного эффекта, измерении увеличения объема производства, оценке повышения качества продукции, определения снижения ресурсоемкости. Для этого используются такие методы оценки, как экономический анализ, технологический аудит, экологический мониторинг, социальная оценка.

Инновационный процесс в сельском хозяйстве имеет ряд специфических характеристик:

- Значительный временной период разработки (особенно в селекции);
- Продолжительная стадия апробации;
- Поэтапное внедрение новшеств;
- Необходимость постоянной корректировки.

Его сопровождают такие риски, как влияние природных факторов, возможные технологические сбои, финансовые ограничения, кадровые проблемы. Поэтому инновации нуждаются в государственном регулировании, финансовой поддержке, консультационном сопровождении, информационной помощи. Успешная реализация инновационного процесса требует четкой координации всех этапов, учета специфики сельскохозяйственного производства и постоянного мониторинга эффективности внедряемых решений. Только при соблюдении этих условий возможно достижение максимальной результативности инновационных преобразований в агропромышленном комплексе.

Проведенное исследование теоретических основ инновационной деятельности в агропромышленном комплексе позволяет сделать ряд важных выводов и обобщений. **Сущность инновационных процессов** в АПК заключается в комплексном преобразовании производственных отношений и внедрении научно-технических достижений, направленных на повышение эффективности сельскохозяйственного производства. Инновационная деятельность выступает ключевым фактором модернизации и развития современного агропромышленного комплекса.

Основные результаты исследования показали, что инновационные процессы в сельском хозяйстве имеют ряд специфических особенностей, обусловленных природно-климатическими условиями, сезонностью производства и биологической природой сельскохозяйственных объектов. Эти особенности требуют особого подхода к организации и управлению

инновационными процессами. **Участники инновационного процесса** в АПК формируют сложную многоуровневую систему взаимодействия, включающую научные организации, производственные предприятия, государственные структуры, финансовые институты и другие субъекты инновационной деятельности. Эффективное взаимодействие всех участников является необходимым условием успешной реализации инновационных проектов.

Механизм реализации инноваций в агропромышленном комплексе представляет собой последовательность взаимосвязанных этапов: от создания новшеств до их практического освоения и оценки эффективности. Каждый этап требует особого внимания и профессионального подхода к его реализации. **Практическая значимость** исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы:

- При разработке программ инновационного развития предприятий АПК;
- В процессе планирования инновационной деятельности;
- При оценке эффективности внедряемых новшеств;
- В системе подготовки специалистов агропромышленного комплекса.

Перспективы развития инновационной деятельности в АПК связаны с:

- Углублением научных исследований в области сельского хозяйства;
- Развитием цифровых технологий и автоматизации производства;
- Совершенствованием механизмов государственной поддержки инноваций;
- Усилением международного сотрудничества в инновационной сфере.

Рекомендации по совершенствованию инновационной деятельности в агропромышленном комплексе включают:

- Усиление координации между участниками инновационного процесса;
- Развитие системы подготовки и переподготовки кадров;
- Совершенствование механизмов финансирования инновационных проектов;
- Создание эффективной системы трансфера технологий;
- Развитие информационной инфраструктуры.

В современных условиях инновационная деятельность становится определяющим фактором конкурентоспособности предприятий агропромышленного комплекса. Успешная реализация инновационного по-

тенциала позволит обеспечить продовольственную безопасность страны, повысить эффективность сельскохозяйственного производства и улучшить качество жизни сельского населения. Дальнейшее исследование инновационных процессов в АПК должно быть направлено на разработку новых методов управления инновационной деятельностью, совершенствование механизмов государственной поддержки и развитие системы оценки эффективности внедряемых инноваций.

Список литературы:

1. Иванов В.А. Сущность, классификация инноваций и их специфика в аграрном секторе // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2007. № 1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-klassifikatsiya-innovatsiy-i-ih-spetsifika-v-agrarnom-sektore>
2. Инновационный менеджмент: учебник для вузов / под общей редакцией Л.П. Гончаренко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. 479 с. // URL: <https://urait.ru/bcode/583018>
3. Михайлова М.В., Томичева И.А. Модельный подход к реализации государственной инновационной стратегии в условиях глобальной экономики // Вестник факультета управления СПбГЭУ. 2024. Вып. 19. С. 57-61.
4. Сергеева Н.В. Основы устойчивого развития сельского хозяйства: учебник / Н.В. Сергеева, В.В. Рахаева, Н.Ю. Трясцина, Е.В. Ковалева, Н.В. Арзамасцева. – Курск: Изд-во ЗАО «Университетская книга», 2024. 19 с.
5. Стратегия развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 08.09.2022 г. № 2567-р с изменениями на 19 декабря 2025 года). // URL: <https://docs.cntd.ru/document/351735594>
6. Нестеров О.В. Информационно-аналитические системы как инструмент снижения операционных издержек промышленных предприятий // Альманах «Крым». 2025. № 49. С. 134-143.

Bibliography

1. Ivanov V.A. The essence, classification of innovations and their specificity in the agricultural sector // Corporate governance and innovative development of the Northern economy: Bulletin of the Research Center for Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University. 2007. № 1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-klassifikatsiya-innovatsiy-i-ih-spetsifika-v-agrarnom-sektore>
2. Innovative management: textbook for universities / edited by L.P. Goncharenko. – 2nd ed., revised. and additional. – Moscow: Yurait Publishing House, 2026. 479 p. // URL: <https://urait.ru/bcode/583018>
3. Mikhailova M.V., Tomicheva I.A. A Model Approach to the Implementation of the State Innovation Strategy in the Context of the Global Economy // Bulletin of the Faculty of Management of St. Petersburg State University of Economics. 2024. Issue 19. P. 57-61.
4. Sergeeva N.V. Fundamentals of Sustainable Development of Agriculture: Textbook / N.V. Sergeeva, V.V. Rakhayeva, N.Yu. Tryascina, E.V. Kovaleva, N.V. Arzamasceva. – Kursk: Publishing House of ZAO “Universitetskaya Kniga”, 2024. 19 p.
5. Strategy for the development of the agro-industrial and fisheries complexes of the Russian Federation for the period up to 2030 (approved by the Order of the Government of the Russian Federation of September 8, 2022 No. 2567-r, as amended on December 19, 2025). // URL: <https://docs.cntd.ru/document/351735594>
6. Nesterov O.V. Information and analytical systems (IAS) as a tool for reducing operating costs of industrial enterprises // Almanac “Crimea”. 2025. № 49. P. 134-143.

Баптиданов К.Ю.

*Курсанты факультета Радиотехнического обеспечения ВУНЦ ВВС
«ВВА имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина г. Воронеж».*

Жиденов И.Р.

*Курсанты факультета Радиотехнического обеспечения ВУНЦ ВВС
«ВВА имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина г. Воронеж».*

Как утратить авторитет в воинском коллективе. Деградация личности от лидера к внутреннему противнику

1. Введение

В современной военной организации эффективное руководство остаётся ключевым фактором боеспособности, устойчивости и морального духа подразделений. Авторитет командира выходит далеко за рамки формальной власти и включает профессиональную компетентность, морально-нравственную надёжность, эмпатию, личный пример и способность создавать атмосферу доверия [1; 2; 5; 12].

Исторический и эмпирический опыт показывает, что авторитет не статичен: он может быть утрачен даже у ранее успешных руководителей. Процесс носит кумулятивный характер - незначительные отступления от норм постепенно накапливаются, приводя к эрозии доверия, скрытому сопротивлению и радикальному изменению восприятия: от «своего лидера» к «внутреннему противнику», источнику опасности и морального давления [4; 9].

В условиях современных конфликтов с высокой психологической нагрузкой деструктивное поведение командира (авторитарность, унижения, фаворитизм, игнорирование обратной связи, перекладывание ответственности) особенно быстро разрушает доверие и климат в подразделении, вызывая снижение мотивации, рост дисциплинарных нарушений, суицидальных рисков, саботажа и даже группового неповиновения [7; 8; 16].

Профессиональная деформация личности руководителя, вызванная хроническим стрессом, жёсткой иерархией и отсутствием обратной связи, выступает важнейшим внутренним механизмом, ускоряющим утрату

авторитета: развиваются ригидность, цинизм, эмоциональное выгорание, утрата эмпатии и смещение ценностей в сторону личной власти и выживания [4; 18; 19].

Цель исследования - раскрыть психологические, социальные и организационные механизмы утраты авторитета, систематизировать факторы деградации и предложить научно обоснованные меры профилактики и раннего выявления. Особое внимание уделяется конкретным поведенческим паттернам - «точкам невозврата», после которых восстановление авторитета становится крайне затруднительным.

Работа опирается на синтез отечественной и зарубежной литературы по военной психологии, психологии управления и военной педагогике, а также анализ исторических и современных кейсов [1-20].

2. Методы исследования

Настоящее исследование построено на принципах системного и междисциплинарного анализа. Для достижения поставленной цели - раскрытия механизмов утраты авторитета и деградации личности военного руководителя - был применён комплекс взаимодополняющих методов, позволяющих рассмотреть феномен на теоретическом, эмпирическом и практическом уровнях.

1. Теоретико-методологический анализ и обзор литературы. Первичным этапом стал всесторонний анализ отечественной и зарубежной научной литературы в области военной психологии, социальной психологии малых групп, психологии управления, военной педагогике и социологии организаций. Были систематизированы ключевые концепции авторитета, лидерства, профессиональной деформации и деструктивного руководства. Особое внимание уделялось работам, исследующим специфику воинской деятельности как среды с повышенными уровнями стресса, иерархичности и моральной ответственности [1; 2; 4; 5; 7]. Этот анализ позволил сформировать теоретический каркас исследования, определить базовые понятия (авторитет, деградация, внутренний противник) и выявить лакуны в существующих знаниях, касающихся именно процесса трансформации статуса руководителя.

2. Исторический и сравнительный кейс-анализ. Для верификации теоретических построений и выявления универсальных паттернов был применён метод углубленного анализа конкретных случаев (case-study). Исследование охватывает как исторические, так и современные примеры:

– Исторические кейсы (Наполеон в 1812 г., Л.Г. Корнилов в 1917 г.,

репрессии в РККА 1937-38 гг., Азовские походы Петра I) были отобраны по критериям значимости, документальной подтверждённости и репрезентативности различных стадий и причин утраты авторитета (стратегические ошибки, моральный разрыв с коллективом, системный институциональный кризис). Их анализ проводился на основе изучения исторических документов, мемуаров и научных историографических работ.

– Современные кейсы анализировались по материалам открытых источников: публикации в специализированных военных изданиях («Армейский сборник», «Военная мысль»), отчёты органов военного управления, данные судебной и дисциплинарной практики, а также обобщённые данные психологических исследований в войсках [8; 11; 17]. Акцент делался на примерах из практики российской армии и иностранных вооружённых сил конца XX - начала XXI века, иллюстрирующих типичные поведенческие маркеры деградации руководителя в текущих условиях.

3. Синтез и построение теоретической модели. На основе интеграции данных, полученных литературным обзором и кейс-анализом, был осуществлён теоретический синтез. Его целью стало построение целостной модели процесса утраты авторитета, выявление причинно-следственных связей и ключевых точек невозврата. Метод синтеза позволил:

* Объединить разрозненные факторы (когнитивные, коммуникативные, моральные) в единую систему взаимодействующих детерминант.

* Проследить этапность процесса: от начальной эрозии доверия до финальной социальной изоляции и восприятия как «внутреннего противника».

* Чётко дифференцировать последствия на индивидуальном (для руководителя) и групповом (для коллектива) уровнях, показав их кумулятивный и взаимоусиливающий характер.

4. Метод экспертной оценки и кросс-дисциплинарной верификации. Выводы и рекомендации, сформулированные в работе, прошли внутреннюю верификацию через призму нескольких смежных дисциплин: клинической психологии (оценка личностных изменений и рисков психических расстройств), менеджмента (анализ организационных мер) и педагогики (разработка воспитательных и образовательных программ). Это обеспечило комплексность и практическую применимость предлагаемых решений.

Использованный комплекс методов обеспечивает релевантность, глу-

бину и достоверность исследования, позволяя не только описать феномен, но и выявить его внутренние механизмы, что является основой для разработки эффективных профилактических мер.

3. Теоретическая основа военного руководства и авторитета

3.1. Понятие руководства в военной среде

Руководство в военной организации представляет собой особый вид социального взаимодействия, который существенно отличается от управления в гражданских структурах [2; 5]. Его отличительная черта заключается в одновременном сочетании двух уровней влияния: формально-иерархического (закреплённого воинскими уставами, приказами и должностными полномочиями) и неформального (основанного на личном авторитете, доверии и добровольном признании подчинёнными лидерских качеств командира) [6; 13].

Авторитет руководителя в воинском коллективе следует понимать как комплексное социально-психологическое явление, включающее несколько взаимосвязанных компонентов [12; 14]:

1. Профессионально-компетентный (знание военного дела, умение грамотно принимать решения в условиях неопределённости, способность предвидеть развитие обстановки).

2. Морально-нравственный (последовательность в поступках, верность присяге и воинскому долгу, справедливость в отношении подчинённых, личная честность).

3. Эмоционально-волевой (способность сохранять самообладание в экстремальных условиях, проявлять решительность, демонстрировать уверенность и стойкость).

4. Коммуникативно-личностный (умение устанавливать доверительные отношения, слушать подчинённых, учитывать их мнение, проявлять заботу о личном составе).

Истинный авторитет возникает и поддерживается лишь тогда, когда подчинённые воспринимают влияние командира как внутренне оправданное и соответствующее их собственным ценностям и ожиданиям [13; 15]. В этом случае управление превращается в процесс добровольного следования, а не только в исполнение приказов под угрозой дисциплинарных взысканий [3].

Однако в условиях военной службы авторитет не является раз и навсегда данным качеством. Он требует постоянного подтверждения через повседневные действия, особенно в стрессовых и кризисных ситу-

ациях [7]. Если командир допускает систематические отступления от перечисленных выше принципов - злоупотребляет властью, проявляет несправедливость, унижает достоинство подчинённых, игнорирует их нужды, перекладывает ответственность за собственные просчёты на личный состав, - происходит постепенное разрушение неформального авторитета [4; 11].

Деструктивное руководство в военной среде характеризуется устойчивым паттерном поведения, при котором личные интересы, амбиции или эмоциональные реакции командира начинают доминировать над задачами подразделения и благополучием подчинённых [9]. К типичным проявлениям относятся: публичное унижение, систематическое подавление инициативы, создание атмосферы страха и взаимного недоверия, фаворитизм, манипулирование подчинёнными, игнорирование морально-психологического состояния личного состава [8].

В условиях боевой деятельности или интенсивной боевой подготовки подобные проявления особенно опасны, поскольку подрывают психологическую устойчивость коллектива, снижают мотивацию к выполнению задач и могут привести к трагическим последствиям - от падения боеспособности до случаев суицидов, группового неповиновения или утраты управления подразделением в критический момент [16; 17].

3.2. Профессиональная деформация личности руководителя

Профессиональная деформация личности представляет собой устойчивое негативное изменение психических свойств, ценностных ориентаций и поведенческих стереотипов, возникающее под длительным воздействием специфических условий профессиональной деятельности [4; 19]. В военной среде данный процесс имеет ряд характерных особенностей, обусловленных жёсткой иерархией, высокой степенью ответственности, постоянным стрессом, необходимостью принятия решений в условиях дефицита времени и информации, а также длительным пребыванием в условиях повышенного риска [9; 18].

Основные признаки профессиональной деформации у офицеров-руководителей включают [4; 8]:

1. Усиление авторитарных установок и стремление к чрезмерному контролю.
2. Снижение способности к эмпатическому пониманию подчинённых.
3. Утрата самокритичности и склонность объяснять собственные неудачи внешними обстоятельствами или действиями других лиц.
4. Эмоциональное истощение, цинизм, эмоциональная холодность по

отношению к личному составу.

5. Ригидность мышления, сопротивление нововведениям и изменениям тактико-технических приёмов.

6. Смещение ценностных приоритетов в сторону личного статуса, карьеры и самосохранения в ущерб интересам службы и коллектива.

Профессиональная деформация развивается поэтапно [4]. На начальных стадиях преобладают отдельные проявления: повышенная раздражительность, нетерпимость к возражениям, стремление к упрощённым решениям. По мере прогрессирования процесса происходит углубление изменений: формируется устойчивая защитная позиция «я всегда прав», нарастает эмоциональное отчуждение от подчинённых, утрачивается способность к рефлексии и самокоррекции [9].

В крайней стадии деформация переходит в профессиональную деградацию личности - состояние, при котором происходит существенное искажение нравственных ориентиров, утрата профессиональной идентичности и способности адекватно выполнять руководящие функции [18]. Командир, достигший этой стадии, начинает восприниматься подчинёнными не как лидер, а как источник постоянной угрозы, несправедливости и опасности для жизни и здоровья [11].

Особую роль в ускорении деформации играют следующие факторы [4; 19]:

1. Отсутствие регулярной ротации на командных должностях.
2. Длительное пребывание в условиях боевых действий без адекватного психологического восстановления.
3. Недостаток обратной связи от вышестоящего руководства и от подчинённых.
4. Отсутствие систематической работы по развитию эмоционального интеллекта и рефлексивных способностей.
5. Хроническое переутомление и отсутствие баланса между служебной деятельностью и личной жизнью.

Таким образом, профессиональная деформация выступает не только как следствие, но и как важнейший внутренний механизм, который ускоряет и углубляет процесс утраты авторитета, превращая ранее уважаемого командира в фигуру, вызывающую страх, отторжение и скрытое сопротивление со стороны подчинённых [9; 17].

4. Факторы утраты авторитета в воинском коллективе

4.1. Переоценка собственных возможностей и недооценка противника

Переоценка собственных сил и недооценка противника и объективных условий обстановки относится к числу наиболее часто встречающихся когнитивных искажений у руководителей воинского звена. Данный феномен имеет глубокие психологические корни и проявляется в систематическом завышении вероятности успеха собственных действий при одновременном преуменьшении реальных угроз, сложности задач и возможностей противника.

С точки зрения психологии управления, переоценка собственных возможностей возникает под влиянием нескольких взаимосвязанных механизмов:

– Иллюзия контроля - убеждённость в том, что собственные действия и решения обладают существенно большим влиянием на исход событий, чем это есть в действительности.

– Эффект сверхуверенности - устойчивое завышение точности собственных оценок и прогнозов.

– Эгоцентрическое искажение - склонность приписывать успехи собственным качествам, а неудачи - внешним обстоятельствам.

В военной практике эти искажения приводят к принятию решений, неадекватных реальной обстановке: планированию операций без достаточного резерва времени и сил, игнорированию данных разведки, недооценке логистических ограничений, отказу от альтернативных вариантов действий.

Последствия для авторитета руководителя проявляются в двух плоскостях. Во-первых, повторяющиеся неудачи или излишние потери личного состава подрывают профессиональное доверие подчинённых. Во-вторых, очевидная для большинства военнослужащих неадекватность принимаемых решений порождает ощущение, что командир подвергает их жизни необоснованному риску ради собственных амбиций, сохранения лица или карьерных соображений.

Типичные поведенческие маркеры, ускоряющие утрату авторитета:

1. Категорическое отвержение разведывательных данных, противоречащих собственному замыслу.

2. Публичное обвинение подчинённых в трусости или некомпетентности при столкновении с реальными трудностями, которые были предсказуемы.

3. Настойчивое продолжение невыполнимой задачи после явных признаков её бесперспективности.

4. Игнорирование предложений и предупреждений более опытных

подчинённых и штабных специалистов.

4.2. *Нарушения коммуникации и информационные сбои*

Эффективная коммуникация в воинском коллективе - это не только передача приказов сверху вниз, но и обеспечение устойчивого двустороннего обмена информацией, включая обратную связь от исполнителей к руководителю. Нарушения в этой сфере относятся к числу наиболее разрушительных факторов утраты авторитета.

Основные формы дисфункциональной коммуникации, характерные для этапа деградации руководителя:

1. Односторонняя информационная модель («приказ - исполнение - контроль»), исключающая содержательную обратную связь.

2. Систематическое прерывание докладов и предложений подчинённых.

3. Использование публичного осуждения и унижения как основного инструмента «воспитательного воздействия».

4. Сокрытие от личного состава объективной информации о реальном положении дел, целях операции, ожидаемых потерях.

5. Создание атмосферы, в которой подчинённые опасаются сообщать плохие новости из страха негативной реакции.

Такие паттерны приводят к нескольким взаимосвязанным последствиям:

– Накоплению «скрытых» проблем, которые в критический момент проявляются в виде внезапных срывов.

– Формированию у подчинённых убеждённости в том, что командир либо некомпетентен, либо сознательно вводит их в заблуждение.

– Возникновению чувства предательства, особенно когда подчинённые узнают важную информацию из неофициальных источников.

– Резкому снижению готовности сообщать руководителю объективную информацию, что ещё больше изолирует его от реальности.

4.3. *Отсутствие подготовки и адаптивности*

Современные вооружённые конфликты характеризуются высокой динамикой изменений тактической обстановки, быстрым обновлением технических средств и появлением новых форм и способов ведения боевых действий. В этих условиях способность руководителя к своевременной адаптации и постоянному профессиональному развитию становится критически важной характеристикой.

Отсутствие адаптивности проявляется в следующих устойчивых формах поведения:

1. Ригидная приверженность устаревшим тактическим схемам и шаблонам.
2. Сопротивление освоению новых технических средств и способов действий.
3. Игнорирование опыта других подразделений и иностранных армий.
4. Нежелание проводить анализ собственных неудач и извлекать уроки.
5. Отсутствие систематической работы по повышению профессиональной подготовки подчинённых.

Для воинского коллектива последствия такого стиля руководства оказываются особенно тяжёлыми: подразделение оказывается неготовым к реальным условиям боя, несёт неоправданные потери, утрачивает уверенность в собственных силах и в компетентности командира.

С точки зрения психологии авторитета, отсутствие адаптивности воспринимается подчинёнными как прямое доказательство профессиональной несостоятельности руководителя, что особенно болезненно в военной среде, где профессионализм является одной из базовых ценностей.

4.4. Деструктивное поведение и моральные нарушения

Деструктивное поведение руководителя представляет собой наиболее прямой и быстродействующий фактор разрушения авторитета. Оно характеризуется устойчивым приоритетом личных интересов, эмоциональных реакций и амбиций над задачами службы и благополучием подчинённых.

К числу наиболее разрушительных проявлений относятся:

1. Систематический фаворитизм и продвижение по службе лиц, лояльных лично командиру, в ущерб более подготовленным военнослужащим.
2. Регулярное применение унижительных форм воздействия (публичные оскорбления, насмешки, сравнения с негативными примерами).
3. Использование служебного положения для личного обогащения или удовлетворения амбиций.
4. Игнорирование или замалчивание фактов правонарушений, совершаемых «своими» людьми.
5. Создание обстановки постоянного страха наказания вместо мотивации через осознание значимости задачи.
6. Перекалывание ответственности за собственные просчёты на подчинённых, вплоть до инициирования дисциплинарных взысканий в отношении тех, кто пытался предупредить об опасности.

Моральные нарушения особенно тяжело переживаются в воинском

коллективе, где представления о справедливости, товариществе и защите «своих» являются одними из базовых ценностей. Когда командир сам нарушает эти ценности, он лишается морального права требовать их соблюдения от подчинённых. В результате происходит глубокий мировоззренческий разрыв: подчинённые перестают видеть в командире «своего» человека и начинают воспринимать его как чужеродный, враждебный элемент внутри коллектива.

Эмпирические данные подтверждают прямую связь между деструктивным руководством и ростом нарушений. Так, по результатам анонимного анкетирования военнослужащих срочной службы одного из военных округов (выборка 1200 человек, 2022 г.), 67% респондентов указали, что в случае конфликта или правонарушения со стороны сослуживца они не стали бы обращаться к непосредственному командиру, если считают его несправедливым или предвзятым. 41% опрошенных прямо связали рост случаев «неуставных отношений» в их подразделении с пассивной или потворствующей позицией командира. Это создаёт «эффект вакуума власти», который быстро заполняется деструктивными неформальными нормами.

Таким образом, совокупное действие перечисленных факторов создаёт устойчивую динамику: от постепенной эрозии доверия, через нарастание скрытого сопротивления и эмоционального отчуждения к открытому или латентному восприятию руководителя как внутреннего противника, чьи действия объективно наносят ущерб подразделению и личному составу.

5. Исторические и современные примеры деградации руководителя

5.1. Исторические случаи

Исторический материал вооружённых сил России и других государств содержит значительное количество задокументированных примеров, когда первоначально авторитетные военачальники в результате накопления управленческих ошибок, личностных изменений и утраты адекватного восприятия обстановки постепенно лишались доверия подчинённых. В ряде случаев такое падение авторитета приводило к восприятию командира как фигуры, представляющей прямую угрозу жизни и благополучию личного состава.

Поход Наполеона в Россию 1812 года.

Кампания 1812 года представляет собой один из наиболее детально изученных случаев глубокой стратегической и личностной деградации

полководца. На момент начала вторжения Наполеон обладал непрерываемым авторитетом в армии как стратег, неоднократно одерживавший победы в сложнейших условиях. Однако по мере развития событий проявились все основные признаки нарастающего отрыва от реальности:

– Систематическая переоценка возможностей Великой армии и недооценка как русского сопротивления, так и природно-климатических факторов.

– Игнорирование объективных докладов о состоянии войск, снабжении, потерях и моральном духе.

– Упорное следование изначальному замыслу даже после очевидных признаков надвигающейся катастрофы.

– Постепенный переход от демонстрации заботы о солдатах к эмоциональной отстранённости и равнодушию к их судьбе.

К периоду отступления из Москвы в войсках уже широко распространялись представления о том, что император принёс армию в жертву собственному честолюбию и нежеланию признать ошибку. Авторитет Наполеона как «отца солдат» был необратимо подорван; многие участники кампании впоследствии характеризовали его не как великого полководца, а как человека, сознательно обрёкшего сотни тысяч на гибель ради личных амбиций.

Генерал Л.Г. Корнилов и события лета 1917 года (Русская армия периода революции).

После Февральской революции генерал Корнилов, назначенный Верховным Главнокомандующим, первоначально воспринимался значительной частью офицерского корпуса и части солдат как фигура, способная восстановить дисциплину и боеспособность разлагающейся армии. Однако его попытка ввести жёсткие меры (включая восстановление смертной казни на фронте и ограничение влияния солдатских комитетов) быстро привели к резкому падению авторитета.

Кульминацией стала так называемая «корниловщина» - выступление, воспринятое значительной частью войск как попытка контрреволюционного переворота. Авторитет Корнилова среди солдат и части офицерства рухнул практически мгновенно: его действия были расценены как предательство интересов революции и угроза солдатским правам. В результате он из потенциального спасителя армии превратился в фигуру, вызывающую открытое неприятие и сопротивление.

Репрессии 1937-1938 годов и их последствия для командного состава РККА.

Массовые репрессии против высшего и среднего командного состава Красной Армии в 1937-1938 годах привели к резкому снижению уровня доверия внутри воинских коллективов. Уничтожение или отстранение значительной части опытных командиров (включая маршалов, командармов и комкоров) создало атмосферу всеобщей подозрительности и страха.

Многие оставшиеся на службе командиры, опасаясь репрессий, стали избегать самостоятельных решений, проявлять чрезмерную осторожность и перестраховку, что подрывало их авторитет у подчинённых. Войска видели в руководителях не уверенных лидеров, а людей, постоянно оглядывающихся на вышестоящее начальство и готовых пожертвовать подчинёнными ради собственной безопасности. Этот период стал примером системной деградации авторитета командного состава в целом, когда страх перед репрессиями заменил профессиональную уверенность и заботу о личном составе.

Азовские походы Петра I (1695-1696 годы).

Первый Азовский поход 1695 года завершился неудачей из-за отсутствия единого командования, слабой координации между сухопутными силами и флотилией, недостаточной подготовки к осадным действиям и недооценки сопротивления турецкого гарнизона. Петр I, лично руководивший операцией, столкнулся с серьёзным падением авторитета среди стрельцов и дворянской конницы после бесславного отступления.

Второй поход 1696 года потребовал огромных усилий по восстановлению доверия: создание регулярного флота, тщательная подготовка и личное участие царя в преодолении логистических трудностей позволили взять крепость. Этот пример показывает, как первоначальная неудача может привести к временной утрате авторитета, но целенаправленная работа по исправлению ошибок способна его восстановить.

5.2. Современные примеры

В вооружённых силах современной России и других государств продолжают фиксироваться случаи утраты авторитета командирами ротного, батальонного и полкового звена, связанные преимущественно с нарушениями морально-психологического климата в подразделениях.

Случаи отстранения командиров за создание неблагоприятной обстановки.

В последние десятилетия неоднократно публиковались материалы о снятии с должностей офицеров за систематическое унижение подчи-

нённых, фаворитизм, игнорирование переутомления личного состава и сокрытие проблем. Подобные действия приводят к быстрому переходу подчинённых от стадии «командир допускает ошибки» к стадии «командир представляет угрозу для нас».

Типичные проявления включают:

1. Принуждение к выполнению задач без необходимого отдыха и ротиации.
2. Публичные оскорбления и унижения военнослужащих за допущенные промахи или ранения.
3. Искажение докладов вышестоящему командованию за счёт перекладывания ответственности на подчинённых.
4. Игнорирование сигналов о морально-психологическом истощении личного состава.

Примеры из практики участия в современных конфликтах.

В условиях длительных боевых действий фиксировались ситуации, когда первоначально авторитетные командиры за несколько месяцев утрачивали доверие из-за накопления перечисленных нарушений. Подразделения начинали демонстрировать пассивный саботаж, сокрытие информации от командира, снижение боевой инициативы и в крайних случаях - прямой отказ выполнять явно невыполнимые или опасные приказы.

5.3. Данные современных исследований и опросов

Помимо единичных кейсов, системные исследования подтверждают распространённость и серьёзность проблемы деструктивного руководства в воинских коллективах.

1. Исследование морально-психологического климата (МПК). По данным ежегодного мониторинга МПК, проводимого психологической службой в одном из объединений Западного военного округа (2021-2023 гг.), было выявлено, что в подразделениях, оцененных как «неблагополучные» или «кризисные» по социально-психологическим показателям, в 85% случаев фиксировались жалобы личного состава на конкретные паттерны поведения командира: непредсказуемость реакций, публичные унижения, фаворитизм. В «благополучных» подразделениях такие жалобы отмечались лишь в 12% случаев.

2. Опрос офицерского состава. Анонимный опрос офицеров от лейтенанта до подполковника (N=450, проведён на базе курсов повышения квалификации в 2022 г.) показал, что:

- 58% респондентов лично сталкивались в своей карьере с ситуацией,

когда командир части или подразделения в значительной степени утратил доверие большинства подчинённых.

– В качестве трёх главных причин такого падения авторитета были названы: несправедливость в поощрениях и наказаниях (71%), отказ признавать свои ошибки и перекладывание ответственности (64%), пренебрежение бытовыми нуждами и психологическим состоянием личного состава (49%).

– При этом только 22% считают существующие в системе механизмы (обращение к вышестоящему командованию, работа с психологом) достаточно эффективными для коррекции поведения такого руководителя на ранней стадии.

3. Анализ дисциплинарной статистики. Сравнительный анализ данных из частей с разным уровнем МПК свидетельствует: в подразделениях, где оценка авторитета командира со стороны личного состава низка, количество дисциплинарных проступков (самовольные отлучки, нарушения устава) в среднем в 2-3 раза выше, а количество рапортов на преждевременное увольнение по контракту среди младшего командного состава (сержантов) - в 4 раза выше.

Эти данные однозначно указывают на то, что описанные в теории поведенческие паттерны имеют массовое проявление на практике и напрямую коррелируют с ключевыми показателями боеспособности и устойчивости воинского коллектива: дисциплиной, текущей кадрами и психологическим благополучием.

5.4. Обобщающие выводы из анализа случаев

Сравнительный анализ исторических и современных примеров позволяет выделить устойчивые закономерности процесса деградации:

1. Утрата авторитета почти никогда не происходит одновременно - ей предшествует длительный период накопления «малых» нарушений доверия и моральных отступлений.

2. Решающий перелом чаще всего наступает после событий, которые подчинённые однозначно трактуют как доказательство равнодушия командира к их жизни, здоровью и достоинству.

3. Чем выше был первоначальный уровень авторитета, тем болезненнее для коллектива оказывается его падение и тем труднее последующее восстановление.

4. Восстановление утраченного авторитета в воинском коллективе возможно лишь в исключительных случаях и требует не только смены обстановки, но и длительной демонстрации противоположного стиля

руководства, а часто - вмешательства вышестоящих инстанций или перевода в другую часть.

Таким образом, рассмотренные примеры убедительно свидетельствуют о том, что процесс превращения руководителя из лидера в фигуру, воспринимаемую как внутренний противник, представляет собой реализацию типичных социально-психологических закономерностей в специфических условиях военной организации и боевой деятельности.

6. Последствия для коллектива и руководителя

Утрата авторитета руководителя и последующая деградация его личности влекут за собой многоуровневые негативные изменения, затрагивающие как воинский коллектив в целом, так и самого руководителя. Эти последствия носят как непосредственный, так и отсроченный характер, проявляются на психологическом, социальном, организационном и боевом уровнях и, как правило, усиливают друг друга, создавая замкнутый круг разрушения.

6.1. Последствия для воинского коллектива

1. Снижение морального духа и мотивации. Когда подчинённые перестают воспринимать командира как надёжного и компетентного лидера, происходит резкое падение внутренней мотивации к выполнению задач. Добровольная инициатива, готовность к преодолению трудностей и чувство «мы вместе» сменяются формальным, минимально достаточным исполнением приказов. Солдаты и сержанты начинают действовать по принципу «лишь бы не наказали», что существенно снижает качество выполнения боевых и служебных задач.

2. Рост пассивного и активного сопротивления. На ранних стадиях утраты авторитета преобладает пассивное сопротивление: сокрытие информации, замедление темпов работы, формальное выполнение приказов без проявления инициативы. По мере углубления кризиса может возникать активное противодействие: открытый саботаж, групповые жалобы, отказ от выполнения явно опасных или бессмысленных распоряжений. В крайних случаях фиксируются проявления коллективного неповиновения.

3. Увеличение числа дисциплинарных нарушений. Утрата морального авторитета руководителя приводит к ослаблению внутренней дисциплины. Подчинённые начинают считать, что «если командир нарушает нормы, то и нам можно». Это проявляется в росте случаев самовольного оставления части, нарушения уставных правил, употребления алкоголя,

конфликтов между военнослужащими, неисполнения распорядка дня.

4. Рост суицидальных рисков и аутоагрессивного поведения. Многолетние исследования военной психологии показывают устойчивую связь между деструктивным стилем руководства и повышением частоты суицидов и попыток самоубийства среди подчинённых. Ощущение предательства со стороны командира, постоянное унижение, чувство безысходности и отсутствие поддержки значительно увеличивают вероятность трагических исходов. Суицид в таких условиях часто воспринимается подчинёнными как «последний протест» против несправедливого руководства.

Анализ открытых отчётов и заявлений официальных представителей Минобороны РФ позволяет выявить устойчивые корреляции. Хотя общее число суицидов в ВС РФ за последнее десятилетие имеет тенденцию к снижению благодаря системным мерам, качественный анализ инцидентов указывает на значимую роль социально-психологического климата в подразделении. Например, в докладе Главной военной прокуратуры за 2020 год (цитируется по данным РИА Новости) отмечалось, что в почти 40% случаев суицидов и попыток самоубийства, расследованных в войсках, предшествующей причиной являлись «проблемы во взаимоотношениях военнослужащих, в том числе с командирами». Данные опроса, проведённого среди офицеров-воспитателей и военных психологов (N=180, 2023 г.), свидетельствуют: 73% экспертов считают «конфликтные, унижающие отношения с непосредственным начальником» ключевым или значимым фактором, провоцирующим суицидальные мысли у военнослужащих.

5. Снижение боеспособности подразделения. Совокупность перечисленных факторов приводит к заметному падению боеспособности: ухудшению координации действий, снижению скорости принятия решений на нижних уровнях, уменьшению устойчивости в бою, росту неоправданных потерь. Подразделение, утратившее доверие к командиру, хуже справляется с внезапными изменениями обстановки, сложными задачами и длительными нагрузками.

6. Долгосрочные социальные последствия. После завершения службы многие военнослужащие, пережившие период работы под деструктивным руководством, сохраняют стойкое недоверие к военной системе, офицерскому корпусу и государственным институтам в целом. Это проявляется в посттравматических реакциях, трудностях социальной адаптации, негативном отношении к службе в армии у их детей и знакомых.

6.2. Последствия для самого руководителя

1. Социальная и профессиональная изоляция. По мере нарастания неприязни со стороны подчинённых командир оказывается в состоянии нарастающей изоляции. Он перестаёт получать объективную информацию, лишается неформальной поддержки, сталкивается с нарастающим скрытым или открытым противодействием. Это усиливает чувство одиночества и паранойяльные тенденции («все против меня»).

2. Углубление профессиональной деформации и деградации. Отсутствие обратной связи и критики со стороны коллектива ускоряет личностные изменения: утрачивается самокритичность, нарастает защитная агрессия, усиливается цинизм. Руководитель всё чаще объясняет происходящее внешними причинами («солдаты разложились», «время такое», «вышестоящее командование не понимает»), что ещё больше отдаляет его от реальности.

3. Развитие психических и психосоматических расстройств. Длительное пребывание в состоянии конфликта с подчинёнными, ощущение утраты контроля и постоянная тревога за собственный статус приводят к развитию тревожно-депрессивных состояний, посттравматического стрессового расстройства (особенно если руководитель ранее участвовал в боевых действиях), хронического эмоционального выгорания, соматоформных расстройств (головные боли, нарушения сна, сердечно-сосудистые проблемы).

4. Профессиональная дисквалификация и крах карьеры. В большинстве случаев утрата авторитета рано или поздно становится очевидной для вышестоящего командования. Это приводит к дисциплинарным взысканиям, понижению в должности, отстранению от занимаемой должности или досрочному увольнению. Восстановить репутацию и вернуться на прежний уровень после такого эпизода удаётся лишь в исключительных случаях.

5. Личностный кризис и утрата смысла. Для многих офицеров военная служба является не просто работой, а основной идентичностью и смыслом жизни. Утрата авторитета и признания со стороны подчинённых часто воспринимается как крах всей профессиональной и личностной идентичности. Это может приводить к тяжёлым депрессивным состояниям, экзистенциальному кризису, потере жизненных ориентиров после увольнения.

6.3. Взаимосвязь и кумулятивный характер последствий

Наиболее опасная особенность описанных последствий заключается

в их взаимном усилении. Падение морального духа коллектива провоцирует ещё большее раздражение и жёсткость со стороны руководителя. Это усиливает сопротивление и отчуждение подчинённых. То, в свою очередь, углубляет изоляцию и психическое истощение командира. В результате ещё больше снижается качество его решений и повышается вероятность новых ошибок.

Таким образом, утрата авторитета запускает самоподдерживающийся деструктивный цикл. Разрушительное воздействие этого цикла распространяется далеко за пределы конкретного подразделения и конкретного периода времени, оставляя долговременный след как в судьбах отдельных военнослужащих, так и в морально-психологическом климате военной организации в целом.

7. Рекомендации по профилактике

Предотвращение утраты авторитета руководителя и связанной с ней деградации личности требует системного подхода, сочетающего меры индивидуального, группового и организационного уровней. Ниже представлены научно обоснованные направления профилактической работы, выстроенные по принципу от наиболее общих к более конкретным и адресным.

7.1. Организационные и институциональные меры

1. Периодическая ротация на командных должностях. Длительное пребывание в одной и той же руководящей должности (особенно в условиях высокой ответственности и стресса) является одним из главных факторов профессиональной деформации. Рекомендуется установить нормативные сроки пребывания в должности командира роты - не более 3-4 лет, батальона - не более 4-5 лет с обязательным перемещением на иную должность (штабную, преподавательскую или вышестоящую). Ротация позволяет избежать застоя, «привыкания» к подчинённым и утраты свежего взгляда на управленческие задачи.

2. Введение обязательной психологической аттестации руководящего состава. Не реже одного раза в два года проводить комплексную психолого-психиатрическую и личностную диагностику всех офицеров, занимающих должности от командира роты и выше. Программа обследования должна включать:

Оценку уровня эмоционального выгорания.

Диагностику признаков авторитарного сдвига личности.

Измерение способности к эмпатии и рефлексии.

Выявление признаков профессиональной деформации.

Результаты должны учитываться при планировании служебного продвижения и назначении на вышестоящие должности.

3. Создание системы анонимной обратной связи от подчинённых. Внедрить регулярные (не реже двух раз в год) анонимные опросы личного состава о морально-психологическом климате в подразделении и оценке деятельности непосредственного командира. Опросники должны содержать вопросы как прямого, так и косвенного характера, позволяющие выявлять признаки деструктивного стиля руководства на ранних стадиях. Результаты должны доводиться до командира в обобщённом виде и служить основой для индивидуальной коррекционной работы.

4. Усиление роли военных психологов в повседневной деятельности частей. Повысить штатную численность психологической службы в соединениях и частях, обеспечить их реальное участие в планировании боевой подготовки, анализе морально-психологического состояния и разрешении конфликтных ситуаций. Психологи должны иметь право прямого доклада командиру соединения о выявленных признаках неблагополучия в подчинённых подразделениях.

7.2. Меры индивидуально-коррекционной направленности

1. Обязательные программы развития эмоционального интеллекта и рефлексивных способностей. Включить в систему повышения квалификации офицерского состава регулярные (не реже одного раза в три года) курсы по развитию эмоционального интеллекта, навыков конструктивной коммуникации, управления конфликтами и рефлексии. Программа должна содержать практические тренинги с использованием видеозаписей, ролевых игр и анализа реальных управленческих ситуаций.

2. Индивидуальная психологическая работа при выявлении ранних признаков деформации. При обнаружении первых симптомов профессиональной деформации (повышенная раздражительность, снижение эмпатии, ригидность) проводить с офицером курс индивидуальной психологической коррекции (8-12 встреч) с обязательным последующим контролем в течение года. В тяжёлых случаях рекомендовать временное отстранение от руководящей должности с сохранением денежного содержания.

3. Создание системы наставничества и супервизии. Ввести институт наставничества для молодых командиров рот и батальонов: опытный офицер (не ранее командира полка) регулярно наблюдает за деятельностью подшефного командира, проводит разбор управленческих решений и даёт конфиденциальную обратную связь. Дополнительно возможна су-

первизия группами командиров одного уровня под руководством военного психолога.

7.3. Образовательные и воспитательные меры

1. Включение тематики этического лидерства и профилактики деформации в программы военных вузов и курсов повышения квалификации. Значительно увеличить объём часов, посвящённых изучению психологии воинского коллектива, этики военного руководства, механизмов профессиональной деформации и способов её предупреждения. Ввести обязательные практические занятия по анализу реальных случаев утраты авторитета.

2. Проведение регулярных занятий по морально-психологической подготовке с командирами подразделений. Не реже одного раза в квартал проводить со всеми командирами рот и батальонов занятия по темам:

«Признаки утраты авторитета и способы их раннего распознавания».

«Последствия деструктивного стиля руководства для подразделения».

«Самодиагностика эмоционального состояния и профессиональной деформации».

3. Формирование культуры открытого обсуждения ошибок. В частях и соединениях поощрять культуру, при которой признание собственной ошибки командиром воспринимается как проявление силы, а не слабости. Проводить регулярные разборы неудачных действий без личностных обвинений, акцентируя внимание на извлечении уроков и предупреждении повторения.

7.4. Заключительные положения

Эффективная профилактика утраты авторитета и деградации личности руководителя невозможна при опоре только на отдельные мероприятия. Требуется комплексная, многоуровневая система, сочетающая жёсткие организационные ограничения (ротация, аттестация), постоянный мониторинг морально-психологического климата, адресную психологическую помощь и непрерывное образование.

Главный принцип профилактической работы - переход от реактивного подхода («наказать виновного после инцидента») к проактивному («предупредить кризис до его развития»). Только при реализации такого подхода можно существенно снизить частоту и тяжесть случаев, когда уважаемый командир превращается в фигуру, воспринимаемую собственным коллективом как внутренний противник.

8. Заключение

Проведённый анализ процесса утраты авторитета руководителя в воинском коллективе позволяет сделать ряд принципиальных выводов теоретического и прикладного характера.

Во-первых, утрата авторитета не является случайным или редким событием, а представляет собой закономерный исход определённой последовательности психологических, социальных и организационных нарушений. Она возникает не внезапно, а развивается поэтапно: от первоначального снижения доверия через накопление скрытого недовольства и эмоционального отчуждения к открытому или латентному восприятию командира как внутреннего противника - источника опасности, несправедливости и морального давления для подчинённых.

Во-вторых, ключевыми механизмами, запускающими и поддерживающими данный процесс, выступают:

- когнитивные искажения руководителя (переоценка собственных сил, недооценка противника и объективных условий);
- систематические нарушения коммуникации и блокирование обратной связи;
- утрата адаптивности и профессиональной гибкости;
- проявления деструктивного стиля руководства (унижение, фаворитизм, манипулирование, игнорирование нужд подчинённых);
- прогрессирующая профессиональная деформация личности, приводящая к эмоциональному истощению, цинизму и нравственной дезориентации.

В-третьих, исторические и современные примеры, подкреплённые данными эмпирических исследований и опросов, убедительно демонстрируют, что описанные закономерности универсальны: они проявляются в разных армиях, в разные эпохи и в различных условиях ведения боевых действий. Различия наблюдаются лишь в скорости протекания процесса и в конкретных формах его проявления, но не в самой сути механизма.

В-четвёртых, последствия утраты авторитета носят многоуровневый и кумулятивный характер. Для воинского коллектива они выражаются в падении морального духа, снижении боеспособности, росте дисциплинарных нарушений, повышении суицидальных рисков и формировании долгосрочных негативных установок по отношению к военной службе. Эмпирические данные, включая статистику по суицидальным рискам (где до 40% случаев связаны с проблемами взаимоотношений) и опро-

сы личного состава, подтверждают, что деструктивное руководство является не субъективной оценкой, а объективным фактором, ведущим к дезинтеграции коллектива. Для самого руководителя последствия выражаются в социальной изоляции, углублении личностной деградации, развитии психических расстройств и, как правило, профессиональной дисквалификации. Наиболее опасным является самоподдерживающийся характер цикла: каждый новый виток ухудшения отношений усиливает деградацию руководителя, что, в свою очередь, усугубляет состояние коллектива.

В-пятых, профилактика данного феномена возможна и должна строиться на принципах системности и опережающего воздействия. Эффективными мерами являются:

- создание устойчивых каналов защищённой обратной связи;
- регулярная оценка морально-психологического климата в подразделениях;
- ограничение сроков пребывания на командных должностях;
- обязательная психологическая диагностика руководящего состава;
- включение в систему профессиональной подготовки тем, посвящённых этике военного руководства, психологии малых групп и профилактике профессиональной деформации;
- развитие у командиров навыков рефлексии, самоконтроля и эмпатического взаимодействия с подчинёнными.

Данные опроса офицерского состава показывают недостаточную эффективность существующих реактивных механизмов, что подчёркивает необходимость внедрения проактивных систем раннего предупреждения, основанных на регулярном и защищённом сборе эмпирических данных о морально-психологическом климате напрямую от личного состава.

В-шестых, проблема сохранения авторитета руководителя и предотвращения его личностной деградации выходит за рамки индивидуальной ответственности конкретного офицера. Это вопрос системной политики военного управления, направленной на поддержание здорового морально-психологического климата в воинских коллективах. Только при признании данного направления одной из приоритетных задач военного строительства можно существенно снизить частоту и тяжесть описанных негативных сценариев.

В заключение следует подчеркнуть, что авторитет командира в воинской среде - это не привилегия должности, а результат постоянной ра-

боты над собой, над отношениями с подчинёнными и над соответствием собственных действий высоким требованиям воинского долга. Утрата авторитета - это не только личная трагедия руководителя, но и серьёзный удар по боеспособности подразделения и по престижу военной службы в целом. Предупреждение и своевременная коррекция данного процесса должны рассматриваться как одна из важнейших задач современной военной психологии и военного управления. Дальнейшие исследования в этой области целесообразно направить на разработку и апробацию конкретных организационных механизмов и психотехнологий, позволяющих выявлять признаки надвигающейся деградации на самых ранних стадиях и эффективно их нейтрализовать.

Список литературы:

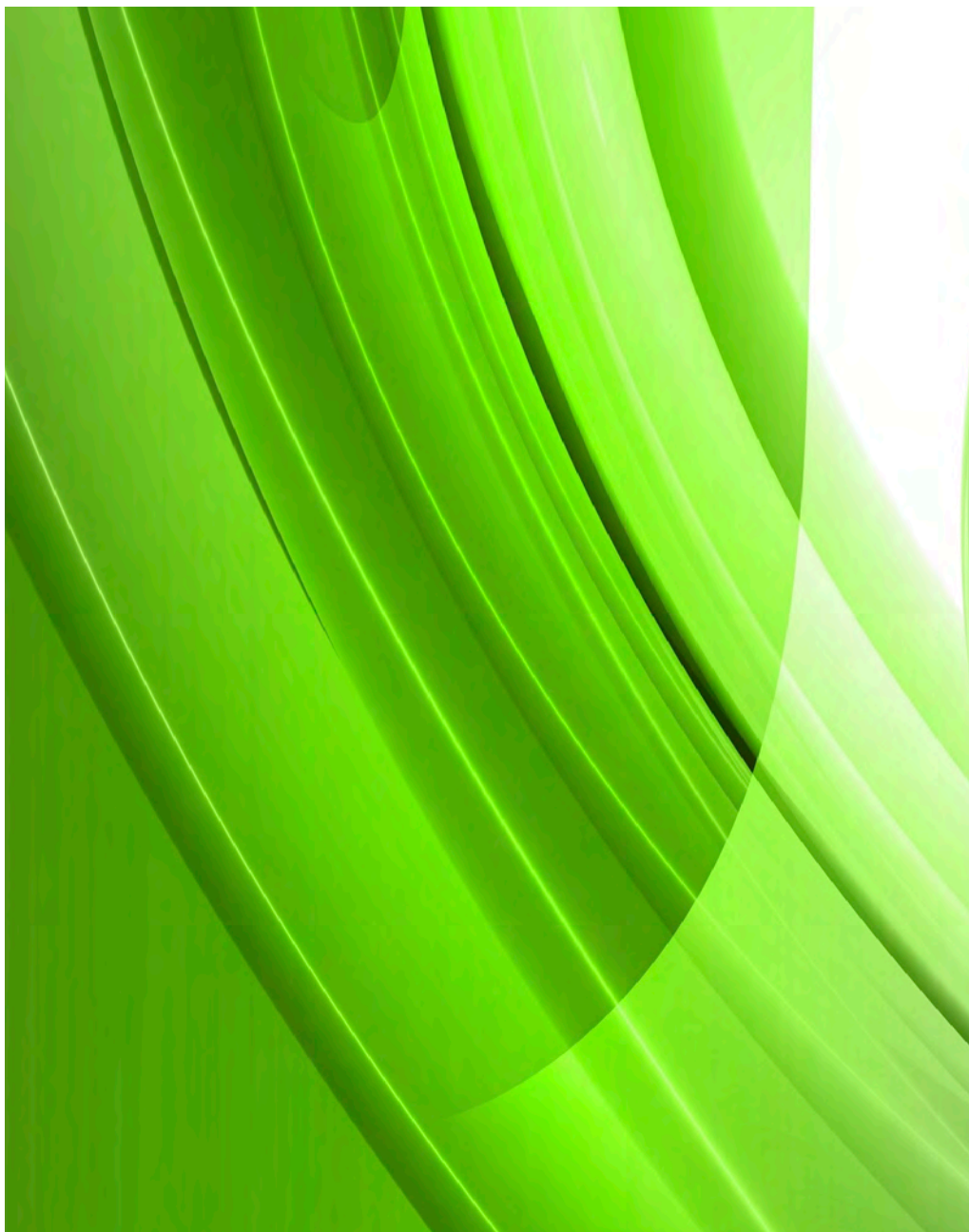
1. Абдурахманов Р.А. Военная психология: методология, теория, практика: учебно-методическое пособие. – М.: Военный университет, 2010. 412 с.
2. Караяни А.Г. Военная психология: учебник для вузов. – М.: Воениздат, 2007. 446 с.
3. Караяни А.Г., Сыромятников И. В. Прикладная военная психология: учебное пособие. – СПб.: Питер, 2006. 480 с.
4. Безносов С.П. Профессиональная деформация личности. – СПб.: Речь, 2004. 272 с.
5. Ефремов О.Г. Военное лидерство: психология, педагогика, риторика. – М.: КноРус, 2016. 320 с.
6. Марченков В.И. Психология воинского коллектива: учебное пособие. – М.: Военный университет, 2008. 256 с.
7. Сыромятников И. В. Психологическое обеспечение боевой деятельности военнослужащих. – М.: Воениздат, 2012. 368 с.
8. Гончаренко Ю.В. Сущность и структура профессиональной деформации офицеров-преподавателей военных вузов // Вестник военного университета. 2022. № 1 (69). С. 45-52.
9. Бурмантов А.С., Куреннов А.Е. Профессиональная деформация личности военнослужащих // Психология и педагогика военной деятельности. 2020. № 3. С. 112-120.
10. Психологические аспекты профессиональной деформации личности военнослужащих и пути её коррекции // Вестник университета (Государственный университет управления). 2015. № 4. С. 78-85.
11. Социально-психологические процессы в воинских коллективах и способы разрешения конфликтов // Армейский сборник. 2023. № 5. С. 34-42.
12. Психологические особенности становления авторитета командиров подразделений на современном этапе развития Вооружённых Сил Российской Федерации: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / П. В. Иванов. – М.: 2005. 198 с.
13. Роль авторитета офицера и его личного примера в воспитании и обучении военнослужащих // Военная мысль. 2022. № 7. С. 56-63.
14. Сущность и значение авторитета в жизни воинского коллектива // Военно-психологический вестник. 2012. № 2. С. 28-35.
15. Психология воинского коллектива: сущность, структура, особенности функционирования // Вопросы психологии. 2022. № 4. С. 89-97.
16. Психологические особенности личности военнослужащего - участника боевых действий // Психолого-педагогические исследования. 2013. Т. 5. № 1. С. 112-125.
17. Психологическая устойчивость военнослужащих к деструктивным информационно-психологическим воздействиям // Военно-медицинский журнал. 2021. № 8. С. 67-74.
18. Маклаков А.Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 1. С. 16-24.
19. Ложкин Г.В., Повякель Н.И. Практическая психология в системах «человек-техника». – К.: Милленниум, 2003. 256 с. (раздел о профессиональной деформации в экстремальных профессиях).
20. Шойгу С.К., Лыткин В.М. Психология экстремальных ситуаций: учебное пособие. – М.: Смысл, 2007. 319 с.

Bibliography

1. Abdurakhmanov R.A. *Military Psychology: Methodology, Theory, Practice: A Textbook*. Moscow: Military University, 2010. 412 p.
2. Karayani A.G. *Military Psychology: A Textbook for Universities*. Moscow: Voenizdat, 2007. 446 p.
3. Karayani A.G., Syromyatnikov I.V. *Applied Military Psychology: A Textbook*. St. Petersburg: Piter, 2006. 480 p.
4. Beznosov S.P. *Professional Deformation of Personality*. St. Petersburg: Rech, 2004. 272 p.
5. Efremov O.G. *Military Leadership: Psychology, Pedagogy, Rhetoric*. Moscow: Knorus, 2016. 320 p.
6. Marchenkov V.I. *Psychology of the Military Collective: A Textbook*. Moscow: Military University, 2008. 256 p.
7. Syromyatnikov I.V. *Psychological Support for the Combat Activities of Military Personnel*. Moscow: Voenizdat, 2012. 368 p.
8. Goncharenko Yu.V. The Essence and Structure of Professional Deformation of Officer-Teachers of Military Universities // *Bulletin of the Military University*. 2022. № 1 (69). P. 45-52.
9. Burmantov A.S., Kurennov A.E. Professional Deformation of the Personality of Military Personnel // *Psychology and Pedagogy of Military Activity*. 2020. № 3. P. 112-120.
10. Psychological Aspects of Professional Deformation of the Personality of Military Personnel and Ways to Correct It // *Bulletin of the University (State University of Management)*. 2015. № 4. P. 78-85.
11. Socio-Psychological Processes in Military Teams and Ways to Resolve Conflicts // *Army Collection*. 2023. № 5. P. 34-42.
12. Psychological Features of the Formation of the Authority of Unit Commanders at the Current Stage of Development of the Armed Forces of the Russian Federation: Diss. ... Cand. of Psychological Sciences: 19.00.13 / P.V. Ivanov. Moscow: 2005. 198 p.
13. The Role of an Officer's Authority and His Personal Example in the Education and Training of Military Personnel // *Military Thought*. 2022. № 7. P. 56-63.
14. The Essence and Significance of Authority in the Life of a Military Collective // *Military Psychological Bulletin*. 2012. № 2. P. 28-35.
15. Psychology of a Military Collective: Essence, Structure, and Functioning Features // *Voprosy Psichologii*. 2022. № 4. P. 89-97.
16. Psychological Characteristics of the Personality of a Military Serviceman - Participant in Combat Operations // *Psychological and Pedagogical Research*. 2013. Vol. 5. № 1. P. 112-125.
17. Psychological Resilience of Military Personnel to Destructive Information-Psychological Influences // *Military Medical Journal*. 2021. № 8. P. 67-74.
18. Maklakov A.G. Personal Adaptation Potential: Its Mobilization and Forecasting in Extreme Conditions // *Psychological Journal*. 2001. Vol. 22. № 1. P. 16-24.
19. Lozhkin G.V., Povyakel N.I. Practical Psychology in "Man-Machinery" Systems. – K.: Millennium, 2003. 256 p. (section on professional deformation in extreme professions).
20. Shoigu S.K., Lytkin V.M. *Psychology of Extreme Situations: A Study Guide*. – M.: Smysl, 2007. 319 p.

A stylized white letter 'P' is centered within a green square. The 'P' is a simple, bold, sans-serif font.

ЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методьева С.А.

*Кандидат философских наук, доцент кафедры политологии.
Дальневосточный федеральный университет.*

Кузьмина О.В.

*Кандидат политических наук, доцент кафедры политологии.
Дальневосточный федеральный университет.*

Николаев Е.А.

*Студент III курса направления подготовки 41.03.04
«Политология». Дальневосточный федеральный университет.*

Значимость и аксиоматика идеологий в политических партиях: политико-философский аспект

В условия политической нестабильности и идеологического вакуума, как правило, актуализируется вопрос о путях развития общества и государства. Именно это и наблюдается в первой четверти XXI в. практически по всему миру. Через фреймы идеологий происходит не просто осмысление, но и наполнение смыслами событий, процессов и т. д. Идеологии представляют собой упрощённую философию, которая отвечает на сложные вопросы достаточно просто и схематично, чем и привлекает социальные слои. В этой связи политические идеологии в нынешних реалиях массового сознания оказывают осязаемое влияние на функционирование политических систем государств.

Идеология метанарративна по своей сущности, т. е. включает и комбинирует конкретные политические образы и идеалы, взывающие к человеческим чувствам. К тому же идеологии выступают в известной степени фундаментом политического процесса. Так, например, если государство не сформулировало определенное концептное ядро или политические идеалы, то использование пропаганды, «патриотки», чувств гражданственности не будет иметь желаемых результатов, поскольку вся эта деятельность уже в априори не может репрезентовать глубинные идеи и образы вследствие её отсутствия. Собственно, ключевая задача идеологий заключается в обосновании легитимности власти.

Политические партии выступают главными проводниками конкретных идеологий. Партии, прошедшие в высшие законодательные органы, постепенно стараются либо укрепить конкретную идеологию, либо же на основании принципа политического плюрализма выстраивают общий, компромиссный концепт развития государства.

Идеология является весомым составляющим политического и государственного управления, цель которой заключается в обосновании практик политических деятелей или реформ государства. Именно поэтому идеологии необходимы обществу, поскольку они позволяют осмыслить динамичность, комплексность и целостность общества как сложной системы, а также способствуют развитию политического процесса. Общество, лишённое идеологии, разделяемой большинством, теряет способность ориентироваться и адаптироваться в реалиях политического пространства. При этом идеология, которой симпатизирует некоторая часть населения, не обязательно должна быть государственной, она может быть общественно-доминирующей, партийной или групповой.

Идеология не является ни наукой, ни философией в полном смысле этих слов. Однако, идеология всё же является специфической системой общественно значимых идей, образов и нарративов. В социально-гуманитарных науках на протяжении долгого времени за термином «идеология» укрепилась негативная коннотация, обусловленная комплексом причин, вытекающих из XIX – XX вв. Весьма противоречиво и, как показывает политическая практика, достаточно неверно заявлять, что в начале XXI в. идеологии прекратили существовать или перестали действовать на общественное сознание. Нынешние идеологии, во-первых, несколько отличаются от классических примеров, во-вторых, пронизывают изнутри общественную систему. Например, даже выступая за «деидеологизацию» сознания, сторонники данного тезиса придерживаются классического для либерализма принципа «умеренного государственного вмешательства», т. е. «Laissez-faire».

Одним из первых философов, кто заострил внимание на трансцендентность мысли и сознания, был Платон. В диалоге «Государство» мыслитель демаркировал государство как наиболее оптимальную форму управления и мир идей (эйдосов) как совокупность политических мифов, касающихся проблем блага, справедливости, неравенства, идеального общежития людей и т. д. Платон де-факто заложил основы прообраза идеологии, т. е. идейность, долженствование идеи и проект идеального государства. Аристотель продолжил логику Платона, но уже внес иные

коррективы в смысловое содержание проекта идеального государства в диалоге «Политика».

Целый ряд выдающихся философов, политиков и государственных деятелей Античности¹, Средневековья² и Нового времени³ разрабатывали и внедряли идеологические системы и учения о политике, государстве и праве в разных странах и в разные периоды истории. Каждому историческому периоду были свойственны свои специфические идейные направленности. В Античности четко оформленных идеологий не существовало, формировались и утверждались всевозможные направления политической мысли, в этот период закладывались глубинные предпосылки идеологий. В Средневековье «идеология» выражалась как практическая составляющая доктрины католицизма, православия, ислама и ряда другие религиозных систем, т. е. выполняла только легитимирующую функцию. В раннее Новое время, в ходе борьбы между феодалами и буржуа, стали появляться наборы концептов, принципов и идей, которые привели к появлению центральных в социальном аспекте идеологических платформ в дальнейшем: идеологии абсолютизма, опирающейся на аристократические верхи и статус-кво, и идеологии либерализма, ведущей к власти класс буржуа. Окончательно термин «идеология» и его смысл сложился в эпоху Просвещения, его автором стал француз Антуан-Луи-Клод Дестют, граф де Траси⁴.

В этой связи весьма оригинальной является периодизация развития идеологий, критерием которой является тип государственно-организованного общества. Весьма оригинальным, на взгляд авторов, является периодизация политической мысли на три крупных этапа⁵:

1. Политико-правовая идеология сословно-кастового общества;
2. Политические и правовые доктрины периода перехода к гражданскому обществу;
3. Политико-правовая идеология гражданского общества.

В соответствии с этой периодизацией политическая мысль Древнего мира и эпохи Средневековья относятся к первому этапу развития идеологий. Этот период характеризуется жестким делением общества

1 См. работы Ликурга, Солона, Протагора, Сократа, Платона, Аристотеля, Эпикура, Цицерона, Эпиктета, Сенеки, Аврелия М. и других.

2 См. работы Августина А., Аквинского Ф., Дамаскина И., Ибн Халдуна, Аль-Фараби, Падуанского М., Оккама У., Алигьери Д., Илариона и других.

3 См. работы Макиавелли Н., Мора Т., Роттердамского Э., Бодена Ж., Гроция Г., Гоббса Т., Локка Дж., Монтескье Ш., Руссо Ж - Ж., Канта И., Гегеля Г.В.Ф., Маркса К., Милля Дж. С., А. де Токвиль и многие другие.

4 Дестют де Траси. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова / Пер. с фр. Д.А. Ланина. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2013. 388 с.

5 Евсеев А.В. Учение о правовом государстве: учебное пособие / А.В. Евсеев, А.О. Лядов, И.В. Петров. – Санкт-Петербург: ИЭО СПбУТУиЭ, 2012. С. 24.

на определенные сословия или касты, которые обладают определенным местом в социальной иерархии. Второй этап связан с периодом с XVI – XVIII вв., результатом этой эпохи стало выдвижение ценности человека и его неприкосновенных прав и свобод. Уже в ходе революций и войн в XIX – XX вв. наступил третий этап, именно на этой ступени развития окончательно сформировались «классические» идеологии и их ответвления, которые актуальны до сих пор.

Необходимо отметить, что при исследовании идеологий встает сразу целый комплекс как объективных, так и субъективных проблем. Среди объективных проблем исследования идеологий выделяются следующие: комплексность, динамичность, отсутствие целостности идеологии и четкого объектно-предметного поля исследования. Вторая группа проблем связана с невозможностью исследователя быть непредвзятым к идеологиям или к отдельным её принципам. Чувство идейной идентичности и социальной приверженности не дает трезво оценивать идеологии даже при всех условиях научного познания.

Проанализируем цели, задачи, структуру и функции идеологий в обществе. Это необходимо для того, чтобы лучше понять сущность идеологий и соответственно выделить конкретные определения. Отметим, что акцент на эти аспекты способствует качественному генерированию определения термина, поскольку довольно распространено давать дефиниции к определениям либо через определяемые слова, либо через совокупность признаков и свойства, что, по мнению авторов, некорректно.

Цель идеологий в обществе заключается в формировании определенного, относительно упрощённого мировоззрения касательно человеческого общежития и проектов построения идеальной, справедливой общественной системы. Следовательно, идеология должна объединять максимальное число граждан. Авторы считают, что вытекающими из цели задачами являются: выстраивание маршрута действий для достижения идеального общества и государства; научное или «правдивое», «справедливое» обоснование средств для достижения целей; разработка унифицирующей идентичности.

Особенно точно, на взгляд авторов, ученый-политолог М. Фриден выделял следующие структурные компоненты идеологий как систем⁶. концептные ядра, т.е. высшие фундаментальные ценности; смежные концепты, т.е. окружающие концептные ядра и позволяющие влиять на их

6 Константинов М.С. Когнитивный подход к исследованию политических идеологий. Вестник Московского государственного областного университета. 2022. № 4. С. 88-89.

динамичность и изменчивость; периферийные концепты, т.е. реагирующие на внешние запросы общества, процессы и события и в дальнейшем влияющие на смежные концепты.

Авторы придерживаются следующих функций идеологий, принятых в политической науке: разъяснительно-оценивающая функция выражается в выделении шаблонов и критериев оценивания политического мышления; координирующая функция заключается в формировании задач, решений для общества и контроле за ним; программно-установочная функция проявляется в проектах, закрепленных в программах политических партий и политических доктринах; легитимирующая функция отражается в том, что идеология обосновывает право на завоевание и удержание политической власти.

В общем и целом, по мере изменения научного знания специалистов в сфере идеологий, трансформировались и основные теоретико-методологические приемы и подходы к его изучению. В зарубежной и отечественной политической науке так и не сложилась четко переделённая дефиниция к термину «идеология». Однако, авторы работы считают, что наиболее полное отражение сущности идеологии были сформулированы К. Ясперсом, Х. Арендт, С.Г. Кара-Мурзой и А.И. Яковлевым.

К. Ясперс определял идеологию как «систему идей и представлений, которая служит мыслящему субъекту в качестве абсолютной истины, на основе которой он строит свою концепцию мира и своего положения в нём»⁷.

В работе «Истоки тоталитаризма» Х. Арендт определяла идеологию как логику развертывания идей⁸.

С.Г. Кара-Мурза представлял идеологию как комплекс идей и концепций, с помощью которых человек понимает общество, социальный порядок и самого себя в этом обществе⁹.

А.И. Яковлев утверждал, что идеология как духовно-практическое образование, совокупность мировоззренческих взглядов и практических действий, направленных на реализацию в жизни интересов и потребностей различных классов и социальных групп¹⁰.

Обществу в разные эпохи соответствовали свои определенные ценности, все эти идеалы формировались благодаря общественному запросу и изысканиям философов и ученых. Вместе с этим она, как правило, наце-

7 Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем – М.: Политиздат, 1991. С. 146.

8 Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. И.В. Борисовой, Ю.А. Кимелева, А.Д. Ковалева, Ю.Б. Мишкенене, Л.А. Седова, Ю.Н. Давыдова. Под ред. М.С. Ковалевой, Д.М. Носова. – М.: ЦентрКом, 1996. С. 608-609.

9 Кара-Мурза С.Г. Идеология и мать ее наука. – М.: 2002. С. 5.

10 Яковлев А.И. Государственная идеология. – Калуга, 2001. С. 25.

лена на опредмечивание, т. е. практическую реализацию.

Практическая составляющая идеологий в историческом процессе реализуется в действительности политическими партиями. Они считаются проводниками воли социальных групп, при этом значимость парламентских партий несколько выше, поскольку именно они посредством выборов получают законодательную власть. Однако так было далеко не всегда, еще в XVIII в. к фракциям и партиям относились достаточно негативно, так как в них видели угрозу обществу¹¹. Ж.-Ж. Руссо даже провозгласил неотчуждаемость и неделимость воли народа, который является источником власти¹². Эти же отголоски прослеживаются и у А. де Токвиля, который писал, что «партия есть неизбежное зло свободных правительств»¹³.

Впервые термин «политическая партия», употребленный в современном значении, связывают с английским философом и политиком ирландского происхождения Эдмундом Бёрком, который в своей речи «Мысли о причине нынешнего недовольства» определил партию как «группу людей, объединенных определенным набором принципов, с помощью которых они стремятся продвигать национальный интерес»¹⁴. Либеральную трактовку предложил Б. Констант: «Партия – это объединение людей, исповедующих одну и ту же политическую доктрину»¹⁵, которая и сейчас не потеряла актуальности.

Политические партии разнообразны по идеологии, методам борьбы, социальным структурам, но при этом они обладают общими характерными признаками, целями и задачами в борьбе за получение, реализацию и удержание политической власти. Партии направлены на изменение действительности и картины мира рядового гражданина. Специфическая взаимозависимость и взаимодополняемость идеологий и политических партий сводится к тому, что если партии не имеют «идеологического фундамента», то они лишены жизнеспособности в политическом процессе ввиду отсутствия устойчивого электората. Такие партии, как правило, стремятся к мобилизации избирателей на основе противоречащих и дезавуированных обещаний и манипуляций, что ведёт к увеличению прак-

11 Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. – М.: Изд. Института Гайдара, 2011. С. 329-343

12 Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре или принципы политического права. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. С. 28-31.

13 Токвиль А. де. Демократия в Америке: Пер. с франц./ Предисл. Гарольда Дж. Ласки. – М.: Прогресс, 1992. С. 16.

14 Susan E. Scarrow. Perspectives on Political Parties: Classic Readings. – Palgrave Macmillan, 2002. P. 37.

15 Констан де Ребек Б.А. О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей // Антология мировой политической мысли. – Москва, 1997. С. 602-614.

тик такого феномена как популизм.

Приведенный аспект, во-первых, объясняет причины возросшего популизма в политике, во-вторых, демонстрирует значимость идеологий партий, поскольку они непосредственно способствуют внесению в сферы жизнедеятельности людей концепты, сущности и смыслы. Если же партии не будут основываться на идеологическом компоненте, то в таком случае подобная деградация может привести к разнородным формам элитизма и «закрепощению» большой политики.

Список литературы:

1. Константинов М.С. Когнитивный подход к исследованию политических идеологий. Вестник Московского государственного областного университета. 2022. № 4.
2. Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем – М.: Политиздат, 1991. 527 с.
3. Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. И.В. Борисовой, Ю.А. Кимелева, А.Д. Ковалева, Ю.Б. Мишке-нене, Л.А. Седова, Ю.Н. Давыдова. Под ред. М.С. Ковалевой, Д.М. Носова. – М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
4. Кара-Мурза С.Г. Идеология и мать ее наука. – М.: 2002. 254 с.
5. Яковлев А.И. Государственная идеология. – Калуга, 2001. 315 с.
6. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. – М.: Изд. Института Гайдара, 2011. 480 с.
7. Руссо Ж. – Ж. Об общественном договоре или принципы политического права. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. 146 с.
8. Токвиль А. де. Демократия в Америке: Пер. с франц./ Предисл. Гарольда Дж. Ласки. – М.: Прогресс, 1992. 554 с.
9. Susan E. Scarrow. Perspectives on Political Parties: Classic Readings. – Palgrave Macmillan, 2002.
10. Антология мировой политической мысли. Т. 1. – М.: Мысль, 1997. 831 с.
11. Методология исследования политических идеологий: учебное пособие / М.С. Константинов, С.П. Поцелуев, Т.А. Подшибякина, И.Д. Коротец ; под ред. М.С. Константинова; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2022. 155 с.
12. Попов С.И. Магия чисел как важная ступень перехода от мифа к логосу в ранней античности // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 6. № 87. С. 107-112.

Bibliography

1. Konstantinov M.S. Cognitive approach to the study of political ideologies. Bulletin of Moscow State Regional University. 2022. № 4.
2. Jaspers K. The meaning and purpose of history: Trans. with him – М.: Politizdat, 1991. 527 p.
3. Arendt H. Origins of totalitarianism / Transl. from English I.V. Borisova, Yu.A. Kimeleva, A.D. Kovaleva, Yu.B. Mishkenene, L.A. Sedova, Yu.N. Davydova. Ed. M.S. Kovaleva, D.M. Nosova. – М.: TsentrKom, 1996. 672 p.
4. Kara-Murza S.G. Ideology and its mother science. – М.: 2002. 254 p.
5. Yakovlev A.I. State Ideology. – Kaluga, 2001. 315 p.
6. North D., Wallis D., Weingast B. Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Written History of Humanity / translated from English by D. Uzlaner, M. Markov, D. Raskov, A. Raskova. – Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2011. 480 p.
7. Rousseau J. – J. On the Social Contract, or Principles of Political Law. – Moscow: URAYT Publishing House, 2024. 146 p.
8. Tocqueville A. de. Democracy in America: Translated from French / Preface by Harold J. Laski. – Moscow: Progress, 1992. 554 p.
9. Susan E. Scarrow. Perspectives on Political Parties: Classic Readings. – Palgrave Macmillan, 2002.
10. Anthology of World Political Thought. Vol. 1. – Moscow: Mysl', 1997. 831 p.
11. Methodology for the Study of Political Ideologies: A Tutorial / M.S. Konstantinov, S.P. Potseluev, T.A. Podshibyaykina, I.D. Korotets; edited by M.S. Konstantinov; Southern Federal University. – Rostov-on-Don; Taganrog: Publishing House of Southern Federal University, 2022. 155 p.
12. Popov S.I. The magic of numbers as an important step in the transition from myth to logos in early antiquity // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 6. № 87. P. 107-112.

Бейсенбин К.А.

*Кандидат политических наук, доцент
кафедры «философии, биоэтики, истории медицины
и социальных наук». Федеральное государственное
образовательное учреждение высшего образования
«Смоленский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации.*

Патриотическое воспитание молодежи на примере российского казачества

Высокую актуальность в условиях современной России имеют проблемы патриотического воспитания молодежи. Нет никаких сомнений в том, что резкое снижение уровня патриотизма среди молодежи стало следствием дегуманизации общественных отношений в результате проведения неolibеральных реформ после распада СССР. Либерализация всех сфер общественной жизни в соответствии с принципами западной демократии, которые по своей сути противоречат традиционным духовно-нравственным ценностям, вопреки ожиданиям реформаторов, привела к негативным последствиям, в том числе, к искажению ценностных ориентиров граждан.¹ Положительную роль в решении данных проблем может иметь опыт российского казачества, чьи традиции военно-патриотического воспитания молодежи в духе традиционных российских ценностей, не только не пострадали в результате либеральных реформ, но и получили свое дальнейшее развитие.

Безусловно, среди факторов снижения уровня патриотизма у молодого поколения особое значение имеет либеральная трансформация системы образования и отказ государства от своих воспитательных функций. Попытки восстановления и развития воспитательной компоненты в системе образования после того, как Президент Российской Федерации В.В. Путин в 2012 году дал Правительству России соответствующее поручение сказав, что «качественное обучение без воспитания невозможно»², нельзя признать эффективными. Во многом, это объясняется

1 Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. – М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2012. 413 с. // URL: <http://www.ipras.ru/engine/documents/document4057.pdf>

2 Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2012 года // Официальный сайт Президента Российской Федерации (12.12.2012; 13:30) // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/17118>

тем, что сущностные характеристики воспитательной деятельности не соотносятся с западными либеральными ценностями, сохраняющими свои правовые основания на территории Российской Федерации. Кроме всего, воспитательная деятельность, вне всякого сомнения, является составной частью идеологической работы, которая после провозглашения либеральных принципов приобрела неформальный характер (статья 13 Конституции РФ). Результатом провозглашения идеологического, а значит и нравственного плюрализма стало широкое распространение в российском обществе деструктивных по своей сути идеологических учений.

Характерной чертой неолиберальных принципов западной демократии является уничижительное отношение к традиционным нравственным ценностям. Как результат, в современных условиях необходимо говорить об отсутствии нравственных оснований во всех сферах общественных отношений. Так, в социальной сфере и в межличностных отношениях стали доминировать эгоизм, жестокость, выгода, безразличие к чужому горю и т. д. Все это имеет свои негативные последствия, если говорить о целесообразности воспитания патриотических чувств. При этом, «самобытность» России, о которой говорится в Концепции внешней политики Российской Федерации³, всегда характеризовалась такими традиционными ценностями, как коллективизм, доброта, бескорыстие, соучастие... Иначе говоря, социальные отношения в современной России развиваются в соответствии с капиталистическими принципами, в контексте которых социальная справедливость воспринимается как право сильного и более хитрого субъекта общественной жизни. Высокие моральные качества, при этом, отходят на второй план. В сфере культуры доминирующую роль стали играть западные традиции. Молодежь в постсоветской России стала активно перенимать западные стандарты поведения, которые активно транслируются через голливудские фильмы.

Стоит отметить, что не все граждане России восприняли неолиберальные принципы в качестве своих нравственных императивов. Многие семьи сохранили свою приверженность традиционным нравственным ценностям. Однако, процесс воспитания нравственных чувств в рамках отдельно взятой семьи без помощи государства не может быть устойчи-

³ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации // URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>

вым, поскольку далеко не все родители, даже если они являются приверженцами традиционных нравственных ценностей, способны эффективно противостоять внесемейным факторам социализации.

В свою очередь, труднопреодолимой для приверженцев традиционных нравственных ценностей является проблема, когда в условиях либерализации общественных отношений традиционные методы воспитания и наказания представляются как насилие и преследуются по закону.

Сохранение традиционных ценностей в семьях российского казачества стало возможным благодаря самобытности и сплоченности в пределах своего сообщества. Казачьи семьи не изолированы друг от друга, даже если они не имеют родственных связей, и сумели сберечь общинный уклад своей жизни. Более того, российское казачество создает свою образовательную инфраструктуру, интегрированную в государственную систему образования, которая позволяет им обеспечить непрерывность воспитания молодого поколения в духе казацких традиций (казацкие детские сады, школы, классы, кадетские корпуса, высшие учебные заведения...)⁴. При этом, краеугольным камнем всей системы воспитания и образования российского казачества является ее военно-патриотическая направленность. Другими словами, основной идеей, которой подчинены все жизненно важные для российского казака вопросы, является служение своему Отечеству, что, безусловно, позволяет говорить об идеологических основаниях системы воспитания и образования, когда речь идет о российском казачестве.

Стоит отметить, что способность российского казачества сохранять свою самобытность и приверженность традиционным нравственным ценностям во многом обусловлена, именно, наличием идеологических скреп. Высокий уровень патриотизма, так же, является следствием воспитания с самых ранних лет в рамках единой идеологии.

Можно ли опыт российского казачества, связанный с воспитанием патриотизма у молодого поколения, распространить и на других граждан России? Безусловно, в нашей стране, в ходе реализации национального проекта «Образование» и, соответственно, проекта «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», начатого с 1 января 2021 года, ведется достаточно масштабная работа⁵. Однако, необходимо

4 В России в 2025 году внедрят стратегию непрерывного казацкого образования // Государственное информационное агентство ТАСС (09.06.2025) // URL: <https://tass.ru/obschestvo/24177681>

5 В Москве наградили победителей премии «Патриот-2025» // Государственное информационное агентство ТАСС (09.12.2025) // URL: <https://tass.ru/obschestvo/25862929>

учитывать, что патриотическое воспитание без полноценной идеологической составляющей, чаще всего, приобретает декларативный характер. Как правило, неотъемлемой частью мероприятий, связанных с патриотическим воспитанием, в современных условиях, являются такие меры, как административное давление, обещание преференций или каких-либо благ. Безусловно, такого рода мотивация не является эффективной. Кроме всего, подобные методы теряют свою актуальность при наличии идеологических оснований, когда мы говорим о воспитании нравственных чувств. Именно это и происходит в казачьих сообществах, где патриотическое воспитание тесно связано с ежедневным бытом и жизненными принципами, сформированными в процессе своего исторического развития. Все эти принципы, при комплексном рассмотрении, имеют все признаки идеологической концепции, несмотря на их бытовой характер и отсутствие научного оформления.

Таким образом, искренняя приверженность традиционным нравственным ценностям, в том числе приверженность патриотическим чувствам, которая не нуждается в дополнительной мотивации и проявляется в нужный момент как естественный порыв, может стать результатом воспитания молодежи, только в контексте полноценной идеологической концепции. Нравственные ценности являются фундаментальной основой любой идеологической концепции. Система воспитания и образования, не имеющая своего нравственного стержня, отражающего самобытный характер и исторические традиции России, как государства-цивилизации, обречена на низкую эффективность. Соответственно, разработка и формирование гуманистических оснований такой концепции, научная проработка ее положений, в условиях, когда западные либеральные ценности дискредитировали себя, а Российская Федерация заявила о приверженности самобытным традиционным нравственным ценностям приобретает стратегическое значение.

Список литературы:

1. Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. – М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2012. 413 с. // URL: <http://www.ipras.ru/engine/documents/document4057.pdf>
2. Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2012 года // Официальный сайт Президента Российской Федерации (12.12.2012; 13:30) // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/17118>
3. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации // URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>
4. В России в 2025 году внедрят стратегию непрерывного казачьего образования // Государственное информационное агентство ТАСС (09.06.2025) // URL: <https://tass.ru/obschestvo/24177681>

5. В Москве наградили победителей премии «Патриот-2025» // Государственное информационное агентство ТАСС (09.12.2025) // URL: <https://tass.ru/obschestvo/25862929>
6. Шупленков О.В., Шупленков Н.О. Роль французского капитала в сохранении политического влияния в Сирии и Ливане 1920–1930-е гг. // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 13-26.

Bibliography

1. Morality of Modern Russian Society: A Psychological Analysis / Ed. A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich. – Moscow: Publishing House “Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences”, 2012. 413 p. // <http://www.ipras.ru/engine/documents/document4057.pdf>
2. Address of the President to the Federal Assembly on December 12, 2012 // Official website of the President of the Russian Federation (12.12.2012; 13:30) // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/17118>
3. The concept of foreign policy of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on March 31, 2023) // Official website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation // URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>
4. Russia to implement continuous Cossack education strategy in 2025 // State News Agency TASS (June 9, 2025) // URL: <https://tass.ru/obschestvo/24177681>
5. The winners of the Patriot-2025 award were awarded in Moscow // State News Agency TASS (December 9, 2025) // URL: <https://tass.ru/obschestvo/25862929>
6. Shchuplenkov O.V., Shchuplenkov N.O. The role of French capital in maintaining political influence in Syria and Lebanon in the 1920s and 1930s // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 13-26.

Подрядчиков К.Р.

*Аспирант кафедры этнополитологии факультета политологии.
Санкт-Петербургский государственный университет.*

Трансляция и восприятие идентичности Эльзаса: на перекрестке двух наций

Эльзас как пограничный регион на перекрестке культур в центре Европы на протяжении более четырех веков неоднократно переходил под власть то Германии, то Франции, и это сделало регион ключевым для понимания истории и культуры как этих двух наций, так и всего Европейского союза. Подобные пограничные регионы традиционно являются двуязычными и впитывающими в себя характерные черты культур соседних наций, а также представляют собой эксперименты. Эльзас не только для Германии и Франции, но и для всей Европы стал лабораторией как для политики ассимиляции, так и для общего политического пространства в послевоенном устройстве. В условиях противостояния двух моделей нацистроительства и местного сообщества формировалась локальная культура, вобравшая в себя черты обеих наций и манифестирующая себя как самостоятельную, не являющуюся продолжением и ответвлением ни немецкой, ни французской. Целью данной статьи является анализ того, как региональная идентичность транслировалась в исторической динамике и как проявляла себя.

Французская модель нации признает наличие и важность региональных языков и культур (статья 75-1 Конституции, внесенная в 2008 году), но скептически относится к этнической идентичности, отличной от общенациональной, особенно двойной (в нашем случае имеющей черты как немецкой, так и французской), т.к. это считается «признаком неполной ассимиляции»¹. Подобный подход приводит к дискриминации и большему отрицанию собственной идентичности, вследствие чего у этнической категории может возникнуть комплекс, не позволяющий в полной мере выражать вовне собственную самобытность. Двойная, как и любая другая идентичность, в том числе Эльзаса, проявляется через одежду, тип поведения, нормы и ценности, язык, традиции, кухню, но

¹ Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия / Фрэнсис Фукуяма; Пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2019. С. 178.

более восприимчива к критике, в особенности со стороны национального большинства. В случае оккупации, на идентичность оказывает влияние восприятие ее потенциальной длительности: при ожидании краткосрочности, негативная идентичность передается следующему поколению, при долгосрочности – дискриминация достигает целей. Активная социализация и браки сглаживают негативные последствия². К маркерам идентичности Эльзаса мы будем относить двуязычие, эльзасский язык (один из алеманнских диалектов немецкого языка), одежду, архитектуру, язык, кухню, традиции и природу^{3,4}. Из них больше всего подвержен исчезновению язык, однако с добровольным или вынужденным отказом от него этническое и языковое меньшинство не перестает быть таковым и «смерть языка» не означает смерть культуры^{5, 6}. Фокус идентичности смещается на другие показатели.

Также для целей статьи стоит упомянуть «тонкие» и «прочные» идентичности. Последние укоренены в прошлом на определенной территории и связаны с историческими и культурными идентичностями, страх перед возможностью их потери способна мобилизовать населения с целью их защиты. «Тонкие», напротив, направлены вовне, изменчивы и свойственны новым регионам, направлены решение конкретных, например, экономических, политических, туристических задач. В случае Эльзаса как исторического региона и департамента во Франции имеет место «прочная» идентичность, а региона Гранд-Эст, в который вошел Эльзас в ходе реформ 2010-х годов, – «тонкая», т.к. такой регион появился впервые^{7, 8, 9}.

Другая важная характеристика Эльзаса – идентичность приграничного типа, когда границы воспринимаются и как физические, и как символические, социальные связи сильны по обе стороны Рейна. География,

2 Carter C., Gingerich D.W. National identity after conquest // American Journal of Political Science. 2025. // URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/ajps.12970> (26.01.2026).

3 Étude sur le dialecte alsacien // Office pour la Langue et les Cultures d'Alsace et de Moselle. 2012 // URL: https://www.olcalsace.org/sites/default/files/documents/etude_linguistique_olca_edinstitut.pdf (26.01.2026).

4 Étude sociolinguistique sur l'alsacien et l'allemand // Office pour la Langue et les Cultures d'Alsace et de Moselle. 2022. // URL: <https://www.alsace.eu/media/5491/cea-rapport-esl-francais.pdf> (26.01.2026).

5 Trisnawati I. Maintaining the identity of bilingual individuals in multicultural/multilingual settings // Englisia, 2017. Vol. 5 (1). // URL: <https://jurnal.ar-raniry.ac.id/index.php/englisia/article/view/1660/1728> (26.01.2026).

6 Schmidt U. Language Loss and the Ethnic Identity of Minorities // European Centre for minority issues. 2008. Issue Brief No. 18. P. 11-12.

7 Terlouw K. Regional Identities in a Re-Territorialising World: From thinning cosmopolitan to thickening resistance identities // Journal of Economic and Human Geography. 2024. Vol. 15(4). // URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/tesg.12643> (26.01.2026).

8 Terlouw K. From thick to thin regional identities? // GeoJournal. 2012 Vol. 77. // URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10708-011-9422-x> (26.01.2026).

9 Hofstede H. Balancing between thick and thin regional identities // Journal of Place Management and Development. 2014. Vol. 7 (2). P. 127-131.

в особенности картография, использовалась Францией и Германией для обоснования своих претензий на территорию и исконности земель для своего государства¹⁰. С укреплением позиций германского национализма в XIX веке Эльзас с 1840-х годов прочно вошел в дискурс о немецком *Sprachgebiet* (языковой территории) и *Kulturraum* (культурного пространства) *Sprachgrenze* (языковой границе) не в последнюю очередь благодаря картам и системе школьного образования, когда в официальном дискурсе стирались черты культуры соседней страны и этапы истории¹¹, что влияет и на распространение и симпатии не только к языку государства-соседа, но и к собственному¹². Для Франции будущая потеря Эльзаса в ходе франко-прусской войны 1870-1871 гг. воспринималась как неполноценность: терялась форма шестиугольника континентальной Франции^{13, 14}. Для Эльзаса остальная часть страны до сих пор «внутренняя Франция»¹⁵. Это часть национальных мифов о регионе, который в течение «долгого века» сформировался в обеих странах. Присваиваются противоборствующими сторонами и региональные символы: персонафикация, визуальная аллегория, Эльзаса – девушка Эльзасия в традиционном женском этническом костюме с большим красным или черным бантом. Для Германии она обозначала малую Родину (*Heimat*), а для французов, как и для эльзасцев под властью Германской империи, – символ сопротивления^{16, 17}.

Национализму как процессу в многоязычных, в том числе приграничных двуязычных, регионах противостоит концепция национального безразличия. Согласно такому подходу, в повседневной, неэлитной по своей сути жизни, население на самом деле относится индифферентно к официальным дискурсам. Один из авторов, Тара Зара, выделяет три типа поведения: агностицизм, гибкость и выживание, двуязычие с межэтни-

10 Höpel T. Der deutsch-französische Grenzraum: Grenzraum und Nationenbildung im 19. und 20. Jahrhundert // Europäische Geschichte Online. Mainz. 2012. // URL: <https://www.ieg-ego.eu/de/threads/crossroads/grenzregionen/thomas-hoepel-der-deutsch-franzoesische-grenzraum> (26.01.2026).

11 Ettwiller E. French School Textbooks on the History of Alsace in the Twentieth Century. // Colla P.S., Di Michele A. (eds) History Education at the Edge of the Nation. Global Histories of Education. Palgrave Macmillan, Cham. 2023. P. 213-214.

12 Ibid.

13 Carrol A. Crossing borders: the making of France's eastern frontier in Alsace, 1918–1939. French history. 2021. Vol. 35 (1). P. 72.

14 Langewiesche D. Nation, Nationalismus, Nationalstaat in Deutschland und Europa. München: Beck. 2000. P. 159.

15 Филиппова Е.И. Территории идентичности в современной Франции. – М.: ФГНУ «Росинформарго-тех», 2010. С. 88.

16 Vlossak E. Marianne or Germania? Nationalizing Women in Alsace, 1870-1946. Oxford University Press. 2010. P. 33-34.

17 Langewiesche D. Nation, Nationalismus, Nationalstaat in Deutschland und Europa. P. 159.

ческими браками¹⁸. При агностицизме верх берут более сильные идентичности: локальные или региональные, личные или профессиональные. Сценарий гибкости подразумевает адаптивность и стратегию рационального выбора лояльности, а не лояльность из-за разделения идей. Третий путь представляет собой более плавную адаптацию, как обсуждалось выше¹⁹. При этом безразличие может быть регионализмом и само по себе не является в своей сути новой концепцией. Применяя эту идею, Протт развил ее применительно к Эльзасу: он утверждает, что в Эльзасе имел место стратегический национализм, когда лояльность Германской империи или Франции определялась конкретными политическими шагами, направленными на непреклонную лояльность или лишь на частичную либерализацию, а не франкофильскими или германофобскими отношениями в обществе²⁰.

Региональная и этническая идентичность часто транслируются посредством местного языка или группы диалектов. До политики германизации последней трети XIX и начала XX веков в Эльзасе основным письменным языком по-прежнему оставался немецкий язык, хотя к 1850 году французский стал укреплять свои позиции в официальных сферах, но не был языком повседневного общения, в отличие от диалекта, и не был обязательным в школе²¹. Благодаря школьному образованию, смешанным бракам и миграции немцев из Империи в Рейхсланд, позиции немецкого были ведущими. К 1918 году на диалекте говорили все основные слои населения, кроме чиновников не эльзасского происхождения, в основном младшего и среднего звена. Французским языком владела интеллигенция, представители местной крупной буржуазии и изредка работники торговли и сферы обслуживания²². В 1900 году 95% респондентов опроса заявляли, что владеют диалектом. К 2012 году эта цифра сократилась до 43% и 46% в 2022 году²³. Увеличившийся процент объясняется значительно большей выборкой по численности, географии и социаль-

18 Цитата по: van Ginderachter M., Fox J. *National Indifference and the History of Nationalism in Modern Europe*. London: Routledge. 2019. P. 4.

19 Zahra T. 'Imagined noncommunities: National indifference as a category of analysis' // *Slavic Review*. 2010. Vol. 69 (1). P. 98.

20 Prött V. *Challenging the German Empire: Strategic nationalism in Alsace-Lorraine in the First World War // Nations and nationalism*. 2021. Vol. 27 (4). P. 1009-1025.

21 Harrison M.A. *A Century of Changing Language Beliefs in Alsace // Modern & Contemporary France*. 2012. Vol. 20 (3). P. 360.

22 Hartweg F. *Sprachenpolitik im Elsaß: Die ‚Germanisierung‘ einer weitgehend deutschsprachigen Provinz // Wimmer R. Das 19. Jahrhundert: Sprachgeschichtliche Wurzeln des heutigen Deutsch*. Berlin, Boston: De Gruyter. 1991. P. 157-158.

23 Le dialecte en chiffres // Office pour la Langue et les Cultures d'Alsace et de Moselle. // URL: <http://www.olcalsace.org/fr/observer-et-veiller/le-dialecte-en-chiffres> (26.01.2026).

ному положению. Сейчас эльзасский признан как региональный язык²⁴. Закон Молака 2021 года впервые (помимо конституционной поправки) признал все лингвистическое наследие, включая местные языки, в список нематериального наследия, разрешает иммерсивное обучение на языках, отличном от французского, двуязычные таблички и дублирование официальной информации на языке региона^{25, 26}.

Рассмотрим Эльзас сквозь века. Еще до 1648 года, когда регион оказался в составе Франции и не обладал сформированной идентичностью, он воспринимался как часть немецкого академического, культурного мира. Смена национальной принадлежности не повлияла на статус города²⁷. Эльзас в трудах ученых второй половины XVIII века описывается как мост между Францией и Германией, где католицизм сосуществует с протестантизмом²⁸. В годы Великой французской революции именно в Страсбурге в 1792 году рождается «Марсельеза», до сих пор являющаяся гимном страны. После Первой мировой войны возникнут дебаты, где ставить памятник: недалеко от дома, где жил автор, или на бывшей площади императора Вильгельма. Оба варианта имели крайне символические значения, выбор пал на первый: Эльзас – это Франция и оставался верен ей²⁹. За три года до этого, в 1789 году, когда составлялась карта деревень, немецкоязычные названия по просьбе жителей городов были изменены на французский манер: Cleeburg – Cleebourg, Sultz – Soultz³⁰. В этой же эпохе, в 1801 году, было заключено важное для региональной идентичности соглашение – Конкордат. Когда Франция отделила церковь от государства (*laïcité*) в 1905 году, Эльзас находился под властью Германской империи. В попытках реинтегрировать религиозный Эльзас в 1920-е годы в уже светскую Францию, правительству пришлось пойти на уступки и сохранить действие Конкордата до сих пор.

До франко-прусской войны идентичность проявлялась преимуще-

24 Langues régionales // Ministère de la Culture. // URL: <https://www.culture.gouv.fr/fr/thematiques/langue-francaise-et-langues-de-france/agir-pour-les-langues/promouvoir-les-langues-de-france/langues-regionales> (26.01.2026).

25 Loi sur les langues régionales: la proposition est adoptée par l'Assemblée nationale. France bleu. 08.04.2021. // URL: <https://www.francebleu.fr/infos/societe/loi-sur-les-langues-regionales-il-faut-voter-en-l-etat-pour-ne-pas-perdre-de-temps-pour-paul-molac-1617868229> (26.01.2026).

26 Rapport au Parlement sur la langue française 2024 // Direction de l'information légale et administrative «Vie publique». // URL: <https://www.vie-publique.fr/files/rapport/pdf/293474.pdf> (26.01.2026).

27 Carrol A. In the Border's Shadow: Reimagining Urban Spaces in Strasbourg, 1918-1939 // *Journal of Contemporary History*. 2013. Vol. 48 (4). P. 671-672.

28 Kern L. Les identités de l'Alsace à la croisée des préoccupations historiques et archéologiques régionales (1751-1870) // *Strathèse*. 2017. Is. 5. // URL: <https://www.ouvroir.fr/strathese/index.php?id=425> (26.01.2026).

29 Carrol A. In the Border's Shadow: Reimagining Urban Spaces in Strasbourg, 1918-1939. P. 680-681.

30 Dunlop C.T. The Cartographic Language of Locality: Lessons from Alsace // Whalen P., Young P. (eds.) *Place and Locality in Modern France*. Bloomsbury. 2014. P. 17.

ственно в элитарных кругах, в которых и формировалась: основывались общества для продвижения французского языка, краеведческие общества, региональные, в том числе религиозные, журналы, записывались сказания и легенды. Они как создавали, так и укрепляли местный регионализм^{31, 32, 33}. 1870-1871 годы становятся ключевыми для идентичности и культуры Эльзаса, которые найдут наиболее яркое выражение именно в период нахождения в составе Второй германской империи³⁴. Наличие французских элементов воспринималось немцами как неполная лояльность и вызывала подозрения вплоть до Первой мировой войны. В подобных условиях одним из последних в жизни способов показать идентичность – эпитафии на французском или немецком языке³⁵. Религиозная борьба и *Kulturkampf* («культурная борьба»)³⁶, привели к ассоциации местного патриотизма с католичеством, а позднее и с католическими политическими партиями. В числе ярких рупоров региональной идентичности можно назвать эльзасский музей (Musée alsacien) и журнал «Revue Alsacienne Illustrée» («Иллюстрированное обозрение Эльзаса»), карикатуры Анси, музыку, песни, открытки. Центральной идеей была Родина, которая проявлялась через любовь к природе, национальный костюм, диалект, литературу, местную архитектуру и известных деятелей³⁷. Журнал создал образ эльзасца, а также отделял эльзасцев от немцев, в том числе лингвистически, при том, что и архитектура, и блюда были такими же. В музее была представлена сельская культура, намеренно не показывающая определенных национальных симпатий, поэтому каждая из сторон считала музей своей победой³⁸. Образ Эльзаса как женщины в традиционном костюме появился на открытках и карикатурах, песни исполнялись на немецкой,

31 Kern L. Les identités de l'Alsace à la croisée des préoccupations historiques et archéologiques régionales (1751-1870). // URL: <https://www.ouvrroir.fr/strathese/index.php?id=425> (26.01.2026).

32 Denis M.-N. Entre l'oral et l'écrit: la transmission des contes et récits populaires en Alsace // Sot M. Pratiques de la médiation des savoirs. Paris: Éditions du Comité des travaux historiques et scientifiques. 2019. // URL: <https://books.openedition.org/cths/5367> (26.01.2026).

33 Dunlop C.T. The Cartographic Language of Locality: Lessons from Alsace // Whalen P., Young P. (eds.) Place and Locality in Modern France. Bloomsbury. 2014. P. 18.

34 Vaillot B. 1870 ou l'invention de l'Alsace contemporaine // Revue d'Alsace. 2023. Is. 149. // URL: <https://journals.openedition.org/alsace/5848> (26.01.2026).

35 Vajta K. Gravestones speak – but in which language? Epitaphs as mirrors of language shifts and identities in Alsace // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2017. Vol. 39 (2). P. 150.

36 Cinnirella F., Schüler R.M. Lessons from Bismarck's Germanisation policy // Rohner D., Ekaterina Zhuravskaya E. (eds.) Nation Building: Big Lessons from Successes and Failures. Centre for Economic Policy Research Press. 2023. P. 142-143.

37 Kwaschik A. An der Grenze der Nationen. Europa-Konzepte und regionale Selbstverortung im Elsass. // URL: <https://zeithistorische-forschungen.de/3-2012/4576> (26.01.2026).

38 Fischer C.J. Alsace to the Alsatians? Visions and Divisions of Alsatian Regionalism, 1870 – 1939. Oxford: Berghahn Books. 2010. P. 62-64

французском и диалекте, а театр в мягкой форме высмеивал всех: и «старых» немцев, переехавших из остальной части империи в Эльзас, эльзасцев, которые ждут прихода Франции, немцев, которые пытаются германизировать Эльзас, и показывают двойственность культуры региона, в которой сочетаются и немецкие, и французские элементы³⁹.

Языковой вопрос после Первой мировой войны вновь остро встал перед администрацией. В судах приходилось предоставлялся переводчик, если гражданин не владел французским языком, официальные издания издавались в двуязычном формате⁴⁰. С 1920 года все школьные предметы стали преподаваться на французском, а немецкий можно было изучать как иностранный язык⁴¹. Государственная политика по ассимиляции немецкоязычного населения Эльзаса привела, как и предыдущая политика германизации, к ответной реакции – автономистскому движению, цель которого – сохранить самобытность культуры и языка. Урбанизация и отток населения в города привели к ощущению кризиса локальной культуры и ее потери. На все эти вызовы по-своему отвечали регионалистские союзы и объединения. Одним из требований было самоуправление, подобное Конституции 1911 года, но в рамках Франции. В 1930-е годы ряд организаций проявлял явные симпатии к Германии. В 1926 году стремления к автономии выразились в немецкоязычном манифесте *Heimatbund der Elsässer* (Союзе Родины эльзасцев). Его содержание можно свести к необходимости объединиться для сохранения культуры, языка и получения автономии в рамках Франции, отмену политику ассимиляции⁴². Другой путь предлагал писатель Рене Шикеле, который провозглашал Эльзас мостом между двух наций и отводил ему ключевую роль в движении к единой Европе. Эти идеи потом подхватит Робер Шуман, бывший депутатом от Мозеля (бывшей Лотарингии).

После Второй мировой войны язык как маркер идентичности стал утрачивать свое значение. Немецкий язык исчез из школ до 1972 году, хотя отдельные попытки предпринимались с 1952 году и вводили язык в начальных классах. Первая двуязычная программа школьного обуче-

39 Klein D. *Becoming Alsatian: Anti-German and Pro-French Cultural Propaganda in Alsace, 1898–1914* // Kelly B.L. (ed.) *French Music, Culture, and National Identity, 1870–1939*. Rochester: University of Rochester Press. 2008. P. 219–226.

40 Carrol A. *Navigations of National Belonging: Legal Reintegration after the Return of Alsace to France, 1918–39* // Dalle Mülle E., Rodogno D., Bieling M. (eds.) *Sovereignty, Nationalism, and the Quest for Homogeneity in Interwar Europe*. London: Bloomsbury Academic. 2023. P. 216.

41 Carrol A., Zanoun L. *The view from the border: a comparative study of autonomism in Alsace and the Moselle, 1918–29* // *European Review of History: Revue Européenne D'histoire*. 2011. Vol. 18(4). P. 465–486. P. 470.

42 Carrol A., Zanoun L. *The view from the border: a comparative study of autonomism in Alsace and the Moselle, 1918–29*. P. 674.

ния появилась лишь в 1990-х. За 122 года с 1900 по 2022 год доля носителей упала более, чем в половину⁴³, и опрос показывает, что диалект перестает передаваться в семье⁴⁴. К тому же, ассоциацию между языком и регионом проводят лишь 15% опрошенных в 2022 году, гораздо больше с кухней (26%), природой (24%), культурой и историей – 15%. 46% заявляют, что владеют диалектом на хорошем уровне, и 56% заявляют, что хорошо понимают. Из них лишь 40% могут читать без затруднений. 67% респондентов от 18 до 24 лет не разговаривают на диалекте, от 25 до 34 лет – 53%. Как отмечалось в теоретическом разделе, потеря языка не означает смерть культуры, маркеры идентичности сдвигаются в сторону культуры, особенностей региона: кухни, архитектуры, природы⁴⁵.

Трансляция идентичности ярко проявляется в том числе через туризм. Например, региональное брендингирование пищевых продуктов Эльзаса основано на ассоциациях и противопоставлениях: типичные пейзажи, аист как символ Эльзаса, национальные костюмы, названия на диалекте, контрасте местного/европейского, периферии страны и центра Европы⁴⁶. Помимо марок, вроде Raifalsa, Wattwiller, Carola, Unsowiso, региональный компонент представлен через музейную деятельность. Здесь рассмотрим два примера: Экомузей и Ширмек. Экомузей представляет собой искусственное образование: он реконструирует деревню начала прошлого века из домов, техники и других предметов, которые были перевезены на место музея – бывший пустырь⁴⁷. В связи с этим он подвергается критике за отсутствие исторического контекста, с другой стороны, признается его роль в формировании региональной идентичности и памяти⁴⁸. Другим значимым музеем памяти является Мемориал Эльзаса-Мозеля в Ширмеке, сохраняющий память не только о Второй мировой войне, находясь вблизи бывшего концлагеря, но и о политике германизации в целом. Цель музея состоит в просвещении и сохранении противоречивого прошлого региона. История впи-

43 Le dialecte en chiffres // Office pour la Langue et les Cultures d'Alsace et de Moselle. // URL: <http://www.olcalsace.org/fr/observer-et-veiller/le-dialecte-en-chiffres> (26.01.2026).

44 Étude sociolinguistique sur l'alsacien et l'allemand. Rapport de présentation // Office pour la Langue et les Cultures d'Alsace et de Moselle. 2022. // URL: <https://www.alsace.eu/media/5491/cea-rapport-esl-francais.pdf> (26.01.2026).

45 Ibid.

46 Burdick C. Branding the Alsatian Oxymoron: The Production of Ambivalent Identity // *Signs and Society*. 2016. Vol. 4 (S1). // URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/signs-and-society/article/branding-the-alsatian-oxymoron-the-production-of-ambivalent-identity/20504D0D979DE46CE78F7085694E232E> (26.01.2026).

47 L'Histoire de l'Écomusée d'Alsace, d'hier à aujourd'hui // Écomusée d'Alsace. // URL: <https://www.ecomusee.alsace/fr/decouvrir-l-ecomusee/histoire-du-musee> (26.01.2026).

48 Lazen M. Living-dead culture: the Écomusée d'Alsace and the local heritage in postmodern France. *French Cultural Studies*. 2002. Vol. 13 (38). P. 125-137.

сана в более широкую историю с 1871 года, но при этом ряд важных нарративов упускается: коллаборационизм части жителей, минимум информации о самом Ширмеке⁴⁹. Европейский проект подчеркнут как гарантия мира в регионе.

Туризм в регионе до 2028 года, согласно стратегии, сосредоточен на таких направлениях как повышение конкурентоспособности, расширение и улучшение инфраструктуры и услуг, экология, сотрудничество⁵⁰. Реализация и взаимодействие со всеми участниками туризма возложена на ряд акторов, в том числе Alsace Destination Tourisme («Направление туризма Эльзаса», комитет по туризму). В качестве целей выбраны два девиза: «Мечтать об Эльзасе» и «Воплощать мечты в Эльзасе», а в качестве ключевых направлений – прогулки пешком и на велосипеде, гастрономия и вино, горы, замки (Вогезы), Рейн. Предложение ориентировано на местный рынок (Франция, Германия, Швейцария и страны Бенилюкс) и другие рынки: Италия, Испания, Великобритания, Австрия, Центральная Европа и Скандинавия⁵¹. Современный рекламный туристический образ на национальном и международном уровнях с 2019 года поддерживает бренд Visit Alsace («Посетить Эльзас»), развивающий традиционные открыточные виды в современные форматы и направления⁵². Приоритет отдается ближайшим странам. Два важных направления – «Дорога вин» и «Рождество». Другими направлениями являются: еда и напитки, наследие и культура, отдых на природе, медленный туризм и здоровье, развлечения и семейный отдых, городской туризм, деловой туризм⁵³.

В политической сфере Эльзас был регионом с 1970-х и прекратил им быть в начале 2010-х годов, когда Франция проводила очередную административную территорию и по-другому нарезала карту территорий. После неудачного референдума 2013 года и появления региона Гранд-Эст появился страх исчезновения и растворения идентичности Эльзаса в новом территориальном образовании, созданном впервые и не имевшем прецеденты в истории (в своих границах и составе). В итоге этническая мобилизация и лоббизм позволили создать с 2021 года но-

49 Vlossak E. Remembering Oradour and Schirmeck: Struggles of Regional Memory and National Commemoration // Whalen P., Young P. (eds.) Place and Locality in Modern France. Bloomsbury. 2014. P. 119.

50 Stratégie tourisme Alsace 2024-2028 // La Collectivité européenne d'Alsace. // URL: <https://www.alsace.eu/actualites/strategie-tourisme-alsace-2024-2028/> (26.01.2026).

51 Des stratégies plurielles et complémentaires au service du territoire // Alsace Destination Tourisme. // URL: <https://www.alsace-destination-tourisme.com/agence/strategie/> (26.01.2026).

52 Visit Alsace, la marque de la destination Alsace // Alsace Destination Tourisme. // URL: <https://www.alsace-destination-tourisme.com/valoriser/marques/visit-alsace/> (26.01.2026).

53 Inspirations Alsace // Visit Alsace Pro. // URL: <https://pro.visit.alsace/inspirations/> (26.01.2026).

вый департамент «Европейское сообщество Эльзаса» в рамках региона Гранд-Эст с широкими полномочиями, который перенял на себя транслирования региональной (в административном плане департаментской) идентичности. Председатель Фредерик Бирри на своем посту планомерно продолжает политику требований выхода из состава большого региона, однако преимущественно ограничивается риторикой. Например, проводит опросы, содержащие вопросы, которые находятся вне компетенций департамента: голосование за выход из Гранд-Эста⁵⁴. По этим результатам на создание своей отдельной административно-территориальной единицы на уровне региона согласны 92,4% респондентов. В прошлом году IFOP провел два опроса среди тысячи жителей департамента, за отделение выступают 70%.⁵⁵, за децентрализацию и переход к федерализму высказываются 86% респондентов в Эльзасе; 84% не принимают реформу, по которой был создан Гранд-Эст и призывают выйти из него⁵⁶. В мае 2024 года департаментом был опубликован манифест, опирающийся на перечисленные опросы и требующий отделения Эльзаса от региона и создания собственного. Однако аргументы носят общий характер и не привязаны к ярко выраженной цели, помимо абстрактной децентрализации⁵⁷. Против выступают мэры ряда крупных городов, в том числе Страсбурга, который больше других городов департамента обладает сложившейся европейской идентичностью, благодаря институтам Европейского союза, Совета Европы.

Таким образом, Эльзас, обладая бикультурной и билингвистической идентичностью «прочного» типа, укрепленного в прошлом, на протяжении своей активной этнической и национальной истории проявлял внутренние противоречия как неотъемлемую часть свой «эльзасскости»: немецкоязычный регион поддерживал в первых рядах французскую революцию, а интеллектуальная элита создавала региональный миф путем сбора немецкоязычного фольклора и популяризации региональной истории через французский язык. После 1871 года Германская империя

54 La collectivité d'Alsace interroge ses habitants sur son appartenance à la région Grand-Est // Direction de l'information légale et administrative «Vie publique». 22.02.2022. // URL: <https://www.vie-publique.fr/en-bref/283917-consultation-sur-l'appartenance-de-lalsace-la-region-grand-est> (23.10.2025).

55 Souhait et vote des habitants en cas de référendum en Alsace // IFOP: Institut français d'opinion publique. 04.06.2025. // URL: <https://www.ifop.com/article/souhait-et-vote-des-habitants-en-cas-de-referendum-en-alsace/> (23.10.2025).

56 Decentralization, territorial identity, demands... French regionalism stands the test of time // IFOP: Institut français d'opinion publique. 19.09.2025. // URL: <https://www.ifop.com/en/article/decentralization-territorial-identity-demands-french-regionalism-stands-the-test-of-time> (23.10.2025).

57 Nous c'est l'Alsace: découvrez le manifeste! // La Collectivité européenne d'Alsace. 30.05.2024. // URL: <https://www.alsace.eu/actualites/nous-c-est-l-alsace-decouvrez-manifeste/> (26.01.2026).

и Третья Республика воспринимали регион как часть своей идентичности, но проводили политики ассимиляции по одним и предпринимали одни и те же шаги, направленную в первую очередь на лингвистическую идентичность, от которой выстраивалось суждение о последующей за ней национальной лояльности. Эльзасское городское сообщество противостояло германизации и францизации тем, что назвали эльзасианизацией: ассоциацией католичества с протестным настроением, использование женской аллегии региона, природы, кулинарии и костюма как основных символов региона, олицетворяющих сам народный дух. При этом в театре, карикатурах немцы изображались явным образом антагонистически. Общие настроения можно охарактеризовать концепцией национального безразличия и постепенной адаптации, в особенности, когда государство переходило к более плавным мерам и риторике. Это происходило в частности, благодаря смешанным бракам. Язык в условиях добровольного отказа как одной из причин репрессий нацистского режима перестал быть одним из маркеров идентичности. Он уступил место материальному проявлению культуры и сохранению местных традиций. Вопрос религиозной идентичности показал, как в 2010-х административный, мобилизационный потенциал. Альтернативная региональная идентичность была предложена Шикеле – европейский путь Эльзаса, который объединит Европу, как после Второй мировой войны и произошло. В политической региональной репрезентации в Эльзасе автономисты (в преимуществе своем в 1930-е годы) не требовали независимости от Франции. В современных условиях требования, предъявляемые руководством Европейского сообщества Эльзаса, так же не выходят за территориально-административные границы Французской республики, но при этом и ограничиваются исключительно необходимостью расширить полномочия департамента. Это позволяет на данный момент скептически относиться к возможным успехам кампании. При этом Эльзас как регион продолжает транслировать себя как часть Долины Рейна, наравне с Германией и Швейцарией, с возможностью насладиться природой, винами, кулинарией и музеями, отражающими сложные периоды истории региона и погрузиться в интерактивном формате в жизнь вековой давности.

Список литературы:

1. Филиппова Е.И. Территории идентичности в современной Франции. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2010. 300 с.
2. Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия / Фрэнсис Фукуяма; Пер. с англ.

– М.: Альпина Паблишер, 2019. 256 с.

3. Burdick C. Branding the Alsatian Oxymoron: The Production of Ambivalent Identity // *Signs and Society*. 2016. Vol. 4 (S1). // URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/signs-and-society/article/branding-the-alsatian-oxymoron-the-production-of-ambivalent-identity/20504D0D979DE46CE78F7085694E232E> (26.01.2026).
4. Carrol A. Crossing borders: the making of France's eastern frontier in Alsace, 1918–1939 // *French history*. 2021. Vol. 35 (1). P. 70–90.
5. Carrol A. In the Border's Shadow: Reimagining Urban Spaces in Strasbourg, 1918–1939 // *Journal of Contemporary History*. 2013. Vol. 48 (4). P. 666–687.
6. Carrol A. Navigations of National Belonging: Legal Reintegration after the Return of Alsace to France, 1918–39 // Dalle Mulle E., Rodogno D., Bieling M. (eds.) *Sovereignty, Nationalism, and the Quest for Homogeneity in Interwar Europe*. London: Bloomsbury Academic. 2023. P. 211–230.
7. Carrol A., Zanoun L. The view from the border: a comparative study of autonomism in Alsace and the Moselle, 1918–29 // *European Review of History: Revue Europeenne D'histoire*. 2011. Vol. 18 (4). P. 465–486.
8. Carter C., Gingerich D.W. National identity after conquest // *American Journal of Political Science*. 2025. // URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/ajps.12970> (26.01.2026).
9. Cinnirella F., Schüler R.M. Lessons from Bismarck's Germanisation policy // Rohner D., Ekaterina Zhuravskaya E. (eds.) *Nation Building: Big Lessons from Successes and Failures*. Centre for Economic Policy Research Press. 2023. P. 141–150.
10. Denis M.-N. Entre l'oral et l'écrit: la transmission des contes et récits populaires en Alsace // Sot M. *Pratiques de la médiation des savoirs*. Paris: Éditions du Comité des travaux historiques et scientifiques. 2019. // URL: <https://books.openedition.org/cths/5367> (26.01.2026).
11. Dunlop C.T. The Cartographic Language of Locality: Lessons from Alsace // Whalen P., Young P. (eds.) *Place and Locality in Modern France*. Bloomsbury. 2014. 221 p.
12. Ettwiller E. French School Textbooks on the History of Alsace in the Twentieth Century. // Colla P.S., Di Michele A. (eds.) *History Education at the Edge of the Nation*. Global Histories of Education. Palgrave Macmillan, Cham. 2023. P. 195–217.
13. Fischer C.J. *Alsace to the Alsatians? Visions and Divisions of Alsatian Regionalism, 1870 – 1939*. Oxford: Berghahn Books. 2010. 254 p.
14. Harrison M.A. A Century of Changing Language Beliefs in Alsace // *Modern & Contemporary France*. 2012. Vol. 20 (3). P. 357–374.
15. Hartweg F. Sprachpolitik im Elsaß: Die ‚Germanisierung‘ einer weitgehend deutschsprachigen Provinz // Wimmer R. *Das 19. Jahrhundert: Sprachgeschichtliche Wurzeln des heutigen Deutsch*. Berlin, Boston: De Gruyter. 1991. P. 136–163.
16. Hofstede H. Balancing between thick and thin regional identities // *Journal of Place Management and Development*. 2014. Vol. 7 (2). P. 126–140.
17. Höpel T. Der deutsch-französische Grenzraum: Grenzraum und Nationenbildung im 19. und 20. Jahrhundert // *Europäische Geschichte Online*. Mainz. 2012. // URL: <https://www.ieg-ego.eu/de/threads/crossroads/grenzregionen/thomas-hoepel-der-deutsch-franzoeseische-grenzraum> (26.01.2026).
18. Kern L. Les identités de l'Alsace à la croisée des préoccupations historiques et archéologiques régionales (1751–1870) // *Strathèse*. 2017. Is 5. // URL: <https://www.ouvroir.fr/strathese/index.php?id=425> (26.01.2026).
19. Klein D. Becoming Alsatian: Anti-German and Pro-French Cultural Propaganda in Alsace, 1898–1914 // Kelly B.L. (ed.) *French Music, Culture, and National Identity, 1870–1939*. Rochester: University of Rochester Press. 2008. P. 215–233.
20. Kwaschik A. An der Grenze der Nationen. Europa-Konzepte und regionale Selbstverortung im Elsass. // URL: <https://zeithistorische-forschungen.de/3-2012/4576> (26.01.2026).
21. Langewiesche D. *Nation, Nationalismus, Nationalstaat in Deutschland und Europa*. München: Beck. 2000. 267 p.
22. Lazen M. Living-dead culture: the Écomusée d'Alsace and the local heritage in postmodern France. *French Cultural Studies*. 2002. Vol. 13(38). P. 125–144.
23. Prott V. Challenging the German Empire: Strategic nationalism in Alsace-Lorraine in the First World War // *Nations and nationalism*. 2021. Vol. 27 (4). P. 1009–1025.
24. Schmidt U. Language Loss and the Ethnic Identity of Minorities // *European Centre for minority issues*. 2008. Issue Brief № 18. 15 p.
25. Terlouw K. From thick to thin regional identities? // URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10708-011-9422-x> (24.03.2025).
26. Terlouw K. Regional Identities in a Re-Territorialising World: From thinning cosmopolitan to thickening resistance identities // *Journal of Economic and Human Geography*. 2024. Vol. 15 (4). // URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/tesg.12643> (26.01.2026).
27. Trisnawati I. Maintaining the identity of bilingual individuals in multicultural/multilingual settings // *Englisia*. 2017. Vol. 5 (1). // URL: <https://jurnal.ar-raniry.ac.id/index.php/englisia/article/view/1660/1728> (26.01.2026).

28. Vaillot B. 1870 ou l'invention de l'Alsace contemporaine // *Revue d'Alsace*. 2023. Is. 149. // URL: <https://journals.openedition.org/alsace/5848> (date of access: 26.01.2026).
29. Vajta K. Gravestones speak – but in which language? Epitaphs as mirrors of language shifts and identities in Alsace // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2017. Vol. 39 (2). P. 137-154.
30. van Ginderachter M., Fox J. *National Indifference and the History of Nationalism in Modern Europe*. London: Routledge. 2019. 274 p.
31. Vlossak E. *Marianne or Germania? Nationalizing Women in Alsace, 1870-1946*. Oxford: Oxford University Press. 2010. 330 p.
32. Vlossak E. Remembering Oradour and Schirmeck: Struggles of Regional Memory and National Commemoration // Whalen P., Young P. (eds.) *Place and Locality in Modern France*. Bloomsbury. 2014. P. 114-124.
33. Zahra T. 'Imagined noncommunities: National indifference as a category of analysis' // *Slavic Review*. 2010. Vol. 69 (1). P. 93-119.
34. Постникова А.А. Применение инновационных образовательных технологий при достижении метапредметных результатов в процессе обучения младших школьников с ЗПР // *Альманах Казачество*. 2025. № 86 (5). С. 114-121.

Bibliography

1. Filippova, E.I. *Territories of Identity in Contemporary France*. Moscow: Rosinformagrotech, 2010. 300 p.
2. Fukuyama, F. *Identity: The Quest for Recognition and the Politics of Rejection* / Francis Fukuyama; Translated from English. Moscow: Alpina Publisher, 2019. 256 p.
3. Burdick C. Branding the Alsatian Oxymoron: The Production of Ambivalent Identity // *Signs and Society*. 2016. Vol. 4 (S1). // URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/signs-and-society/article/branding-the-alsatian-oxymoron-the-production-of-ambivalent-identity/20504D0D979DE46CE78F7085694E232E> (26.01.2026).
4. Carrol A. Crossing borders: the making of France's eastern frontier in Alsace, 1918–1939 // *French history*. 2021. Vol. 35 (1). P. 70-90.
5. Carrol A. In the Border's Shadow: Reimagining Urban Spaces in Strasbourg, 1918-1939 // *Journal of Contemporary History*. 2013. Vol. 48 (4). P. 666-687.
6. Carrol A. Navigations of National Belonging: Legal Reintegration after the Return of Alsace to France, 1918–39 // Dalle Mülle E., Rodogno D., Bieling M. (eds.) *Sovereignty, Nationalism, and the Quest for Homogeneity in Interwar Europe*. London: Bloomsbury Academic. 2023. P. 211-230.
7. Carrol A., Zanoun L. The view from the border: a comparative study of autonomism in Alsace and the Moselle, 1918–29 // *European Review of History: Revue Européenne D'histoire*. 2011. Vol. 18 (4). P. 465-486.
8. Carter C., Gingerich D.W. National identity after conquest // *American Journal of Political Science*. 2025. // URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/ajps.12970> (26.01.2026).
9. Cinnirella F., Schüller R.M. *Lessons from Bismarck's Germanisation policy* // Rohner D., Ekaterina Zhuravskaya E. (eds.) *Nation Building: Big Lessons from Successes and Failures*. Centre for Economic Policy Research Press. 2023. P. 141-150.
10. Denis M.-N. *Entre l'oral et l'écrit: la transmission des contes et récits populaires en Alsace* // Sot M. *Pratiques de la médiation des savoirs*. Paris: Éditions du Comité des travaux historiques et scientifiques. 2019. // URL: <https://books.openedition.org/cths/5367> (26.01.2026).
11. Dunlop C.T. *The Cartographic Language of Locality: Lessons from Alsace* // Whalen P., Young P. (eds.) *Place and Locality in Modern France*. Bloomsbury. 2014. 221 p.
12. Ettwiller E. *French School Textbooks on the History of Alsace in the Twentieth Century*. // Colla P.S., Di Michele A. (eds.) *History Education at the Edge of the Nation. Global Histories of Education*. Palgrave Macmillan, Cham. 2023. P. 195-217.
13. Fischer C.J. *Alsace to the Alsatians? Visions and Divisions of Alsatian Regionalism, 1870 – 1939*. Oxford: Berghahn Books. 2010. 254 p.
14. Harrison M.A. *A Century of Changing Language Beliefs in Alsace* // *Modern & Contemporary France*. 2012. Vol. 20 (3). P. 357-374.
15. Hartweg F. *Sprachenpolitik im Elsaß: Die ‚Germanisierung‘ einer weitgehend deutschsprachigen Provinz* // Wimmer R. *Das 19. Jahrhundert: Sprachgeschichtliche Wurzeln des heutigen Deutsch*. Berlin, Boston: De Gruyter. 1991. P. 136-163.
16. Hofstede H. *Balancing between thick and thin regional identities* // *Journal of Place Management and Development*. 2014. Vol. 7 (2). P. 126–140.
17. Höpel T. *Der deutsch-französische Grenzraum: Grenzraum und Nationenbildung im 19. und 20. Jahrhundert* // *Europäische Geschichte Online*. Mainz. 2012. // URL: <https://www.ieg-ego.eu/de/threads/crossroads/grenzregionen/thomas-hoepel-der-deutsch-franzoesische-grenzraum> (26.01.2026).
18. Kern L. *Les identités de l'Alsace à la croisée des préoccupations historiques et archéologiques régionales*

- (1751-1870) // *Strathèse*. 2017. Is 5. // URL: <https://www.ouvroir.fr/strathese/index.php?id=425> (26.01.2026).
19. Klein D. *Becoming Alsatian: Anti-German and Pro-French Cultural Propaganda in Alsace, 1898–1914* // Kelly B.L. (ed.) *French Music, Culture, and National Identity, 1870-1939*. Rochester: University of Rochester Press. 2008. P. 215-233.
20. Kwaschik A. *An der Grenze der Nationen. Europa-Konzepte und regionale Selbstverortung im Elsass*. // URL: <https://zeithistorische-forschungen.de/3-2012/4576> (26.01.2026).
21. Langewiesche D. *Nation, Nationalismus, Nationalstaat in Deutschland und Europa*. München: Beck. 2000. 267 p.
22. Lazen M. *Living-dead culture: the Écomusée d'Alsace and the local heritage in postmodern France*. *French Cultural Studies*. 2002. Vol. 13(38). P. 125-144.
23. Prott V. *Challenging the German Empire: Strategic nationalism in Alsace-Lorraine in the First World War* // *Nations and nationalism*. 2021. Vol. 27 (4). P. 1009-1025.
24. Schmidt U. *Language Loss and the Ethnic Identity of Minorities* // *European Centre for minority issues*. 2008. Issue Brief № 18. 15 p.
25. Terlouw K. *From thick to thin regional identities?* // URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10708-011-9422-x> (24.03.2025).
26. Terlouw K. *Regional Identities in a Re-Territorialising World: From thinning cosmopolitan to thickening resistance identities* // *Journal of Economic and Human Geography*. 2024. Vol. 15 (4). // URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/tesg.12643> (26.01.2026).
27. Trisnawati I. *Maintaining the identity of bilingual individuals in multicultural/multilingual settings* // *Englisia*. 2017. Vol. 5 (1). // URL: <https://jurnal.ar-raniry.ac.id/index.php/englisia/article/view/1660/1728> (26.01.2026).
28. Vaillot B. *1870 ou l'invention de l'Alsace contemporaine* // *Revue d'Alsace*. 2023. Is. 149. // URL: <https://journals.openedition.org/alsace/5848> (date of access: 26.01.2026).
29. Vajta K. *Gravestones speak – but in which language? Epitaphs as mirrors of language shifts and identities in Alsace* // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2017. Vol. 39 (2). P. 137-154.
30. van Ginderachter M., Fox J. *National Indifference and the History of Nationalism in Modern Europe*. London: Routledge. 2019. 274 p.
31. Vlossak E. *Marianne or Germania? Nationalizing Women in Alsace, 1870-1946*. Oxford: Oxford University Press. 2010. 330 p.
32. Vlossak E. *Remembering Oradour and Schirmeck: Struggles of Regional Memory and National Commemoration* // Whalen P., Young P. (eds.) *Place and Locality in Modern France*. Bloomsbury. 2014. P. 114-124.
33. Zahra T. *'Imagined noncommunities: National indifference as a category of analysis'* // *Slavic Review*. 2010. Vol. 69 (1). P. 93-119.
34. Postnikova A.A. *Application of innovative educational technologies in achieving meta-subject results in the process of teaching primary school children with mental restriction* // *Almanac Cossacks*. 2016. № 86 (5). P. 114-121.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Верченко Д.Ю.

*Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации
в Многонациональном Государстве Боливия.*

Католическая церковь и коренные народы Латинской Америки: долгий путь к взаимопониманию

Введение

За последние три десятилетия в Латинской Америке появились различные политические акторы, для которых принадлежность к коренным народам является основой социальной и политической идентичности. Появление индигенных движений в настоящее время можно объяснить изменением структуры политических возможностей в ответ на глобализацию, которая создала ситуацию, при которой формирование государственной политики во все большей степени является результатом взаимодействия широкого круга субъектов. Коренные народы получили новые возможности благодаря альянсам с различными акторами, которые предоставили им больше опций для оказания давления на национальные правительства. И одним из таких акторов в настоящее время является католическая церковь. Именно она, изначально выступая в качестве одной из враждебных по отношению к коренным народам сил, стала в настоящее время одним из главных защитников их прав. О причинах, специфике и последствиях данной трансформации и будет идти речь в данной статье.

Эволюция отношения католической церкви к колонизации и порабощению коренных народов

Прибытие Христофора Колумба в Америку в 1492 г. ознаменовало начало новой главы в истории региона. Испанское завоевание при поддержке католической церкви привело к насаждению европейской культуры и религии. В соответствии с так называемой «Доктриной открытия», колонизаторы получали право аннулировать путем покупки или завоевания те земли, которые принадлежали представителям и общинам коренных народов. Эта «доктрина» была основана на нескольких папских документах, в частности, на двух буллах Николая V

«Dum diversas» (1452 г.) и «Римский понтифик» (1455 г.), а также булле Александра VI «Inter caetera» (1493 г.), которая напрямую оправдывала завоевание и евангелизацию американских земель обещанием «спасти коренных жителей от их дикости и обратить их к истинному Богу»¹. В действительности же речь шла об узаконивании захвата земель, порабощении и уничтожении культур коренных народов.

В марте 2023 г. в специальном заявлении Ватикан достаточно четко сформулировал современное понимание ответственности католической церкви за порабощение коренных народов Америки². Хотя «исторические исследования ясно показывают, что рассматриваемые папские документы, написанные в определенный исторический период и связанные с политическими вопросами, никогда не считались выражением католической веры», «церковь признает, что эти папские буллы неадекватно отражали равное достоинство и права коренных народов». Далее в заявлении говорится, что «конкурирующие колониальные державы манипулировали содержанием этих документов в политических целях, чтобы оправдать аморальные действия против коренных народов, которые иногда совершались без противодействия со стороны церковных властей». Таким образом, «будет справедливо признать эти ошибки, признать ужасные последствия политики ассимиляции и боль, которую испытывают коренные народы, и попросить прощения».

Затем в заявлении приводятся слова Папы Франциска (*Franciscus*): «Никогда больше христианская община не сможет позволить себе быть зараженной идеей о том, что одна культура превосходит другие, или что законно использовать способы принуждения других», поэтому «католическая церковь отвергает те концепции, которые не признают неотъемлемые права человека коренных народов, включая то, что стало известно как правовая и политическая «доктрина открытия». При этом особо подчеркивается, что «доктрина открытия», служившая оправданием экспроприации суверенными колонизаторами земель коренных народов у их законных владельцев, «не является частью учения Католической церкви», а папские буллы, предоставлявшие такие «права» колонизирующим суверенам, никогда не были частью церковного магистериума.

Однако путь католической церкви к этому признанию был достаточно долгим и нередко противоречивым. Остановимся несколько подробнее

1 O'Toole R. Religion, Society, and Culture in the Colonial Era / A Companion to Latin American History. Holloway Th. (ed.) Chichester and Malden: Wiley-Blackwell, 2011. P. 163.

2 Pope says he is 'deeply sorry' to Indigenous Peoples in Canada. // URL: <https://www.vaticannews.va/en/vatican-city/news/2023-03/vatican-formally-repudiates-doctrine-of-discovery.html> (Дата обращения: 24.07.2025)

на основных его этапах.

Прежде всего, нужно отметить, что период, когда католическая церковь безоговорочно поддерживала все действия колонизаторов, был относительно коротким. Более того, уже на раннем этапе взаимоотношения коренных народов Латинской Америки и католической церкви характеризовались определенной неоднозначностью и противоречивостью.

Во-первых, часто «обращение» означало просто крещение. Священники окропляли голову новообращенного водой, давали ему «христианское», то есть испаноязычное, имя и призывали посещать мессу по воскресеньям.

Во-вторых, духовная практика коренных народов получила невольный импульс от самого папы римского. Павел III (1534-1549гг.), предоставил особые религиозные льготы коренным жителям Северной и Южной Америки, поскольку они были новообращенными, или «неофитами» в вере. Фактически, этот статус означал, что они были прощены за то, что неправильно соблюдали католические обряды - не отмечали все праздники, не часто постились, женились на двоюродных братьях и сестрах и так далее. В результате местные духовные практики часто смешивались с христианскими. Возможно, лучшим примером такого религиозного синкретизма является Богоматерь Гваделупская, которую многие католики почитают как явление Девы Марии. Однако многие коренные жители также отождествляют Гваделупу с Тонанцин. Это слово означает «Наша мать» на науатль, языке коренных мексиканцев, и может относиться к нескольким богиням.

В-третьих, практически с самого начала завоевание и евангелизация сопровождались т.н. «контрзавоеванием», процессом перехода ряда священнослужителей на сторону угнетаемых. Особую роль в этом процессе сыграл монах-доминиканец Бартоломе де лас Касас (*Bartolomé de las Casas*), заслуженно получивший титул «Защитника индейцев». В своей книге «Кратчайший отчет о разрушении Индий» (*Brevísima relación de la destrucción de las Indias*)³, впервые опубликованной в 1552 г., он дает яркое описание зверств, творимых конкистадорами в Америке – в частности, на Антильских островах, в Центральной Америке и на территориях, которые сегодня относятся к Мексике. В одной из своих последних книг «Сокровища в Перу» (*De thesauris in Peru*)⁴. Касас страстно отстаивает права коренных жителей Перу, категорически выступая против обраче-

³ de Las Casas, B. *Brevísima relación de la destrucción de las Indias*. CreateSpace Independent Publishing Platform, 2015. 70 p.

⁴ de Las Casas, B. *De thesauris in Peru*. Madrid: Alianza Editorial. 2007. 569 p.

ния в рабство коренного населения. Кроме того, он ставит под сомнение право собственности Испании на сокровища из выкупа, уплаченного за освобождение Атауальпы (правителя инков), а также на ценности, найденные и взятые в местах захоронений индейцев.

В целом, фигура Бартоломе де лас Касаса представляет собой поворотный момент в истории католической церкви в Латинской Америке. Его борьба за права коренных народов ознаменовала изменение взглядов ряда влиятельных священнослужителей, начавших сомневаться в законности завоевания и применявшегося к индейцам насилия. Как отмечает латиноамериканский историк и философ Энрике Дюссель (Enrique Dussel), «миссионерская церковь с самого начала выступала против такого положения дел, и почти все позитивное, что делалось на благо коренных народов, было результатом призывов и настойчивости миссионеров. Однако факт оставался фактом: искоренить широко распространенную несправедливость было чрезвычайно трудно. Еще более важным, чем Бартоломе де Лас Касас, был епископ Никарагуа Антонио де Вальдивьесо, который в конечном счете принял мученическую смерть, защищая индейцев»⁵. Не случайно благодаря настойчивости не только Бартоломе де Лас Касасу (епископа Чьяпаса), Диего Медельина и Антонио Вальдивьесо, но и группы влиятельных испанских доминиканцев, «предавших» интересы короны, в 1537 г. папа Павел III издает буллу «Sublimis Deus», в которой торжественно провозглашается, что «индейцы и все другие народы, которые впоследствии могут быть обнаружены христианами, ни в коем случае не должны быть лишены свободы или владения своим имуществом, даже если они находятся вне веры в Иисуса Христа; и что они могут и должны свободно и законно пользоваться своей свободой и владением своим имуществом; и они никоим образом не должны быть порабощены; если произойдет обратное, это будет считаться недействительным и не будет иметь никакой силы»⁶.

Со временем противоречия между миссионерами и колониальной элитой по поводу защиты коренных народов и эксплуатации природных ресурсов резко усиливаются. Особенно большие споры в Испании и Португалии вызвали миссии ордена иезуитов, поскольку они воспринимались как вмешательство в политику, проводимую колониальными властями. Иезуиты часто выступали в роли единственных защитников индейцев

5 Dussel E. A History of the Church in Latin America: Colonialism to Liberation (1492-1979). Wm. B. Eerdmans Publishing: Grand Rapids, 1981. P.58

6 Sublimis Deus. On the Enslavement and Evangelization of Indians. Pope Paul III 1537. // URL: https://www.papalencyclicals.net/paul03/p3s_ubli.htm (Дата обращения: 20.07.2025)

от рабства. Скоординировав свои действия по всей Южной Америке, иезуиты начали создавать христианские индейские города-государства, получившие названия «редукций» (исп. *Reducciones*, порт. *Reducoes*) и функционировавшие в соответствии с идеалом теократической модели⁷. Основной целью было сделать процесс христианизации индейцев более эффективным. Первоначально «редукции» были созданы в районах, населенных народами тупи-гуарани (территория современного Парагвая), а затем распространены на районы, соответствующие современным Аргентине, Бразилии, Боливии и Уругваю.

Важно отметить, что иезуитские «редукции» в этих регионах достаточно сильно отличались от подобных образований в других частях земного шара, поскольку ожидалось, что индейцы примут христианство, но не европейскую культуру. Под руководством иезуитов, действовавших через местных касиков, племенам, проживавшим на территориях редукций, удалось добиться высокого уровня автономии в рамках испанской и португальской колониальных империй⁸. Благодаря использованию труда индейцев они стали экономически достаточно успешными, что позволяло не только производить сельскохозяйственную продукцию и разводить скот для собственных нужд, но и продавать их во вне. Когда же их существованию стали угрожать набеги бандейрантских работорговцев, было создано индейское ополчение, которое эффективно боролось с колонистами. Интересно отметить, что и сегодня нет единого мнения по поводу реальной сущности иезуитских редукций: одни исследователи трактуют их как утопии в джунглях, другие - как теократические режимы террора⁹.

Священники-иезуиты не только основали ряд городов Бразилии, в том числе Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро, но и играли важную роль в защите индейцев от эксплуатации и насилия. Имена Антонио Руиса де Монтойя, Мануэля да Нобрега и Хосе де Анчиета до сих пор вспоминаются латиноамериканцами с глубоким уважением и благодарностью. Однако их деятельность вызвала крайне негативную реакцию у колониальных элит, стремившихся сохранить контроль над коренными народами как дешевой рабочей силой и природными ресурсами, по праву им принадлежав-

7 *Mayorga García F.* Los Indígenas y las Reducciones en el Periodo Hispánico. // URL: <https://www.revistacredencial.com/historia/temas/los-indigenas-y-las-reducciones-en-el-periodo-hispanico> (Дата обращения: 18.08.2025)

8 Во главе каждой редукции находился монах-кюре, который сосредотачивал в своих руках гражданскую, экономическую и военную власть. При этом сохраняли своё положение и вожди племён, с которыми заключали особые юридические договоры. После того, как в 1645 году Филипп III даровал редукциям иммунитет от судебного преследования светских властей, иезуитское государство стало обрести типичными атрибутами независимой страны, от армии до полицейских сил и даже больниц для бедных.

9 *Lippy Ch., Choquette R., Poole S.* Christianity. Cornes to the Americas, 1492-1776. New York: Paragon House, 1992. P. 98-100

шим. Соппротивление ордена иезуитов набегам работорговцев, а также их высокая степень автономии и экономический успех считаются основными причинами изгнания иезуитов из Америки в 1767 г.¹⁰

Оценивая роль, которую католическая церковь играла в отношении коренных народов, нельзя не вспомнить и о т.н. практике «энкомьенды» (*encomienda*), в соответствии с которой испанским колонизаторам предоставлялось законное право привлекать к принудительному труду индейскую молодежь, одновременно обеспечивая ее обращение в христианство. Оставаясь формально свободными, индейцы были обязаны платить оброк (золотом, одеждой, продовольствием и т. п.) энкомендерос или отбывать барщину на их рудниках и в имениях.

В начале XVIII века энкомьенда была официально отменена королевскими указами, однако в большей части испанских колоний Америки она сохранялась до начала XIX века.

В целом же, по мнению большинства исследователей, деятельность католической церкви была крайне противоречивой. С одной стороны, католические миссионеры были одними из первых, кто начал изучать языки коренных народов и способствовал мирному сосуществованию с ними испанских поселенцев в ряде районов. С другой стороны, они искореняли религиозные практики коренных народов даже насильственными методами (например, на Юкатане францисканцы наказывали и даже приговаривали к смертной казни тех майя, которые продолжали практиковать свои «языческие» культы)¹¹.

В XIX в., после обретения латиноамериканскими колониями Испании и Португалии независимости, Ватикан смог вернуть себе руководство католической миссионерской деятельностью, организацией которой стала заниматься созданная еще в 1622 г. папой Григорием V Священная конгрегация по распространению веры (*Congregatio de Propaganda Fide*)¹². Бросая вызов политике колонизаторов, папа Григорий XVI начал назначать своих собственных кандидатов в епископы, осудил рабство и работорговлю в папской булле 1839 г. «*In supremo apostolatus*» и одобрил рукоположение местного духовенства из числа коренных народов вопреки правительственному расизму¹³.

10 Dussel E. A History of the Church in Latin America: Colonialism to Liberation (1492-1979). Wm. B. Eerdmans Publishing: Grand Rapids, 1981. P. 52-53

11 O'Toole R. Religion, Society, and Culture in the Colonial Era / A Companion to Latin American History. Holloway Th. (ed.) Chichester and Malden: Wiley-Blackwell, 2011. P. 162-163.

12 Franzen A. A Concise History of the Church. New York: Herder and Herder, 1969. P. 84.

13 In Supremo Apostolatus. Apostolic Letter of Pope Gregory XVI on the Slave Trade. Promulgated on December 3, 1839. // URL: https://www.newadvent.org/library/docs_gr_16is.htm (Дата обращения: 20.07.2025)

С обретением испанскими колониями независимости, католическая церковь столкнулась с новой политической реальностью. Вступив в союз с новыми правящими элитами, она, в целом, смогла сохранить свое влияние в обществе и контроль над образованием и культурой. Однако появление либеральных идей и распространение протестантизма постепенно начали подрывать ее позиции в ситуации, когда именно антиклерикализм стал неотъемлемой чертой либерализма XIX в. в Латинской Америке.

Убеждение, что духовенство препятствует социальному прогрессу, в первую очередь, было связано с тем фактом, что католическая церковь была одним из главных землевладельцев в большинстве стран Латинской Америки, что в определенной степени усугубляло и без того присущий ей в политическом плане консерватизм. В результате в ряде случаев принимались и осуществлялись на практике решения о конфискации церковного имущества и изменении в сфере религиозных свобод (в целом, расширение прав некатоликов и католиков, не соблюдающих религиозные обряды, при одновременном лицензировании или запрете церковных институтов)¹⁴. В этих условиях католическая церковь вынуждена была ограничить свое влияние на коренные народы, главным образом, сферой образования и воспитания молодежи в духе христианства, нередко при этом используя методы прямого принуждения. Не случайно в 2023 г. папа Римский Франциск принесет коренным народам свои извинения за систематическое насилие, которому подвергались их дети в католических школах-интернатах¹⁵.

Коренные народы и теология освобождения

Новый этап во взаимоотношениях католической церкви и коренных народов Латинской Америки уже относится к периоду 1960-х гг. и связан с зарождением т.н. «теологии освобождения», в основе которой лежало стремление объединить христианскую веру с борьбой за социальную справедливость и освобождение бедных. Это движение, бросая вызов властным структурам и выступая за защиту прав человека и социальной справедливости, оказало глубокое влияние на латиноамериканскую церковь. Новая прогрессивная теология вдохновила многих священников и епископов на политическую защиту интересов бедных. Прогрессивный католический активизм способствовал свержению диктатур и облегчил переход латиноамериканских обществ к демократии. Такая транс-

¹⁴ Norman E., Barrett J. The Roman Catholic Church an Illustrated History. Berkeley: University of California Press, 2007. P. 167-172

¹⁵ Chappell B. The Vatican repudiates 'Doctrine of Discovery,' which was used to justify colonialism. // URL: <https://www.npr.org/2023/03/30/1167056438/vatican-doctrine-of-discovery-colonialism-indigenous> (Дата обращения: 24.09.2025)

формация католической церкви стала возможной благодаря сочетанию трех факторов. Во-первых, теология освобождения придала духовенству смелости поддерживать политические интересы бедных и создала идеологическую основу, побуждающую католиков-мирян объединяться для социальных перемен. Во-вторых, конкуренция со стороны новых протестантских религий стала для католического руководства стимулом поддерживать светские политические движения и создала возможность для участия в политической жизни через католическую церковь. Наконец, структурная децентрализация внутри католической церкви стимулировала перенос центра тяжести на развитие и поддержку низовых организаций - местных общин.

Несмотря на то, что можно установить линию преемственности в защите коренных народов: от деятельности доминиканца Лас Касаса до настоящего времени, именно после Второго Ватиканского собора (1962-1965 гг.) и второго синода Конференции латиноамериканских епископов (*II Conferencia General del Episcopado Latinoamericano*) в Медельине (1968 г.)¹⁶ защита наименее привилегированных слоев населения, к которым принадлежит и большинство представителей коренных народов, выходит на первый план.

В результате с 1970-х годов католическая церковь становится одним из главных союзников коренных народов. Епископальный совет Латинской Америки (*El Consejo Episcopal Latinoamericano, CELAM*) выступил организатором панамазонских конференций, на которых были сформулированы первые требования в отношении прав коренных народов и установлены контакты, необходимые для последующей институционализации индигенного движения. Аналогичную роль CELAM сыграл и в отношении установления связей между общинами коренных народов Анд. В качестве одного из наиболее важных примеров, иллюстрирующих деятельность католической церкви в данном направлении, следует, на наш взгляд, назвать Первый конгресс коренных народов, созванный епархией Сан-Кристобаль-де-Лас-Касас 13-15 октября 1974 года (в пятисотую годовщину со дня рождения брата Бартоломе де Лас Касаса). В ходе этого конгресса представители общин коренных народов на своих родных языках (чоли, цоциле, тоджолабале и цельтале) прокомментировали ситуацию с землей, торговлей, образованием и здравоохранением¹⁷.

16 II Conferencia General del Episcopado Latinoamericano Documentos Finales de Medellin. // URL: https://www.celam.org/documentos/Documento_Conclusivo_Medellin.pdf (Дата обращения: 15.10.2025)

17 Morales Bermudez J. El Congreso Indigena de Chiapas: un testimonio/Institute Chiapaneco de Cultura, Anuario 1991. P. 242-370.

Бразильские католические епископы внесли эффективный вклад в подготовку и организацию более 200 индигенных групп в период с 1971 по 1980 гг. Благодаря этим епископам, в 1971 г. была основана одна из групп, которая сделала больше всего для поощрения уважения к коренным народам бассейна Амазонки – Миссионерский совет коренных народов (*Conselho Indigenista Missionário, CIMI*)¹⁸. Именно CIMI, возглавляемый епископом Педро Касальдалигой (*Pedro Casaldáliga*), разработал руководящие принципы работы с коренными народами, которые представляли собой пересмотр традиционного миссионерского видения. Этими руководящими принципами были (1) защита земель индейцев, (2) изучение их языка, (3) поддержка их самоопределения, (4) работа с их сообществами и группами, (5) восстановление их коллективной памяти и культуры, (6) предоставление им надежды и (7) стимулирующие альянсы¹⁹.

Наряду с Бразилией и Мексикой столь же серьезную роль католическая церковь сыграла и в Эквадоре, где почти три четверти сельских индигенных организаций были созданы католической церковью, в том числе Федерация шуар (*Federación Interprovincial del Centro Shuar, FICSH*), основанная в 1964 г. католическими миссионерами, движение коренных народов Чимборасо (*Movimiento Indígena del Chimborazo, MICH*), поддерживаемое епископом Леонидасом Проано (*Leonidas Proano*), и Конфедерация народов национальности кичуа– дель-Эквадор (*Confederation de Pueblos de la Nacionalidad Kichwa del Ecuador, ECUARUNARI*).

Согласно различным источникам, присутствие католической церкви в Латинской Америке в 1980-х гг. включало 160 000 миссионеров, 47 % из которых были иностранцами и в основном проживали в районах проживания коренного населения²⁰. Таким образом, присутствие религиозных лидеров имело большое значение для развития этнических организаций и урегулирования конфликтов с государственными органами. Неудивительно, что важные круги экуменических конференций субконтинента участвовали в разработке организационных и идеологических основ кампании по празднованию пятого столетия завоевания в 1992 г.²¹.

Развитие католическим духовенством теологического дискурса, который по-новому оценивал значимость местных языков и культуры, а также пастырских стратегий, благоприятствовавших социальной организации общин коренных народов, было обусловлено появлением, впервые

18 Conselho Indigenista Missionário - CIMI. // URL: <https://cimi.org.br/o-cimi/> (Дата обращения: 17.10.2025)

19 Botasso J. (ed.) Las misiones salesianas en un continente que se transforma. Quito: Abya-Ayala, 1993. P. 195.

20 Cabra P.G. Los religiosos y la evangelization de America Latina. // Iglesia, Pueblo y Culturas 1994. № 32. P. 125.

21 Botasso J. (ed.) La iglesia y los indios: <500 anos de didlogo o de agresion? Quito: Abya-Ayala, 1990. P. 7.

в истории, своего рода религиозной конкуренции, повлекшей за собой проникновение протестантских церквей в мир коренных народов. Так, в 1970-х гг. Всемирный совет церквей (протестантская группа) поддерживал и финансировал поездки лидеров коренных народов из самых отдаленных общин в джунглях на региональные встречи, особенно в Бразилии. Столкнувшись с этой угрозой своей религиозной монополии, католическая церковь организовала базовые церковные общины и кооперативы и способствовала появлению тех, кто позже стал их лидерами²².

XXI век: католическая церковь в процессе трансформации

В XXI в. католическая церковь в Латинской Америке столкнулась с новыми вызовами, такими как секуляризация общества, распространение других религий, кризис ценностей и социальное неравенство. Соответственно, настоятельной необходимостью стал поиск новых способов сохранять свою актуальность в обществе, реагировать на потребности людей и быть символом надежды и перемен во все более сложной обстановке.

Пятая Генеральная конференция епископов Латинской Америки и Карибского бассейна состоялась в Апаресиде, Бразилия, в 2007 г.²³. В заключительном документе подчеркивалось признание коренных и афроамериканских народов в качестве новых социальных субъектов, что требует признания их индивидуальных и коллективных прав в католицизме. В связи с этим особо подчеркивалась важность принятия решений и действий, которые отвергают «колониалистский стиль евангелизации».

В 2013 г. произошло событие, которое оказало огромное влияние на дальнейшее развитие отношений между католической церковью и коренными народами: папой Римским был избран аргентинский религиозный деятель, кардинал, архиепископ Буэнос-Айреса и примас Аргентины Хорхе Марио Бергольо (*Jorge Mario Bergoglio*). Папа Франциск стал первым в истории главой католической церкви из Нового Света и первым папой-иезуитом. Такой выбор, конечно, был не случайным. Помимо личностных качеств нового папа, кардиналы не могли не учитывать тот факт, что в настоящее время большая доля католического населения мира (более 40%) проживает в Латинской Америке. Его избрание породило новые ожидания и возродило интерес к католицизму в регионе, тем более что Франциск постоянно подчеркивает важность социальной справедливости, борьбы с бедностью и защиты прав человека, вопросов, которые за-

22 *Le Bot Y. Guerra en tierras mayas. Mexico City: FCE, 1996. P.296.*

23 *V Conferencia General del Episcopado Latinoamericano y del Caribe. Documento Conclusivo. // URL: <https://celam.org/wp-content/uploads/2021/07/5-conferencia-general-aparecida.pdf> (Дата обращения: 17.10.2025)*

нимают центральное место в повестке дня латиноамериканской церкви.

Летом 2015 г. Папа Римский Франциск провел неделю, посещая Эквадор, Боливию и Парагвай, где коренные народы борются за защиту своих земель и природных ресурсов от правительств и корпораций, намеренных навязать им крупномасштабные проекты развития. В исторической речи на «Всемирной встрече народных движений»²⁴ в Санта-Крус (Боливия), в которой приняли участие многие коренные народы, он попросил у них прощения за многочисленные преступления, совершенные католической церковью во время «так называемого завоевания»: «Я хочу сказать вам, и я хочу быть предельно ясным: я смиренно прошу у вас прощения не только за преступления, совершенные самой Церковью, но и за преступления, совершенные против коренных народов во время так называемого завоевания Америки». Он также сказал о своей «глубокой привязанности и признательности» движению коренных народов Латинской Америки за «стремление к мультикультурализму, который сочетает в себе защиту прав коренных народов с уважением территориальной целостности государств ... [что] является для всех нас источником обогащения и поощрения».

В настоящее время одним из центральных направлений деятельности католической церкви в Латинской Америке является координация усилий по содействию устойчивому развитию региона Амазонки путем поддержки всестороннего развития человеческого потенциала его жителей, особенно коренных народов, и поощрением ответственного отношения к окружающей среде. Ключевую роль в этом играет Панамазонская епископальная сеть (*Rede Eclesial Pan-Amazonica, REPAM*) - сеть католических церквей, которая защищает права и достоинство людей, живущих в бассейне Амазонки²⁵. Организация была создана в 2014 году в ответ на серьезную обеспокоенность по поводу «глубоких ран, которые несут Амазония и ее народы». В нее входят девять стран, расположенных в биоме Амазонии, а именно: Боливии, Бразилии, Колумбии, Эквадора, Гайаны, Французская Гвиана, Перу, Суринама и Венесуэлы. При этом, к примеру, REPAM - Боливия, имеет 9 церковных юрисдикций: епархии Короико и Сан-Игнасио-де-Веласко, викариатство Пандо, Бени, Нуфло-де-Чавес, Рейес, прелатуру Акиле, архиепархии Кочабамбы и Санта-Круса в департаментах Ла-Пас, Санта-Крус, Бени и Пандо. В каждой юрисдикции есть

24 Pope apologizes for Catholic church's crimes against Indigenous peoples. July 15, 2015. // URL: <https://www.survivalinternational.org/news/10845> (Дата обращения: 21.08.2025)

25 Amazonia: New Paths for the Church and for an Integral Ecology. // URL: <http://secretariat.synod.va/content/sinodoamazonico/en/the-pan-amazonian-region/repam.html> (Дата обращения: 20.08.2025)

представитель, назначаемый епископом²⁶.

Основными направлениями деятельности REPAМ являются следующие:

1. Предоставление лидерам коренных народов возможности быть услышанными на мировой арене: так, например, в апреле 2018 г. лидеры индигенных общин выступили в ООН с докладом о нарушениях прав человека и разрушении окружающей среды в Перу и Бразилии.

2. Создание и функционирование Школы по продвижению прав для обучения лидеров общин и пастырских работников по вопросам прав человека и защите окружающей среды.

3. Помощь в делах по защите прав человека. Так, REPAМ принимает активное участие в работе Межамериканской комиссии по правам человека (*Inter-American Commission on Human Rights - IACHR*)²⁷.

4. Поддержание диалога между католической церковью и общинами коренных народов, в первую очередь теми, которые живут в труднодоступных регионах.

5. Защита 137 «бесконтактных племен» Амазонии и подтверждение их права жить в мире и спокойствии.

6. Участие в составлении и уточнении географических карт Амазонии.

7. Информационная поддержка, в частности, радиопрограммы, распространяющие послания энциклики «*Laudato Si*» и других документов католической церкви, касающихся коренных народов Амазонки.

В целом, REPAМ существует для того, чтобы привлечь внимание всего мира к хрупкому положению коренных народов Амазонии и критическому значению биома Амазонки для планеты - нашего общего дома. В этом плане весьма показательны слова Маурисио Лопес Оропеза, исполнительного секретаря REPAМ и Каритас Эквадор, подчеркивающего, что «коренные народы и общины Амазонии ... наряду с их ценностями, формирующими идентичность, и священным мировоззрением, превращают их в хранителей природы и ее ресурсов. В них можно найти мудрость и видение подлинного развития, направленного на улучшение качества человеческой жизни в целом»²⁸.

Важным решением стало и создание в 2019 г. Экклезиальной конференции Амазонии (*Conferência Eclesial da Amazônia, CEAMA*)²⁹, которая

26 Redes Nacionais. Bolívia. // URL: <https://www.repam.net/pt/redes-nacionais/> (Дата обращения: 05.09.2025)

27 Rapporteurship on the Rights of Indigenous Peoples. // URL: <https://www.oas.org/en/iachr/jsForm/?File=/en/iachr/r/DPI/default.asp> (Дата обращения: 05.09.2025)

28 Work of the Catholic Church in Protecting and Caring for Indigenous Peoples. // URL: <https://holyseemission.org/contents//events/590fbc619dc16.php> (Дата обращения: 14.07.2025)

29 Conferencia Eclesial da Amazonia. // URL: <https://ceama.digital/> (Дата обращения: 17.07.2025)

была официально признана.

Ватиканом в качестве юридического лица. Ее уникальность заключается в том, что она носит общецерковный характер, включая все католические общины, а не только епископов.

В июне 2024 г. на встрече с кардиналом Педро Баррето (*Pedro Barreto*), президентом СЕАМА Папа Франциск поблагодарил за работу, которую Церковь проводит по всему биому Амазонки, и призвал продолжать ее, в том числе и потому, что «синодальный опыт на Амазонке является образцом того, какой может быть жизнь во Вселенской Церкви»³⁰.

Несмотря на значительную работу, которую проводит католическая церковь по поддержке коренных народов Латинской Америки, говорить о полной гармонизации их отношений все-таки представляется несколько преждевременным. И здесь главную роль, на наш взгляд, играет проблема исторической памяти. Приведем лишь один пример.

В 2019 г. новоизбранный президент Мексики Андрес Мануэль Лопес Обрадор (*Andrés Manuel López Obrador* - также известный как *AMLO*) направил открытое письмо Папе римскому Франциску и королю Испании Фелипе VI³¹. В письме он просил адресатов принести извинения за преступления, совершенные против коренного населения Мексики во время испанского завоевания. В то время письма не получили ответа ни из королевского дворца, ни из Ватикана. Однако в 2020 г. AMLO вновь обратилась с просьбой, заявив, что извинения были бы ключевым шагом в «достижении примирения». Ответ был получен от папы Франциска в виде письма, адресованного Конференции епископов Мексики в сентябре 2021 г. И хотя в письме напрямую не было упомянуто ни о Конкисте, возглавляемой испанцами, ни о последовавшем за ней процессе евангелизации, в нем содержался призыв к «признанию ошибок, совершенных в прошлом, которые были очень болезненными».

В конце ноября 2021 года в Мексике прошла Шестая Церковная ассамблея Латинской Америки и Карибского бассейна³², которая определила курс церкви в регионе на пути к знаменательным событиям в ближайшие годы, включая празднование в 2031 г. 500-летия явления Девы Марии святому Хуану Диего, представителю коренного народа чичимека, на

30 Pacheco J. New Paths: Pope meets with church officials from Amazon. // URL: <https://www.vaticannews.va/en/pope/news/2024-06/new-paths-for-the-church-pope-meets-with-ceama-and-repam.html> (Дата обращения: 03.09.2025)

31 The Catholic Church, Spain, and abuse against the Indigenous peoples of the Americas. // URL: https://europeanacademyofreligionandsociety.com/news/the-catholic-church-spain-and-abuse-against-the-indigenous-peoples-of-the-americas/#_ftn3 (Дата обращения: 14.07.2025)

32 Closing assembly, Latin American church leaders call for inclusive church. // URL: <https://www.ncronline.org/news/closing-assembly-latin-american-church-leaders-call-inclusive-church> (Дата обращения: 28.09.2025)

территории нынешнего Мехико.

Идеологической основой принятых решений стала работа Папы Франциска «Laudato Si», посвященная заботе о нашем общем доме, и результаты Синода епископов Амазонии в 2019 г., базировавшиеся на консультациях и выступлениях представителей коренных народов региона.

В целом, в центре общих дискуссий находился достаточно широкий спектр вопросов, начиная от двуязычного образования и заканчивая новыми формами евангелизации, а также растущими экономическими, политическими и социальными угрозами, с которыми сталкиваются общины коренных народов в своих странах.

В 2023 г. после визита в Канаду папа Римский выразил «глубокие сожаления» коренным народам Америки, еще раз открыто подтвердив неприятие католической церковью менталитета колонизаторов³³. «На протяжении всей истории, - говорится в документе, - папы осуждали акты насилия, угнетения, социальной несправедливости и рабства, в том числе те, которые совершались в отношении коренных народов». Приводя многочисленные примеры епископов, священников, женщин и мужчин, верующих и мирян, которые отдали свои жизни в защиту достоинства этих народов, папа вынужден в то же время признать, что «многие христиане совершили злодеяния против коренных народов, за которые недавние папы неоднократно просили прощения». Особую ценность имеет заявление о том, что в последнее время «солидарность Церкви с коренными народами привела к тому, что Святой Престол решительно поддержал принципы, содержащиеся в Декларации Организации Объединенных Наций о правах коренных народов» и признание того, что «реализация этих принципов улучшила бы условия жизни и помогла бы защитить права коренных народов, а также способствовала бы их развитию таким образом, чтобы уважались их самобытность, язык и культура».

Заключение

Католическая церковь Латинской Америки, той части мира, где большинство граждан относит себя к католикам, оказывает большое влияние на гражданское общество, в значительной степени формируя общественное мнение и оказывая как прямое, так и косвенное воздействие на процесс принятия политических решений.

За долгие столетия, прошедшие со времени завоевания испанцами и

33 Pope says he is 'deeply sorry' to Indigenous Peoples in Canada. // URL: <https://www.vaticannews.va/en/vatican-city/news/2023-03/vatican-formally-repudiates-doctrine-of-discovery.html> (Дата обращения: 24.07.2025)

португальцами Центральной и Южной Америки, католическая церковь, изначально выступая в роли одного из самых жестоких врагов коренных народов, со временем превратилась в последовательного защитника их прав. Такая трансформация ее идеологии и политики происходила под влиянием как внутренних, так и внешних факторов. Долгое время, как справедливо отмечает профессор социологии Университета Сантьяго (Чили) Кристиан Паркер (*Cristian Parker*), «церковь придерживалась позиции, которую на протяжении многих лет можно было охарактеризовать как колебание между патернализмом и колониализмом»³⁴. Она узаконила испанское колониальное правление и встала на сторону традиционалистских элит после обретения Латинской Америкой независимости.

Однако, начиная с середины XX в., отношение к дискриминируемым и наиболее уязвимым в социальном плане группам претерпело существенное изменение. Протестантская конкуренция в традиционных оплотах римско-католической церкви в регионах проживания коренных народов стала мощным стимулом для поиска новых путей взаимодействия католического духовенства с прихожанами-индейцами, потребовавшими своего рода нового «религиозного договора», согласно которому католические власти впервые в истории служили бы их интересам. Стремясь продемонстрировать долгосрочную приверженность делу индейцев, католические власти стали главными проводниками экономического сотрудничества, социальных движений и идеологических основ, которые помогли индейцам организовать протестные движения за перераспределение материальных ресурсов и этнокультурные права.

В первые десятилетия XXI в., особенно с избранием папы Франциска проблема коренных народов стала одной из центральных тем современного церковного дискурса. Как было подчеркнуто в подготовительном документе к ноябрьской встрече епископов Латинской Америки в 2021 г., цитирующем апостольское обращение Папы Франциска после синода в Амазонии, коренные народы, выходцы из Африки и крестьяне «являются нашими основными партнерами по диалогу, теми, у кого нам есть чему поучиться... Их слова, их надежды и страхи должны быть самым авторитетным голосом за любым столом переговоров, касающихся их соответствующих территорий»³⁵. И не случайно Виктория

34 Parker C. Religion and the Awakening of Indigenous People in Latin America // *Social Compass*. March 2002. № 49 (1). P.71.

35 Chauvin L. Latin American bishops' assembly to learn from Indigenous communal work. // URL: <https://www.ncronline.org/news/latin-american-bishops-assembly-learn-indigenous-communal-work> (Дата обращения: 20.08.2025)

Таули-Корпус (*Victoria Tauli-Corpus*), специальный докладчик по правам коренных народов, сказала, что продвижение Церковью социальной справедливости имеет решающее значение для оказания помощи коренным народам в защите земель и ресурсов. Она выразила благодарность Папе Франциску за его приверженность общинам коренных народов³⁶.

Новый Папа Лев XIV продолжает политику своего предшественника. Это вполне объяснимо, учитывая долгие годы его служения в качестве приходского священника, а позднее и епископа в Перу. В октябре 2025 года в своем послании он призвал коренные народы простить католическую церковь, признав как “свет, так и раны” в истории евангелизации их народов³⁷.

Однако, в целом, на наш взгляд, не следует идеализировать то, что сегодня делает католическая церковь в Латинской Америке. Во-первых, иерархи католической церкви, проводя подобную политику, успешно вписываются в господствующий в современном мире политический дискурс поддержки всего «индигенного» и «экологического». В ситуации общего падения интереса к религии, стремления иных конфессий закрепиться в Латинской Америке - это становится жизненно необходимым. Во-вторых, такие изменения приветствуются не всеми священнослужителями, часть которых считает более важным поддерживать хорошие отношения, в первую очередь, с правящими элитами, интересы которых, чаще всего, не совпадают с интересами коренных народов. Несмотря на то, что практически все политические силы региона заявляют о необходимости выстраивания диалога с индейскими общинами, в реальности сохраняются серьезные противоречия между правительствами, бизнесом и коренными народами, особенно по вопросам, касающимся собственности на землю и природные ресурсы. Наконец, на практике (а не на словах) переход от патерналистского отношения к коренным народам к равному партнерству с ними еще далек от завершения.

Однако не стоит и преуменьшать ту роль, которую католическая церковь играет в защите прав коренных народов Латинской Америки, привлечения внимания мировой общественности к их проблемам. И в этом плане можно только приветствовать следующий принцип: «Голос народа должен быть услышан, и церковь не собирается подменять этот голос, но поможет направить его так, чтобы он был услышан повсюду».

36 Work of the Catholic Church in Protecting and Caring for Indigenous Peoples. // URL: <https://holyseemission.org/contents//events/590fbc619dc16.php> (Дата обращения: 14.07.2025)

37 Message of the Holy Father Leo XIV on the occasion of the Jubilee of Indigenous Peoples, 16.10.2025. // URL: <https://press.vatican.va/content/salastampa/en/bollettino/pubblico/2025/10/16/251016a.html> (Дата обращения: 20.11.2025)

Список литературы / Bibliography

1. Amazonia: New Paths for the Church and for an Integral Ecology. // URL: <http://secretariat.synod.va/content/sinodoamazonico/en/the-pan-amazonian-region/repam.html> (Дата обращения: 20.08.2025)
2. Botasso J. (ed.) *La iglesia y los indios: <500 anos de dialogo o de agresion?* Quito: Abya-Ayala, 1990. 154 p.
3. Botasso J. (ed.) *Las misiones salesianas en un continente que se transforma.* Quito: Abya-Ayala, 1993. 252 p.
4. Cabra P. G. *Los religiosos y la evangelization de America Latina.* // Iglesia, Pueblo y Culturas 1994. N.32. pp. 115-135.
5. Chappell B. *The Vatican repudiates 'Doctrine of Discovery,' which was used to justify colonialism.* // URL: <https://www.npr.org/2023/03/30/1167056438/vatican-doctrine-of-discovery-colonialism-indigenous> (Дата обращения: 24.09.2025)
6. Chauvin L. *Latin American bishops' assembly to learn from Indigenous communal work.* // URL: <https://www.ncronline.org/news/latin-american-bishops-assembly-learn-indigenous-communal-work> (Дата обращения: 20.08.2025)
7. *Closing assembly, Latin American church leaders call for inclusive church.* // URL: <https://www.ncronline.org/news/closing-assembly-latin-american-church-leaders-call-inclusive-church> (Дата обращения: 28.09.2025)
8. *Conferencia Eclesial da Amazonia.* // URL: <https://ceama.digital/> (Дата обращения: 17.07.2025)
9. *Conselho Indigenista Missionário - CIMI.* // URL: <https://cimi.org.br/o-cimi/> (Дата обращения: 17.10.2025)
10. de Las Casas B. *Brevísima relación de la destrucción de las Indias.* CreateSpace Independent Publishing Platform, 2015. 70 p
11. de Las Casas B. *De thesauris in Peru.* Madrid: Alianza Editorial, 2007. 569 p.
12. Dussel E. *A History of the Church in Latin America: Colonialism to Liberation (1492-1979).* Wm. B. Eerdmans Publishing: Grand Rapids, 1981. 348 p.
13. Franzen A. *A Concise History of the Church.* New York: Herder and Herder, 1969. 462 p.
14. *II Conferencia General del Episcopado Latinoamericano Documentos Finales de Medellin.* // URL: https://www.celam.org/documentos/Documento_Conclusivo_Medellin.pdf (Дата обращения: 15.10.2025)
15. *In Supremo Apostolatus. Apostolic Letter of Pope Gregory XVI on the Slave Trade. Promulgated on December 3, 1839.* // URL: https://www.newadvent.org/library/docs_gr16is.htm (Дата обращения: 20.07.2025)
16. Le Bot Y. *Guerra en tierras mayas.* Mexico City: FCE, 1996. 327 p.
17. Lippy Ch., Choquette, R., Poole, S. *Christianity. Cornes to the Americas, 1492-1776.* New York: Paragon House, 1992. 400p.
18. Mayorga García F. *Los Indígenas y las Reducciones en el Periodo Hispánico.* // URL: <https://www.revistacredencial.com/historia/temas/los-indigenas-y-las-reducciones-en-el-periodo-hispanico> (Дата обращения: 18.08.2025)
19. *Message of the Holy Father Leo XIV on the occasion of the Jubilee of Indigenous Peoples, 16.10.2025.* // URL: <https://press.vatican.va/content/salastampa/en/bollettino/pubblico/2025/10/16/251016a.html> (Дата обращения: 20.11.2025)
20. Morales Bermudez J. *El Congreso Indígena de Chiapas: un testimonio/Institute Chiapaneco de Cultura, Anuario 1991.* P. 242-370.
21. Norman E., Barrett J. *The Roman Catholic Church an Illustrated History.* Berkeley: University of California Press, 2007. 192 p.
22. O'Toole R. *Religion, Society, and Culture in the Colonial Era / A Companion to Latin American History.* Holloway Th. (ed.) Chichester and Malden: Wiley-Blackwell, 2011. pp. 162-77.
23. Pacheco J. *New Paths: Pope meets with church officials from Amazon.* // URL: <https://www.vaticannews.va/en/pope/news/2024-06/new-paths-for-the-church-pope-meets-with-ceama-and-repam.html> (Дата обращения: 03.09.2025)
24. Parker C. *Religion and the Awakening of Indigenous People in Latin America //Social Compass.* March 2002. №49 (1) pp. 67-81.
25. *Pope apologizes for Catholic church's crimes against Indigenous peoples.* July 15, 2015. // URL: <https://www.survivalinternational.org/news/10845> (Дата обращения: 21.08.2025)
26. *Pope says he is 'deeply sorry' to Indigenous Peoples in Canada.* // URL: <https://www.vaticannews.va/en/vatican-city/news/2023-03/vatican-formally-repudiates-doctrine-of-discovery.html> (Дата обращения: 24.07.2025)
27. *Rapporteurship on the Rights of Indigenous Peoples.* // URL: <https://www.oas.org/en/iachr/jsForm/?File=/en/iachr/r/DPI/default.asp> (Дата обращения: 05.09.2025)
28. *Redes Nacionais. Bolivia.* // URL: <https://www.repam.net/pt/redes-nacionais/> (Дата обращения: 05.09.2025)
29. *Sublimis Deus. On the Enslavement and Evangelization of Indians.* Pope Paul III 1537. // URL: <https://www.papacyclicals.net/paul03/p3sубли.htm> (Дата обращения: 20.07.2025)
30. *The Catholic Church, Spain, and abuse against the Indigenous peoples of the Americas.* // URL: https://europa-academyofreligionandsociety.com/news/the-catholic-church-spain-and-abuse-against-the-indigenous-peoples-of-the-americas/#_ftn3 (Дата обращения: 14.07.2025)
31. *V Conferencia General del Episcopado Latinoamericano y del Caribe. Documento Conclusivo.* // URL: <https://celam.org/wp-content/uploads/2021/07/5-conferencia-general-aparecida.pdf> (Дата обращения: 17.10.2025)
32. *Work of the Catholic Church in Protecting and Caring for Indigenous Peoples.* // URL: <https://holysemission.org/contents/events/590fb619dc16.php> (Дата обращения: 14.07.2025)

Найдёнова А.О.

*Аспирант кафедры теории и истории
международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук.
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.*

Сравнительный анализ французских и американских аналитических центров: институциональное развитие, финансовые модели и политическое влияние

Теоретико-методологическая база исследования

Для того, чтобы выявить различия ключевых характеристик французских и американских аналитических центров, предлагаем обратиться к институциональному подходу, который позволяет изучать think tanks как социально-политические институты, функционирующие в рамках национальных политических систем с учетом исторического контекста, политических традиций и норм. Институциональный анализ помогает выявить причины возникновения, развитие, организационные особенности и степень вовлеченности аналитических центров в политику во Франции и США, рассматривая их через призму взаимодействия с государством и обществом.

Используемый в исследовании сравнительно-исторический метод, направлен на выявление различий и сходств в эволюции think tanks на основе анализа исторических условий формирования, а также политико-экономических факторов влияния в двух странах. Данный метод позволяет проследить, как исторические особенности развития государственных институтов и гражданского общества формировали разные модели аналитических центров. Кроме того, используется категориальный анализ, включая типологию аналитических центров, основанную на зарубежных и российских научных классификациях. Классическая типология выделяет три основные поколения и типа мозговых центров: а) центры фундаментальных исследований (акцент на академических исследованиях и фундаментальной науке); б) контрактные исследовательские организации (ориентация на прикладные проекты и госзаказы); в) центры адвокации (advocacy tanks), которые активно участвуют в формировании и

лоббировании политических идей и решений. Данная типология позволяет дифференцировать функцию и роль различных think tanks внутри каждой исследуемой страны и сравнить их.

С целью эффективного анализа источников финансирования и организационной структуры используется теоретико-эмпирический подход, сочетающий сбор количественных данных и качественное исследование механизмов взаимодействия с государственными и частными донорами. Внимание уделяется прозрачности финансирования, его влиянию на независимость аналитических центров и степени их политической ангажированности.

Влияние think tanks на процесс принятия политических решений рассматривается через призму теории политики и лоббизма, включая новые подходы к изучению пространства политического влияния, механизмов коммуникации и ролей экспертизы в формировании властных решений. Это включает в себя изучение каналов передачи знаний и экспертных рекомендаций, ротацию кадров между аналитическими центрами и правительством («вращающиеся двери»), а также влияние на законодательную и исполнительную ветви власти.

Актуальным является вопрос, каким образом исторические, институциональные и финансовые особенности влияют на эффективность и политическую ангажированность аналитических центров в двух ведущих демократических странах с разными политическими традициями. Проблематика актуальна в свете растущего значения think tanks в процессе принятия решений на государственном уровне как во внутренней, так и во внешней политике, а также в условиях изменений в глобальной политической среде и финансовых моделях [11]. Очевидно, что исторические корни и институциональная среда формируют стратегические ориентиры и возможности мозговых центров, а финансовые модели оказывают непосредственное влияние на их способность эффективно влиять на политику и степень вовлеченности в процесс принятия решений на государственном уровне. Это позволяет понять, почему американские аналитические центры часто выступают инициаторами политических изменений и законодательных инициатив, а французские центры в большей мере функционируют как экспертные помощники сдержанного характера. Эта комплексная картина дает глубокое понимание взаимосвязи структурных факторов и эффективности аналитических институтов в разных политических системах.

Особенности формирования think tanks Франции и США

Исторические предпосылки формирования аналитических центров во Франции и Соединенных Штатах Америки коренятся в различных социально-политических традициях и институциональных особенностях политических систем обеих стран. Французская традиция think tanks восходит к интеллектуальным салонам XVIII века и академическим кружкам, однако современные аналитические центры начали формироваться значительно позднее американских аналогов [15]. Центральной фигурой в создании французской модели стал Тьерри де Монбриаль, который в 1973 году возглавил Центр анализа и прогнозирования (САР) при Министерстве иностранных дел под руководством Мишеля Жобера [13], а в 1979 году основал Французский институт международных отношений (IFRI) по образцу американских исследовательских институтов. Создание IFRI стало поворотным моментом в институционализации французских think tanks, поскольку институт был основан на базе существовавшего с 1935 года Центра изучения внешней политики [8, с. 28].

Американская традиция аналитических центров имеет более глубокие исторические корни и связана с развитием гражданского общества и филантропической культуры. Истоки американских think tanks восходят к началу XX века, когда были созданы первые крупные исследовательские институты: Фонд Карнеги за международный мир (1910), Институт Брукингса (1916) и Совет по международным отношениям (1921) [1]. Эти институты возникли в контексте растущей потребности в экспертном анализе международных отношений после Первой мировой войны и отражали американскую веру в возможность рационального решения сложных политических проблем через научный анализ. Термин «мозговой трест» (brain trust) впервые появился в американском политическом лексиконе в 1903 году, а концепция think tank как «фабрики мыслей» получила широкое распространение в середине XX века.

Приведенный выше график, отражающий рост количества аналитических центров (think tanks) во Франции и в Соединённых Штатах Америки с 1970 по 2023 год, демонстрирует кардинальные различия в масштабах и темпах развития двух систем. Во Франции развитие сектора think tanks началось относительно поздно – с 1970-х годов, и рост числа аналитических центров был постепенным, с акцентом на качественное формирование институтов. Согласно данным глобального ка-

талога think tanks, в настоящее время в мире насчитывается более 6500 [14, с. 128], к 2022 году во Франции насчитывается около 101 активного аналитического центра, большая часть из которых, 82 центра, базируется в Париже. Большинство французских аналитических центров были созданы в период между 2000 и 2009 годами, что отражает относительно позднюю институционализацию этого сектора во французской политической системе.

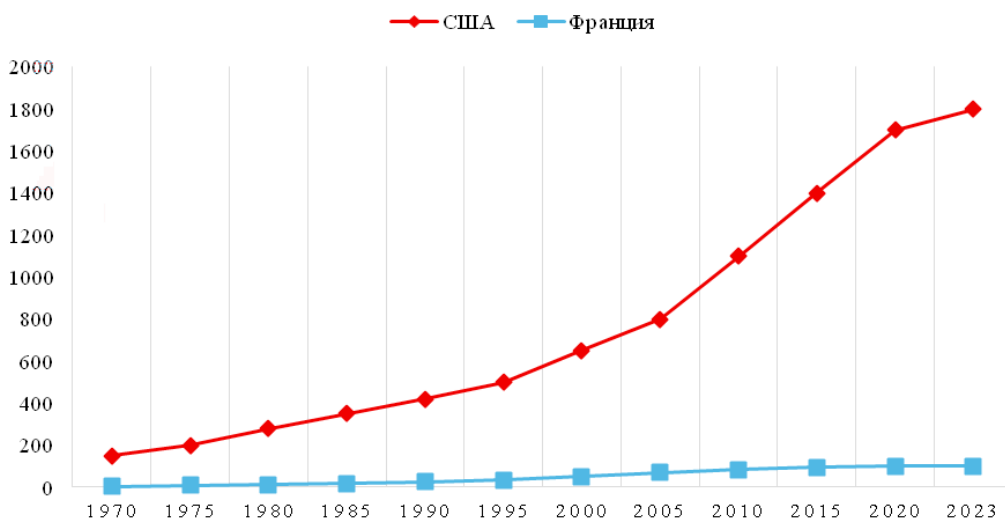
В США же с 1970-х годов происходит экспоненциальный рост количества think tanks, начиная примерно с 150 центров и достигнув около 1815 к 2023 году. Это отражает как более долгую и разноплановую традицию этих институтов, так и более разветвлённую систему и большую потребность в экспертной политической поддержке в американской политической культуре [12, с. 36].

Организационные модели и особенности финансирования think tanks во Франции и США

Структурные особенности французских аналитических центров отражают специфику французской административно-политической культу-

График 1.

Рост числа think tanks в США и Франции

Источник: составлено автором на основании данных 2012 Global Go to Think Tanks Report and Policy Advice [14, с. 4].

ры. Французская экосистема политических исследований преимущественно публично финансируется, а политическая и административная культура страны сформировала государственные органы для предоставления консультаций и экспертных заключений лицам, принимающим решения. Во Франции существуют два основных типа think tanks: политически ориентированные центры, которые обычно имеют прямой доступ к политическим деятелям, и академически ориентированные центры с ограниченным влиянием на политику. К первой категории относятся такие институты, как Institut Montaigne (центристско-правый) и Terra Nova (центристско-левый), а также политически аффилированные фонды, такие как Fondation Jean Jaurès (Социалистическая партия) и Fondation Gabriel Péri (Коммунистическая партия). Тридцать два процента французских think tanks имеют штат до 10 сотрудников, что отражает их относительно небольшой масштаб по сравнению с американскими аналогами [9, с. 3].

Американские аналитические центры характеризуются значительно большим разнообразием организационных форм, масштабов деятельности и специализации. Крупнейшие американские think tanks, такие как Институт Брукингса, имеют чистые активы более 500 млн долларов и штат в несколько сотен сотрудников. Американская модель предполагает чёткую специализацию институтов по отраслевому, идеологическому или региональному принципу, что позволяет им глубоко проникать в конкретные области политики. Такие центры, как RAND Corporation, Heritage Foundation, American Enterprise Institute и Center for Strategic and International Studies, стали влиятельными игроками в формировании американской внутренней и внешней политики. Американские think tanks инвестируют около 5% своего бюджета в фандрайзинг, 20% в администрирование и 75% в программную деятельность, что отражает их профессиональный подход к управлению ресурсами [18].

Таблица 1 отражает динамику финансирования аналитических центров во Франции и США с 2000 по 2023 год. Основываясь на данных, можно прийти к выводу, что за этот период французское финансирование постоянно росло с 25 млн долларов в 2000 году до примерно 120 млн долларов в 2023 году, что отражает постепенное укрепление и диверсификацию источников финансирования, включая растущее участие частного сектора и программ Европейского союза. В то же время финансирование американских think tanks значительно превышает французские показатели как по масштабам, так и по темпам роста – с

примерно 1.2 млрд долларов в 2000 году до 5.2 млрд долларов в 2023 году. Это подтверждает масштаб и уровень влияния американских аналитических центров, которые функционируют с широкой поддержкой как частных, так и государственных доноров, включая оборонные контракты и зарубежное финансирование.

Таблица 1. Динамика финансирования аналитических центров во Франции (млн \$) и США (млрд \$) с 2000 по 2023 год.

Год	Франция, млн \$	США, млрд \$
2000	25	1.2
2005	40	1.8
2010	65	2.5
2015	85	3.2
2019	110	4.1
2020	95	3.8
2021	100	4.3
2022	115	4.8
2023	120	5.2

Источник: составлено автором на основании данных Quincy Institute for Responsible Statecraft [10, с. 25].

Модели финансирования французских и американских аналитических центров кардинально различаются и отражают особенности политических систем и традиций гражданского общества, которые сформировались в обеих странах. Французские think tanks преимущественно полагаются на государственное финансирование, при этом основными источниками являются центральное правительство, министерства, Европейский союз, частный сектор, членские взносы и частные фонды [9, с. 8]. Частный сектор финансирует 51,48% французских think tanks, члены организаций обеспечивают 39,60% финансирования, а индивидуальные доноры – 37,60%. Важную роль играет финансирование из аппарата премьер-министра («Матиньон»), который предоставляет дискреционную часть своего бюджета различным французским ассоциациям с минимальной прозрачностью, что делает французскую систему клиенте-

листной. IFRI получает около 27% своего бюджета от государственных фондов и 16% от компаний и членских взносов, при этом финансирование ЕС составляет до 6%. Institut Montaigne финансируется преимущественно спонсорами из бизнеса, в то время как Terra Nova получает поддержку от политических партий и частного сектора [15].

Американская модель финансирования think tanks характеризуется значительно большей диверсификацией источников и масштабами поступлений. Правительство США непосредственно предоставило американским аналитическим центрам не менее 1,49 млрд долларов с 2019 года, при этом подавляющая часть этого финансирования (1,4 млрд долларов) была направлена RAND Corporation, которая работает непосредственно на правительство США. Топ-100 оборонных компаний внесли более 34,7 млн долларов в ведущие 50 американских think tanks за период 2019-2023 годов, при этом крупнейшими донорами стали Northrop Grumman (5,6 млн долларов), Lockheed Martin (2,6 млн долларов) и Mitsubishi (2,1 млн долларов). Иностранные правительства и связанные с ними структуры пожертвовали более 110 млн долларов 50 ведущим американским think tanks за последние пять лет, при этом крупнейшими донорами стали Объединенные Арабские Эмираты (16,7 млн долларов), Великобритания (15,5 млн долларов) и Катар (9,1 млн долларов) [10, с. 2].

Прозрачность финансирования представляет серьезную проблему в обеих странах, но особенно остро стоит в Соединенных Штатах. Согласно исследованию Quincy Institute [10, с. 2], только 9 из 50 ведущих американских think tanks (18%) являются полностью прозрачными в отношении своего финансирования, 23 института (46%) частично прозрачны, а 18 центров (36%) представляют собой «темные деньги» think tanks, полностью непрозрачные в отношении своих доноров. По американскому законодательству think tanks не обязаны раскрывать информацию о своем финансировании, что создает потенциальные конфликты интересов и ставит под сомнение независимость их исследований. Во Франции уровень прозрачности в целом выше, но нормативная база остается слабой, а система финансирования через аппарат премьер-министра характеризуется недостатком транспарентности.

Роль французских и американских аналитических центров в процессе принятия политических решений

Влияние аналитических центров на процесс принятия политических

решений демонстрирует кардинальные различия между французской и американской моделями. Французские think tanks традиционно играют вспомогательную роль в политическом процессе, особенно в сфере внешней политики, стратегического прогнозирования и экспертных обсуждений. Их вовлеченность в непосредственное производство политических решений остается ограниченной, хотя их влияние постепенно возрастает, особенно в кругах президентских элит. Показательным примером является связь президента Эммануэля Макрона с центристско-левым «мозговым центром» Terra Nova, несколько советников из которого вошли в его администрацию. Аналитический центр CERI при Sciences Po и IFRI являются ключевыми экспертами по вопросам внешней политики, стратегических вопросов и международной безопасности, оказывающими наибольшее влияние на политические взгляды граждан Франции и на решения, касающиеся формирования внешнеполитической стратегии государства [4, с. 100].

Американские аналитические центры представляют собой активных игроков политического процесса, которые часто выступают инициаторами политических предложений, разрабатывают законодательные инициативы, участвуют в слушаниях в Конгрессе, формируют медиа-дискурс и участвуют в политических кампаниях. Институт Брукингса, Heritage Foundation и American Enterprise Institute оказывают значительное влияние на федеральную политику через публикации, формирование «мозговых трестов», экспертные платформы и кадровый резерв для правительственных администраций. Американские think tanks играют ключевую роль в феномене «вращающихся дверей», когда эксперты переходят из аналитических центров в правительство и обратно, что обеспечивает непосредственное влияние на политические решения [16, с. 12].

Механизмы воздействия на политику также существенно различаются между исследуемыми странами. Французские аналитические центры в настоящее время приобретают большую популярность и пользуются доверием граждан и государственных органов, имея доступ к парламентариям, министрам и секретариатам кабинета министров. Однако французская административная эндогамия и олигополия в сфере выработки политики ограничивают влияние независимых think tanks. Во французской политической культуре существует общий уровень недоверия к политическим явлениям и инструментам с англосаксонскими характеристиками, что привело к значительному отторжению групп адвокации и аналитических центров со стороны общественности [7]. Феномен «вра-

щающихся дверей» не является распространенным явлением во Франции, за исключением президентских советников бывшего президента Ф. Олланда и нынешнего президента Э. Макрона.

Американская модель характеризуется институционализированным влиянием think tanks на все ветви власти. Аналитические центры регулярно предоставляют экспертные показания в комитетах Конгресса, их представители занимают ключевые позиции в правительственных администрациях, а исследования активно используются при разработке законодательных актов и политических программ. Крупнейшие американские think tanks имеют специализированные подразделения по связям с правительством и медиа, что позволяет им эффективно продвигать свои идеи в политическом процессе. Atlantic Council получил 20,8 млн долларов от иностранных правительств и 10,2 млн долларов от оборонных подрядчиков [17], что отражает его роль в формировании внешнеполитического дискурса [6].

Региональные и тематические различия также играют важную роль в сравнительном анализе. Французские think tanks сосредоточены преимущественно в Париже (82 из 101), что отражает централизованный характер французской политической системы. Тематически французские центры специализируются главным образом на внешней политике, европейских и глобальных исследованиях, что соответствует традиционным приоритетам французской дипломатии. Американские think tanks демонстрируют значительно большее тематическое разнообразие, охватывая внутреннюю и внешнюю политику, экономические исследования, социальные вопросы, оборонную политику и региональные исследования. Географическое распределение американских think tanks также более диверсифицировано, хотя основная концентрация наблюдается в Вашингтоне (около 400 центров).

Качество и методология исследований представляют ещё один аспект сравнительного анализа think tanks Франции и США. Французские аналитические центры, особенно связанные с университетами, такие как CERl при Sciences Po, поддерживают высокие академические стандарты и фокусируются на фундаментальных исследованиях. Американские think tanks варьируются от строго академических институтов до откровенно идеологических центров адвокации, при этом многие из них совмещают исследовательскую и лоббистскую деятельность. Этот аспект вызывает беспокойство относительно интеллектуальной свободы, самоцензуры и селективного представления точек зрения, особенно в

контексте зависимости от финансирования со стороны конкретных заинтересованных групп.

Международное сотрудничество и сетевое взаимодействие также демонстрируют различные подходы в исследуемых государствах. Французский IFRI активно сотрудничает с американскими партнерами, включая RAND Corporation, Институт Брукингса, Совет по международным отношениям и Центр стратегических и международных исследований. Французские think tanks часто участвуют в европейских сетях и получают финансирование от ЕС для совместных проектов. Американские аналитические центры формируют глобальные сети влияния, устанавливая партнерства с институтами по всему миру и экспортируя свою модель в другие страны.

Заключение

Будущие тенденции развития сектора аналитических центров указывают на различные траектории для Франции и Соединенных Штатов. Французские think tanks сталкиваются с вызовами европеизации, необходимостью большей независимости от государства и конкуренцией с более зрелыми англосаксонскими моделями. Сокращение государственной поддержки и европейского финансирования заставляет французские центры диверсифицировать источники доходов и повышать эффективность. Американские think tanks переживают кризис финансирования, связанный с сокращением правительственной поддержки (на 92% в 2025 году) и изменением приоритетов частных доноров. Растущая политизация и потеря доверия общественности также представляют серьезные вызовы для американской модели.

Сравнительный анализ французских и американских аналитических центров выявляет фундаментальные различия в институциональном развитии, финансовых моделях и политическом влиянии, которые отражают особенности политических культур и систем обеих стран. Американская модель демонстрирует количественное превосходство, большую автономию, диверсифицированное финансирование и институционализированное влияние на процесс принятия решений, но сталкивается с проблемами прозрачности и политизации. Французская модель характеризуется тесной связью с государством и академической средой, меньшим масштабом и ограниченным влиянием, но постепенно развивается в направлении большей независимости и публичной видимости. Обе модели сталкиваются с современными вызовами изме-

нения источников финансирования, необходимости повышения прозрачности и адаптации к новым формам политической коммуникации в цифровую эпоху.

Список литературы:

1. Валаханович И. Немного об истории «фабрик мысли» // Белорусский институт стратегических исследований, 2019. // URL: <https://bisir.gov.by/mneniya/nemnogo-ob-istorii-fabrik-mysli> (Дата обращения: 10.11.2025)
2. Мерзлов И.Ю. Государственно-частное партнёрство в Евросоюзе: опыт и будущие тренды: монография / Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2021. 336 с.
3. Ивкина Н. В. Истории становления и развития немецких и крупнейших американских аналитических центров (сравнительный анализ) // Genesis: исторические исследования, 2018. № 4. С. 102-113.
4. Чихачев А. Ю., Чагры А., Участие «Мозговых центров» в принятии внешнеполитических решений: опыт Франции // Вестник ЗабГУ. 2020. № 2. С. 97-105. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-mozgovyhtsentrov-v-prinyatii-vneshnepoliticheskikh-resheniy-opyt-frantsii> (Дата обращения: 12.11.2025).
5. Шагинян В.В. Институциональные инвесторы национальной инновационной системы Франции. // Экономические исследования и разработки, 01.11.2023. // URL: <http://edjr.ru/article/14-11-23> (Дата обращения: 12.11.2025)
6. Brady D. Eliminating Direct Federal Funding for Think Tanks Would Save Taxpayers Millions. // National Taxpayers union foundation, 12.08.2020. // URL: <https://www.ntu.org/foundation/detail/eliminating-direct-federal-funding-for-think-tanks-would-save-taxpayers-millions> (Дата обращения: 12.11.2025)
7. De Montbrial T. Think tanks à la française. // Thierry de Montbrial, 24.08.2014. // URL: <https://thierrydemontbrial.com/think-tanks-a-la-française/> (Дата обращения: 12.11.2025)
8. De Montbrial T., Gomart T. What Is a Think Tank? A French Perspective // IFRI, 2019. 68 p.
9. Finance and implementation of research and development in France // The State of Higher Education and Research. 2010 Edition. № 4. 10 p.
10. Freeman B., Cleveland-Stout N. Big Ideas and Big Money: Think Tank Funding in America // Quincy Institute for Responsible Statecraft, 03.01.2025. // URL: <https://quincyinst.org/research/big-ideas-and-big-money-think-tank-funding-in-america/#> (Дата обращения: 12.11.2025)
11. Khan P. Make think tanks great again: Navigating funding challenges and existential threats in a changing world // On Think Tanks, 20.06.2025. // URL: <https://onthinktanks.org/articles/make-think-tanks-great-again-navigating-funding-challenges-and-existential-threats-in-a-changing-world/> (Дата обращения: 05.11.2025)
12. Lah J. Think tank funding in developing countries: status and outlook // William and Flora Hewlett Foundation in collaboration with the Think Tank Initiative, 2017. 36 p.
13. Le Centre d'analyse, de prévision et de stratégie // Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères // URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/le-centre-d-analyse-de-prevision-et-de-strategie/> (Дата обращения: 06.11.2025)
14. McGann J.G. Global Go to Think Tanks Report and Policy Advice // Think Tanks and Civil Societies Program, International Relations Program. University of Pennsylvania, 2012. 128 p.
15. Orrico A., Correa J., LaFrance J., Sutton S. Think tank landscape scan 2022: France // On think tanks, 18.11.2022. // URL: <https://onthinktanks.org/articles/think-tank-landscape-scan-2022-france/> (Дата обращения: 05.11.2025)
16. The role of think tanks in U.S. foreign policy. // U. S. Foreign policy agenda. An electronic journal of the U.S. department of state. November 2002. Vol 7. № 3. 47 p.
17. Think Tank Funding Tracker // URL: <https://thinktankfundingtracker.org/> (Дата обращения: 12.11.2025)
18. Vlahos K.B. New Report Details \$174 Million in Foreign Funding to D.C. Think Tanks. // Quincy Institute for Responsible Statecraft, 30.01.2025. // URL: <https://responsiblestatecraft.org/2020/01/29/new-report-details-174-million-in-foreign-funding-to-d-c-think-tanks/> (Дата обращения: 12.11.2025)
19. Смирнова Е.А. Парадигмы культуры Древней Греции в современных форматах визуального искусства // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 5. № 86. С. 44-51.

Bibliography

1. Valakhanovich I. A Little About the History of Think Tanks // Belarusian Institute for Strategic Studies, 2019. // URL: <https://bisir.gov.by/mneniya/nemnogo-ob-istorii-fabrik-mysli> (10.11.2025)
2. Merzlov I.Yu. Public-Private Partnership in the European Union: Experience and Future Trends: Monograph / Perm State National Research University, 2021. 336 p.

3. Ivkina N.V. History of the Formation and Development of German and Major American Analytical Centers (Comparative Analysis) // *Genesis: Historical Research*, 2018. № 4. P. 102-113.
4. Chikhachev A. Yu., Chagry A., Participation of Think Tanks in Foreign Policy Decision-Making: The Experience of France // *Bulletin of ZabSU*. 2020. No. 2. P. 97-105. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-mozgovyh-tsen-trov-v-prinyatii-vneshnepoliticheskikh-resheniy-opyt-frantsii> (12.11.2025).
5. Shaginyan V.V. Institutional investors in the national innovation system of France. // *Economic research and development*, 01.11.2023. // URL: <http://edrx.ru/article/14-11-23> (12.11.2025)
6. Brady D. Eliminating Direct Federal Funding for Think Tanks Would Save Taxpayers Millions. // *National Taxpayers union foundation*, 12.08.2020. // URL: <https://www.ntu.org/foundation/detail/eliminating-direct-federal-funding-for-think-tanks-would-save-taxpayers-millions> (12.11.2025)
7. De Montbrial T. Think tanks à la française. // *Thierry de Montbrial*, 24.08.2014. // URL: <https://thierrydemontbrial.com/think-tanks-a-la-francaise/> (12.11.2025)
8. De Montbrial T., Gomart T. What Is a Think Tank? A French Perspective // *IFRI*, 2019. 68 p.
9. Finance and implementation of research and development in France // *The State of Higher Education and Research*. 2010 Edition. № 4. 10 p.
10. Freeman B., Cleveland-Stout N. Big Ideas and Big Money: Think Tank Funding in America // *Quincy Institute for Responsible Statecraft*, 03.01.2025. // URL: <https://quincyinst.org/research/big-ideas-and-big-money-think-tank-funding-in-america/#> (12.11.2025)
11. Khan P. Make think tanks great again: Navigating funding challenges and existential threats in a changing world // *On Think Tanks*, 20.06.2025. // URL: <https://onthinktanks.org/articles/make-think-tanks-great-again-navigating-funding-challenges-and-existential-threats-in-a-changing-world/> (05.11.2025)
12. Lah J. Think tank funding in developing countries: status and outlook // *William and Flora Hewlett Foundation in collaboration with the Think Tank Initiative*, 2017. 36 p.
13. Le Centre d'analyse, de prévision et de stratégie // *Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères* // URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/le-centre-d-analyse-de-prevision-et-de-strategie/> (06.11.2025)
14. McGann J.G. Global Go to Think Tanks Report and Policy Advice // *Think Tanks and Civil Societies Program, International Relations Program. University of Pennsylvania*, 2012. 128 p.
15. Orrico A., Correa J., LaFrance J., Sutton S. Think tank landscape scan 2022: France // *On think tanks*, 18.11.2022. // URL: <https://onthinktanks.org/articles/think-tank-landscape-scan-2022-france/> (05.11.2025)
16. The role of think tanks in U.S. foreign policy. // *U. S. Foreign policy agenda. An electronic journal of the U.S. department of state*. November 2002. Vol 7. № 3. 47 p.
17. Think Tank Funding Tracker // URL: <https://thinktankfundingtracker.org/> (12.11.2025)
18. Vlahos K.B. New Report Details \$174 Million in Foreign Funding to D.C. Think Tanks. // *Quincy Institute for Responsible Statecraft*, 30.01.2025. // URL: <https://responsiblestatecraft.org/2020/01/29/new-report-details-174-million-in-foreign-funding-to-d-c-think-tanks/> (12.11.2025)
19. Smirnova E.A. Paradigms of ancient Greek culture in modern visual art formats // *Mission confessions*. 2025. Volume 14. Issue 5. № 86. P. 44-51.

Бектурганова Б.К.

*Кандидат исторических наук, доцент
кафедры международных отношений и политологии. Кыргызский-Российский
Славянский университет, г. Бишкек, Кыргызская Республика.*

Динамика этнополитики Центральной Азии как катализатор трансформации идентичности под влиянием «мягкой силы»

Введение

Этнополитические процессы в государствах Центральной Азии в постсоветский период характеризуются высокой динамичностью и структурной неоднородностью. Формирование национальных государств происходило в условиях полиэтничности, институциональной трансформации и включённости региона в пространство глобальной и региональной геополитической конкуренции. В этих условиях особое значение приобретают несиловые формы внешнего воздействия, концептуализируемые в современной политической науке как «мягкая сила» (soft power).

В отличие от классического понимания «мягкой силы» как инструмента внешней политики, ориентированного на внешнеполитическое позиционирование государств [7], в настоящей статье она рассматривается в расширительной интерпретации – как фактор, опосредованно влияющий на процессы конструирования национальной и гражданской идентичности и, как следствие, на динамику внутренней этнополитики. Такой подход соответствует современным конструктивистским трактовкам идентичности, рассматривающим её как результат символического и институционального взаимодействия, а не как фиксированную социокультурную данность [1; 9].

Цель исследования заключается в выявлении и систематизации механизмов воздействия «мягкой силы» на трансформацию идентичности в странах Центральной Азии, а также в выявлении зависимости эффективности данного воздействия от внутренних институциональных, культурных и символических условий.

Теоретико-методологические основания исследования

Теоретической основой исследования послужили конструктивистские

и неинституциональные подходы к анализу идентичности и этнополитических процессов. В рамках конструктивистской парадигмы идентичность понимается как динамическая категория, формируемая через нарративы, символы, дискурсы и социальные практики [1]. Данный подход позволяет интерпретировать воздействие «мягкой силы» как включённость во внешние дискурсивные и ценностные поля, а не как прямое навязывание идентичности.

Важным теоретическим ориентиром выступает концепция культурной памяти Я. Ассмана, согласно которой коллективная идентичность воспроизводится через институционализованные формы памяти, образования и символической политики [9]. В данном контексте политика памяти, языковая и образовательная политика становятся ключевыми каналами реализации «мягкой силы». Трансляция определенных исторических нарративов через образовательные программы и медийное пространство позволяет внешним акторам не просто передавать информацию, но и влиять на глубокие ценностные установки, формируя лояльность и чувство сопричастности к определенному цивилизационному полю. Как отмечают исследователи, в условиях Центральной Азии «войны памяти» и конкуренция интерпретаций общего прошлого (особенно советского периода) становятся инструментом реформатирования национальной идентичности, где «мягкая сила» выступает катализатором отхода от старых идеологических конструктов в пользу новых стратегических нарративов [5]. Таким образом, институционализация культурной памяти через внешние культурные центры и сетевые университеты обеспечивает долгосрочную трансформацию идентичности, закрепляя её в символическом пространстве региона.

Концепция «мягкой силы», разработанная Дж. Найем, используется в аналитически расширенном ключе. Наряду с классическим пониманием её как способности добиваться желаемых результатов посредством привлекательности культуры и ценностей [7], в исследовании учитывается интерпретация «мягкой силы» как долгосрочного структурного фактора, воздействующего на процессы самоидентификации и политической лояльности [4]. В данном контексте «мягкая сила» рассматривается не только как ресурс внешнеполитического влияния, но и как совокупность институционализованных культурных, образовательных и символических практик, которые встраиваются во внутренние социальные структуры принимающих обществ.

Такое расширительное понимание позволяет анализировать «мягкую

силу» в логике конструктивистского подхода – как механизм формирования и перераспределения смыслов, норм и ценностных ориентиров, влияющих на коллективные представления о принадлежности, «своём» и «чужом», а также о легитимных формах политической и гражданской лояльности. В условиях полиэтничных обществ подобное воздействие приобретает особую значимость, поскольку оно затрагивает не только внешнеполитические ориентации, но и процессы внутреннего нацестроительства и этнополитической интеграции.

В отличие от краткосрочных инструментов влияния, эффект «мягкой силы» носит кумулятивный характер и проявляется через долгосрочные каналы социализации – систему образования, культурную политику, академические и молодежные обмены, а также транснациональные миграционные и диаспоральные связи. Именно через эти каналы формируются устойчивые идентификационные установки, которые могут либо дополнять, либо конкурировать с официально продвигаемыми моделями гражданской идентичности, что делает «мягкую силу» значимым фактором этнополитической динамики в государствах Центральной Азии.

В таком аналитическом ракурсе «мягкая сила» выступает не детерминирующим, а катализирующим фактором, усиливающим или модифицирующим уже существующие институциональные и символические процессы, что позволяет избежать редукции этнополитических трансформаций к внешнему воздействию и, одновременно, выявить роль внешних культурно-нормативных влияний в формировании многослойных и транснациональных идентичностей в постсоветском пространстве.

Методологически исследование опирается на сравнительный и аналитический подходы. Сравнение государств Центральной Азии позволяет выявить различия в институциональной реакции на внешние культурно-символические воздействия. Использование аналитической таблицы как инструмента исследования обусловлено задачей систематизации теоретических моделей и эмпирических проявлений без претензии на количественную верификацию.

«Мягкая сила» как поле конкуренции нарративов и идентичностей

Центральная Азия представляет собой пространство пересечения конкурирующих стратегий «мягкой силы» различных внешних акторов (России, Китая, США, Турции и ЕС), каждый из которых транслирует специфические стратегические нарративы для легитимации своего присутствия в регионе [2]. При этом государства региона выступают не пассивными

объектами влияния, а активными агентами, демонстрирующими субъектность через избирательную адаптацию внешних дискурсов к собственным политическим и культурным контекстам [11]. Процесс конструирования идентичности в данном случае носит характер политико-коммуникативного маневрирования, зачастую политические элиты ЦА используют элементы внешней «мягкой силы» (например, образовательные гранты КНР или культурные проекты РФ) как дополнительные ресурсы для укрепления национальных идеологий. В частности, в Кыргызской Республике внешние культурные влияния интегрируются в государственную модель «Кыргыз жараны», где этническое многообразие и транснациональные связи диаспор переосмысливаются как факторы национальной устойчивости и безопасности. Такая «фильтрация» внешних смыслов позволяет государствам ЦА минимизировать риски идеологической зависимости, превращая инструменты чужой «мягкой силы» в катализаторы собственного нациестроительства и укрепления гражданской идентичности.

Российская Федерация реализует стратегию «мягкой силы», основанную на поддержании языковых, образовательных и культурно-исторических связей [10]. По мнению М. Губайдуллиной и А. Паизовой, именно сфера науки и образования становится ключевым каналом воспроизводства российской «мягкой силы», формируя устойчивые профессиональные и символические связи с постсоветским пространством [10, с. 148-150]. Русский язык, общее образовательное пространство, а также политика памяти способствуют воспроизводству общеевразийской и постсоветской идентичности, особенно в среде мигрантов и русскоязычного населения [4; 5]. Ключевую роль в данной стратегии играют институционализованные каналы культурного и гуманитарного взаимодействия, включая деятельность российских образовательных учреждений за рубежом, программы академической мобильности, работу фондов поддержки русского языка и культуры, а также медиапространство, ориентированное на русскоязычную аудиторию.

Особое значение в российской стратегии «мягкой силы» имеет политика памяти, направленная на поддержание интерпретаций общего исторического прошлого, прежде всего советского периода. Как отмечает А.И. Миллер, институционализация политики памяти усиливает её воздействие на формирование коллективной идентичности, превращая исторический нарратив в инструмент символической интеграции [5]. В странах Центральной Азии данный механизм проявляется в публичных дискуссиях о роли советского наследия, Великой Отечественной войны

и общего исторического опыта, что способствует сохранению элементов наднациональной идентичности.

В то же время влияние российской «мягкой силы» носит неоднородный характер и зависит от внутреннего контекста принимающих государств. В условиях активной политики нациестроительства и укрепления национальных языков воздействие российских культурно-символических ресурсов может восприниматься не только как интегративное, но и как конкурирующее, что усиливает необходимость их адаптации к локальным этнополитическим стратегиям. Таким образом, российская «мягкая сила» в Центральной Азии функционирует как значимый, но не универсальный фактор трансформации идентичности, эффект которого определяется сочетанием внешнего воздействия и внутренних институциональных условий.

Китайская стратегия «мягкой силы», напротив, характеризуется прагматической направленностью и тесной связью с экономическими проектами. Исследования последних лет фиксируют, что культурные и образовательные инициативы КНР в Центральной Азии носят вспомогательный характер по отношению к инфраструктурным и инвестиционным программам, формируя образ Китая как источника стабильности и развития [8]. А. Адиллов подчёркивает, что подобная модель способствует формированию инструментальной идентичности, в которой культурная привлекательность уступает место экономической рациональности [8, с. 42-45].

Западные акторы (США и Европейский союз) концентрируются преимущественно на поддержке гражданского общества, академической мобильности и нормативных стандартов, связанных с правами человека и демократическими процедурами. Как отмечают К. Мухтарова и А. Паизова, влияние западной «мягкой силы» в регионе отличается фрагментарностью и в большей степени проявляется в городских и молодежных средах, не трансформируясь в целостную идентификационную модель [6, с. 52-54].

В совокупности данные исследования подтверждают вывод о том, что «мягкая сила» в Центральной Азии выступает не автономным источником идентичности, а катализатором уже существующих этнополитических и институциональных процессов, усиливая их асимметрию и многослойность. Конкуренция внешних нарративов не приводит к прямому конфликту идентичностей, однако способствует их фрагментации и усложняет задачи нациестроительства в полиэтничных обществах региона [3; 13].

Диаспоры, миграция и транснациональные каналы трансформации идентичности

Миграционные процессы и диаспоры выступают важнейшими транснациональными каналами распространения «мягкой силы», формируя специфическую «диффузию» ценностей и норм между странами исхода и странами приема. В условиях Центральной Азии этот процесс носит амбивалентный характер. С одной стороны, диаспоры способствуют экономической выживаемости и культурному обмену, становясь «живыми мостами» в рамках евразийской интеграции или глобальных проектов (таких как «Один пояс – один путь») [2]. С другой стороны, интенсивные миграционные потоки создают условия для формирования гибридных идентичностей, которые не всегда гармонируют с жесткими рамками национальных идеологий.

Опыт государств региона показывает, что эффективность «мягкой силы» через диаспоральные каналы напрямую зависит от качества внутренней этнополитики. Казахстан и Узбекистан, институционализируя связи с соотечественниками за рубежом, стремятся превратить «мягкую силу» в инструмент национального развития [12]. В то же время для Кыргызстана и Таджикистана критически важным остается вопрос предотвращения маргинализации миграционных сообществ, которые при определенных условиях могут транслировать деструктивные внешние нарративы или радикальные установки. Туркменистан, напротив, характеризуется минимизацией трансграничных каналов идентичности за счет политики информационной и культурной изоляции, что ограничивает внешнее воздействие «мягкой силы», но одновременно снижает адаптивность идентификационных моделей. Такая стратегия «закрытости» ограничивает прямое воздействие внешней «мягкой силы», однако, по мнению исследователей, одновременно снижает адаптивность идентификационных моделей общества к глобальным вызовам и создает условия для скрытой эрозии гражданской идентичности [2]. В то же время опыт КНР показывает, что этнодемографические инструменты, такие как регулируемая внутренняя миграция и урбанизация, могут использоваться как жесткий каркас для реализации «мягкой силы» внутри страны, что создает дополнительные вызовы для сопредельных государств Центральной Азии в плане сохранения этнокультурной самобытности приграничных сообществ.

В конечном итоге, трансформация идентичности под влиянием «мягкой силы» в Центральной Азии перестает быть сугубо внешним фактором и становится интегральной частью внутренней динамики региона.

Способность государств ЦА не просто пассивно воспринимать эти влияния, а выступать активными институциональными фильтрами, адаптируя транснациональные связи к задачам гражданской консолидации, определит долгосрочную стабильность этнополитических систем. Будущее региона зависит от перехода к инклюзивным моделям нациестроительства (по типу концепции «Кыргыз жараны»), где трансграничная мобильность и многоэтничность рассматриваются не как угроза, а как стратегический ресурс в условиях глобальной конкуренции за человеческий капитал и смыслы.

Таким образом, воздействие «мягкой силы» через диаспоры усиливает значение инклюзивных моделей нациестроительства и требует от государств выработки балансируемых этнополитических стратегий.

Аналитическая модель сопоставления теории и эмпирики.

Теоретический подход	Ключевые индикаторы	Эмпирические проявления в странах ЦА
Конструктивизм идентичности	Нарративы памяти, язык, символы	Политика истории в Казахстане; дискуссии о языке в Кыргызстане
«Мягкая сила» как культурный ресурс	Образование, культура, медиа	Институты Конфуция; российские вузы; западные грантовые программы
Транснационализм	Миграция, диаспоры	Денежные переводы в КР и Таджикистане; диаспоральные программы КЗ и УЗ
Неоинституциональный подход	Государственные политики	Национальные программы идентичности и нациестроительства

Заключение

Проведённый анализ позволяет утверждать, что «мягкая сила» выступает важным катализатором трансформации идентичности в государствах Центральной Азии, не подменяя собой внутренние этнополитические процессы, а усиливая уже существующие институциональные и символические тенденции. Эффективность внешнего культурно-ценностного воздействия во многом определяется способностью государств региона интегрировать внешние влияния в собственные модели нациестроительства.

В условиях полиэтничности и высокой миграционной мобильности формирование инклюзивной гражданской идентичности становится ключевым условием этнополитической стабильности. Сбалансированная этнополитика, учитывающая транснациональные факторы и конкуренцию внешних нарративов, представляет собой необходимое условие

устойчивого развития государств Центральной Азии.

Список литературы:

1. Брубейкер Р. Этничность без групп [Текст] / пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
2. Брусиловский Д.А. Специфика воздействия «мягкой силы» России, Китая и США на Центральную Азию в условиях глобализации / Д.А. Брусиловский, И.И. Есипов // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 8 (48). С. 1779-1798.
3. Кротков В.О. «Мягкая сила» в среднеазиатском регионе: общие контуры баланса сил // Ближний и Постсоветский Восток. 2023. № 4 (4). С. 7-17. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.01.
4. Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО. 2017. № 3 (54). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-ponyatie-i-podhody> (Дата обращения: 22.12.2025).
5. Миллер А.И. Рост значимости институционального фактора в политике памяти - причины и последствия // Политика. 2019. № 3 (94). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rost-znachimosti-institutsionalnogo-faktora-v-politike-pamyati-prichiny-i-posledstviya> (Дата обращения: 22.12.2025).
6. Мухтарова К., Паизова А. Геополитическое влияние «мягкой силы» на страны Центральной Азии // Journal of International Relations and International Law. 2024. № 4. С. 47-59.
7. Най Дж. Будущее власти. – М.: АСТ, 2014.
8. Adilov A. Specific Features of China's «soft power» in Central Asia // Public Administration and Civil Service. 2016. № 2. P. 40-48.
9. Assmann J. Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 296 p.
10. Gubaidullina M., Paizova A. Russia's «soft power» policy towards Kazakhstan in the research field on Central Asia // Bulletin of the L.N. Gumilov Eurasian National University. Political Science. 2025. № 1 (150). P. 145-159.
11. Nurzhanov K., Peyrouse S. Soft Power in Central Asia: The Politics of Influence and Seduction. – London: Routledge, 2021.
12. Urpekova A. Building the Bonds: A Comparison of Diaspora Engagement Policies in Kazakhstan and Uzbekistan // Turkish Journal of Diaspora Studies. 2022. Vol. 2. № 1. P. 41-54.
13. Yengoyan A. The Essence of Russia's Soft Power in CIS Countries // YSU Journal of International Affairs. 2024. Vol. 15. № 1. P. 29-41. // URL: <https://doi.org/10.46991/BYSU:D/2024.15.1.029>.

Bibliography

1. Brubaker R. Ethnicity without Groups [Text] / trans. from English by I. Borisova; Nat. Research University «Higher School of Economics». – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2012. 408 p.
2. Brusilovsky D.A. Specifics of the Impact of the «Soft Power» of Russia, China and the United States on Central Asia in the Context of Globalization / D.A. Brusilovsky, I.I. Esipov // Voprosy politologii. 2019. Vol. 9. № 8 (48). P. 1779-1798.
3. Krotkov V.O. «Soft Power» in the Central Asian Region: General Contours of the Balance of Power // The Middle and Post-Soviet East. 2023. № 4 (4). P. 7-17. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.01.
4. Lebedeva M.M. «Soft Power»: Concept and Approaches // MGIMO Bulletin. 2017. № 3 (54). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-ponyatie-i-podhody> (22.12.2025).
5. Miller A.I. The Growing Importance of the Institutional Factor in Memory Politics - Causes and Consequences // Polity. 2019. № 3 (94). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rost-znachimosti-institutsionalnogo-faktora-v-politike-pamyati-prichiny-i-posledstviya> (22.12.2025).
6. Mukhtarova K., Paizova A. Geopolitical influence of «soft power» on the countries of Central Asia // Journal of International Relations and International Law. 2024. № 4. P. 47-59.
7. Nye J. The Future of Power. – Moscow: AST, 2014.
8. Adilov A. Specific Features of China's «soft power» in Central Asia // Public Administration and Civil Service. 2016. № 2. P. 40-48.
9. Assmann J. Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 296 p.
10. Gubaidullina M., Paizova A. Russia's «soft power» policy towards Kazakhstan in the research field on Central Asia // Bulletin of the L.N. Gumilov Eurasian National University. Political Science. 2025. № 1 (150). P. 145-159.
11. Nurzhanov K., Peyrouse S. Soft Power in Central Asia: The Politics of Influence and Seduction. – London: Routledge, 2021.
12. Urpekova A. Building the Bonds: A Comparison of Diaspora Engagement Policies in Kazakhstan and Uzbekistan // Turkish Journal of Diaspora Studies. 2022. Vol. 2. № 1. P. 41-54.
13. Yengoyan A. The Essence of Russia's Soft Power in CIS Countries // YSU Journal of International Affairs. 2024. Vol. 15. № 1. P. 29-41. // URL: <https://doi.org/10.46991/BYSU:D/2024.15.1.029>.

Ушур

*Доцент юридического факультета,
Школа политики и права Синьцзянского педагогического университета.*

Элизати

*Кандидат в магистры гражданского и коммерческого права,
юридический факультет, Школа политики
и права Синьцзянского педагогического университета.*

На пути к принципиальным правилам передачи данных: конструктивный подход к цифровому Шелковому пути

Wushour

*Associate Professor, Faculty of Law,
School of Politics and Law, Xinjiang Normal University.*

Elizati

*Candidate for Master's degree in Civil and Commercial Law,
Faculty of Law, School of Politics and Law, Xinjiang Normal University.*

Towards principled data flow rules: a constructive approach to the digital Silk Road

Introduction

The 21st century is characterized by a profound global transformation, where the digital economy has emerged not merely as a sector but as the foundational architecture for international trade, innovation, and geopolitical influence¹. Data, the lifeblood of this new economy, has been described as a novel factor of production, possessing the capacity to reshape global value chains and reallocate economic power². The cross-border flow of data is the primary

¹ See, e.g., Shiro Armstrong & Peter Drysdale, 'The New Economics of the Digital Silk Road', 22(3) *East Asian Bureau of Economic Research*. 2020. P. 1-15.

² 《中共中央 国务院关于构建数据基础制度更好发挥数据要素作用的意见》 (Opinions of the CPC

conduit through which this value is realized, enabling everything from global e-commerce platforms and digital services to the international collaboration required to address shared challenges like pandemics and climate change³.

Within this context, the Digital Silk Road (DSR), an integral component of China's broader Belt and Road Initiative (BRI), represents a monumental undertaking to foster digital connectivity and build a "community of a shared future in cyberspace" among participating nations⁴. By promoting the development of digital infrastructure, technological standards, and e-commerce, the DSR aims to bridge the digital divide and unlock new vectors for economic growth across Asia, Europe, Africa, and beyond⁵.

However, the ambitious vision of the DSR confronts a formidable obstacle: the fragmented, contested, and increasingly polarized landscape of global data governance. The international community lacks a universal, binding legal framework for cross-border data flows. Instead, a dichotomy of competing regulatory paradigms, led by the United States and the European Union, has emerged. The American model, epitomized by the digital trade chapters of agreements like the United States-Mexico-Canada Agreement (USMCA) and the Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership (CPTPP), champions the principle of data free flow, viewing restrictions as barriers to trade⁶. In stark contrast, the European model, anchored by the General Data Protection Regulation (GDPR), prioritizes the protection of personal data as a fundamental right, imposing stringent conditions on data transfers to third countries and projecting its regulatory standards globally through the so-called "Brussels Effect."⁷

This regulatory schism creates a complex and uncertain environment for

Central Committee and the State Council on Building Basic Systems for Data to Better Play the Role of Data Elements), 2 December 2022. See also Yang Song and Wang Mi, '我国数据跨境流动规制的模式选择与价值功能' (Model Selection and Value Function of China's Cross-Border Data Flow Regulation), 41(3) *Journal of Nantong University* (Social Sciences Edition). 2025. P. 92.

3 Chen Yongmei and Zhang Jiao, '跨境数据流动国际规制新发展: 困境与前路' (New Development of International Regulation in Cross-border Data Flow: Dilemma and the Way Forward), 24(6) *Journal of SUIBE*. 2017. P. 37.

4 The concept of a "community of a shared future in cyberspace" (网络空间命运共同体) is a recurring theme in Chinese policy documents. See, e.g., Wang Xiaolin and Lan Song, '“数字丝绸之路”数据跨境流动机制: 逻辑框架与路径选择' (The Cross-border Data Flow Mechanism of the "Digital Silk Road": Logical Framework and Path Selection), *Renmin Tribune*. 2025. P. 46.

5 Xie Zhuojun and Yang Shudong, '数据跨境流动规制效用梗阻的治理范式革新: 一个国际公共产品供给的视角' (Governance Paradigm Innovation for the Utility Obstruction of Cross-border Data Flow Regulation: A Perspective of International Public Goods Supply), *Forum of World Economics & Politics*. 2023. P. 45.

6 Cai Yacen, '数据主权视角下美欧跨境数据流动规则博弈与中国启示' (The Game of Cross-border Data Flows Rules between the United States and Europe from the Perspective of Data Sovereignty and China's Implications), *Journal of International Law*. 2025. P. 79.

7 Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) [2016] OJ L 119/1.

DSR participating states, many of which are developing economies navigating the delicate balance between attracting digital investment, protecting nascent domestic industries, safeguarding national security, and upholding citizens' rights. Adopting either the American or European model wholesale is often untenable, as the former may overlook critical sovereignty concerns, while the latter can impose prohibitive compliance costs that stifle digital innovation⁸.

This article posits that the unique geopolitical, economic, and developmental composition of the DSR necessitates the design of a bespoke governance framework for cross-border data flows. Such a framework must transcend the US-EU binary, offering a third way that is flexible, development-oriented, and predicated on principles of shared sovereignty, mutual trust, and equitable benefit-sharing. It calls for a multi-layered, polycentric governance architecture that combines bilateral and regional agreements with shared technical standards and institutional mechanisms for cooperation.

I. The Strategic Context: Data Flows and the Digital Silk Road

The transition from a global economy based on the movement of goods and capital to one increasingly defined by the flow of data marks a new era of globalization.⁹ This shift has elevated the governance of data flows from a technical issue to a matter of high strategic importance, directly implicating national competitiveness, security, and sovereignty.

A. Data as a Strategic Asset and a New Production Factor

The economic value generated by cross-border data flows is immense. As early as 2016, the McKinsey Global Institute estimated that global data flows contributed \$2.8 trillion to the global GDP, a figure projected to grow exponentially.¹⁰ For DSR participating states, the ability to access and leverage global data streams is crucial for integrating into digital value chains, enhancing industrial productivity, and fostering innovation. Data enables enterprises, particularly small and medium-sized enterprises (SMEs), to access international markets, optimize supply chains, and offer services to a global customer base, thereby reducing transaction costs and stimulating trade¹¹.

Furthermore, data is not merely a commercial commodity but a strategic asset. The accumulation and analysis of large datasets—spanning everything from public health and transportation to finance and natural resources—confer sig-

8 Jiang Jie and Niu Min, '全球数据跨境规范治理的逻辑体系研究' (A Study on the Logical System of Global Cross-border Data Standardized Governance), Library and Information Service. 2022. P. 18.

9 James Manyika, et al., *Digital Globalization: The New Era of Global Flows*, McKinsey Global Institute. 2016.

10 Ibid., at 2. This report is also cited in Chen Yongmei and Zhang Jiao, *supra* note 3, at 37.

11 Cao Cong, Zhang Xuanwu, and Chu Chengxiang, '中国数字贸易与 DEPA 规则对接的关键问题与发展路径' (Key Issues and Development Paths for Aligning China's Digital Trade with DEPA Rules), 24(4) *Journal of Zhejiang University of Technology (Social Sciences)*. 2025. P. 361.

nificant advantages in governance, public policy formulation, and national security planning. Consequently, states have become increasingly assertive in exercising what is termed “data sovereignty” (数据主权), which refers to a state’s supreme authority to govern data-related activities within its jurisdiction and to protect its data resources from foreign surveillance or control.¹² This assertion of sovereignty is a direct response to the borderless nature of the internet, which challenges traditional notions of territorial jurisdiction and state control.

B. The Digital Silk Road as a Digital Connectivity Initiative

The DSR initiative, first articulated in 2015 and formally proposed in 2017, extends the BRI’s focus on physical infrastructure to the digital realm. Its objectives are multifaceted: constructing digital infrastructure such as fiber-optic cables, data centers, and 5G networks; promoting e-commerce and digital trade; fostering cooperation on emerging technologies like artificial intelligence (AI) and cloud computing; and harmonizing technical standards¹³. By its nature, the DSR is a data-intensive enterprise. Its success hinges on the seamless and secure flow of vast quantities of data across the borders of its diverse participating nations.

However, the very diversity of the DSR presents a governance challenge. Participating countries exhibit wide disparities in digital readiness, economic development, and legal-institutional capacity¹⁴. Many lack comprehensive domestic legal frameworks for data protection or cybersecurity, while others have enacted stringent data localization laws that mandate the in-country storage and processing of certain data categories¹⁵. Data localization measures are often justified on grounds of national security, privacy protection, or the need for local law enforcement access¹⁶. While these are legitimate public policy objectives, such measures can also function as a form of digital protectionism, creating significant barriers to digital trade and investment, and undermining the DSR’s core goal of enhancing connectivity¹⁷.

This heterogeneity results in a fragmented and unpredictable regulatory environment, creating what can be termed a “governance deficit.” For businesses operating across the DSR, this deficit translates into heightened compliance

12 Wu Shenkuo, ‘数据跨境流动与数据主权研究’ (Research on Cross-border Data Flow and Data Sovereignty), 37(5) Journal of Xinjiang Normal University (Philosophy and Social Sciences) (2016), 115.

13 Wang Xiaolin and Lan Song, *supra* note 4, at 50-51, outlining the development and achievements of the DSR.

14 Qin Jian and Cao Mingxia, “‘一带一路’倡议下数据跨境流动风险治理的中国方案” (‘Belt and Road’ Initiative: China’s Plan for Risk Governance of Cross-border Data Flows), *Southwest Finance*. 2025. P. 44.

15 See Chen Yongmei and Zhang Jiao, *supra* note 3, at 38-39. The article provides examples from various countries including Russia, Vietnam, and Indonesia.

16 Andrew D. Mitchell and Jarrod Hepburn, ‘Don’t Fence Me in: Reforming Trade and Investment Law to Better Facilitate Cross-border Data Transfer’, 19 *Yale Journal of Law & Technology*. 2017. № 339. P. 355-360.

17 See, e.g., Yang Song and Wang Mi, *supra* note 2, at 96.

costs, legal uncertainty, and operational risks. For participating states, it stifles the potential for collaborative digital projects and impedes the realization of the full economic benefits of digitalization. Therefore, designing a coherent and predictable set of rules for data flows is not an ancillary task but an existential imperative for the DSR's long-term viability and success.

II. The Global Regulatory Dichotomy: Competing Paradigms and Their Limits

The governance deficit within the DSR is a microcosm of a broader global reality. The absence of a multilateral consensus on data flows has led to the rise of two dominant, and often conflicting, regulatory models, each reflecting the distinct economic interests and normative values of its principal architect.

A. The American Model: A Market-Driven Approach to Data Free Flow

The United States has consistently advocated for a liberal, market-driven approach to data governance, prioritizing the free flow of data across borders and opposing data localization requirements. This stance is enshrined in the digital trade chapters of its most recent free trade agreements (FTAs), which serve as the primary vehicles for exporting its regulatory template. The CPTPP, which evolved from the US-led Trans-Pacific Partnership (TPP), was the first major trade agreement to include binding provisions prohibiting parties from requiring data localization or restricting cross-border information transfers as a condition of doing business¹⁸. Article 14.11 of the CPTPP mandates that each Party “shall allow the cross-border transfer of information by electronic means,” subject only to exceptions for achieving a “legitimate public policy objective,” provided such measures are not applied in a manner that would constitute arbitrary or unjustifiable discrimination or a disguised restriction on trade¹⁹.

This model, further refined in the USMCA, is predicated on the view that data flows are essential for trade in goods and services and that regulatory barriers to these flows are tantamount to non-tariff barriers. The underlying logic is to secure market access for America's dominant technology and digital service firms (e.g., Google, Amazon, Meta), whose business models rely on the ability to centralize data processing and analysis globally²⁰. This approach has been characterized as an “outward-interfering” (外向干涉型) model, as it seeks to project American commercial interests outward by limiting the regulatory autonomy of its trading partners²¹. While this model effectively pro-

18 Chen Yongmei and Zhang Jiao, *supra* note 3, at 41. The authors note that the TPP was the first FTA to include binding provisions on this issue.

19 Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership, done at Santiago on 8 March 2018 (entered into force 30 December 2018), Art. 14.11(2) & 14.11(3).

20 Cai Yacen, *supra* note 6, at 82.

21 Lin Fuchen, ‘外国数据法效力的域外扩张与中国范式研究’ (A Study on the Extraterritorial Expan-

motes digital trade, its emphasis on liberalization often comes at the expense of privacy protections, which are addressed through softer commitments to interoperability and risk-based approaches, rather than through robust, rights-based legal obligations.

B. The European Model: A Rights-Based Approach to Data Protection

In diametric opposition to the American model, the European Union has constructed a regulatory framework centered on the protection of personal data as a fundamental human right. The cornerstone of this framework is the GDPR, which has established a comprehensive, stringent, and extraterritorially applicable set of rules for data processing²². The GDPR's approach to cross-border data transfers, detailed in Chapter V, is highly restrictive. It prohibits the transfer of personal data to a third country unless that country has been deemed by the European Commission to provide an “adequate” level of data protection (an “adequacy decision”)²³.

In the absence of an adequacy decision, transfers are only permissible under specific, limited conditions, such as the implementation of “appropriate safeguards” (e.g., Standard Contractual Clauses or Binding Corporate Rules) or reliance on narrow derogations²⁴. This regulatory architecture has given rise to the “Brussels Effect,” whereby non-EU countries and multinational corporations voluntarily adopt EU standards to maintain access to the vast European single market²⁵. This framework can be described as an “inward-protective” (内向保护型) model, designed to protect the rights of individuals within the EU and to assert the EU's “digital sovereignty” by conditioning market access on adherence to its normative standards²⁶.

The stringent nature of this model was vividly illustrated in the Court of Justice of the European Union's (CJEU) judgments in *Schrems I* and *Schrems II*, which invalidated the EU-US Safe Harbor and Privacy Shield frameworks, respectively, on the grounds that US surveillance laws did not provide a level of protection essentially equivalent to that guaranteed in the EU²⁷. These decisions underscore the EU's unwavering commitment to its rights-based approach, even at the cost of significant disruption to transatlantic data flows.

sion of Foreign Data Law and the Chinese Paradigm), 51(3) Sichuan Normal University Journal (Social Sciences) (2024), 59, 61.

22 See W. Gregory Voss, ‘Cross-Border Data Flows, the GDPR, and Data Governance’, 29(3) Washington International Law Journal (2020), 575.

23 GDPR, Art. 45.

24 GDPR, Art. 46 & 49.

25 Bradford, supra note 7. The concept is also discussed in Yang Song and Wang Mi, supra note 2, at 98.

26 Lin Fuchen, supra note 21, at 62.

27 Case C-362/14, Maximilian Schrems v Data Protection Commissioner [2015] ECLI:EU:C:2015:650 (Schrems I); Case C-311/18, Data Protection Commissioner v Facebook Ireland Ltd and Maximilian Schrems [2020] ECLI:EU:C:2020:559 (Schrems II). The impact of these cases is analyzed in Cai Yacen, supra note 6, at 104.

C. The Inadequacy of the Dichotomy for the Digital Silk Road

The deep-seated conflict between the American and European paradigms creates a difficult choice for the countries participating in the DSR. Neither model offers a satisfactory solution.

1. The Limits of the American Model for DSR States: For many developing countries along the DSR, the uninhibited free flow of data championed by the US raises significant concerns. It risks exacerbating the “digital divide” by allowing foreign tech giants to extract data value without commensurate local investment or development.²⁸ Furthermore, it can undermine national security and public order, as states may find their ability to regulate online content or access data for law enforcement purposes constrained by FTA obligations. The emphasis on corporate self-regulation for privacy is often seen as insufficient to protect citizens’ rights, particularly in countries with weak domestic consumer protection laws²⁹.

2. The Prohibitive Nature of the European Model: Conversely, the high bar set by the EU’s GDPR presents a different set of challenges. The rigorous legal and technical requirements for achieving an “adequacy decision” are beyond the current capacity of many DSR countries. The compliance costs associated with implementing GDPR-equivalent standards can be prohibitive for SMEs and can deter foreign investment. As such, the EU model, while strong on rights protection, risks becoming a barrier to digital integration for developing economies, effectively walling them off from a significant portion of the global digital economy and creating “data islands.”³⁰

This impasse highlights the urgent need for a new approach. The DSR requires a governance framework that is not imposed from the outside but is co-designed by its participants. It must be a framework that recognizes the legitimacy of diverse public policy objectives—from economic development and national security to fundamental rights protection—and provides a flexible, modular, and scalable pathway for achieving interoperability. The logic of the DSR cannot be one of regulatory competition, but of regulatory cooperation and convergence. The challenge, therefore, is to design rules that facilitate trusted data flows while respecting the developmental and sovereign prerogatives of all participating nations. The following parts of this article will explore how such a framework might be constructed.

III. Foundational Principles for a DSR Data Governance Framework

A sustainable and effective data governance regime for the DSR must be

28 Xie Zhuojun and Yang Shudong, *supra* note 5, at 74, discussing the “digital divide” (数字鸿沟) in the context of international public goods.

29 See Cai Yacen, *supra* note 6, at 82.

30 A concern raised by Jiang Jie and Niu Min, *supra* note 8, at 19, regarding the potential for data barriers to form.

grounded in a set of core principles that reflect the unique characteristics and aspirations of its participants. These principles should serve as the normative bedrock for any subsequent institutional design, ensuring that the rules governing data flows are legitimate, equitable, and fit for purpose.

A. The Principle of Respected Sovereignty and Shared Governance

At the heart of the DSR framework must lie a nuanced understanding of sovereignty. This departs from both the American model, which can be perceived as encroaching upon the regulatory autonomy of states through binding trade disciplines³¹, and the absolutist interpretation of data sovereignty that leads to protectionist data localization mandates. Instead, the DSR should champion a principle of **respected sovereignty and shared governance** (尊重主权与共享治理).

“Respected sovereignty” acknowledges the inalienable right of each state to regulate data within its territory to protect national security, public order, and the fundamental rights of its citizens. This is consistent with the general exceptions clauses found in international trade law and recognized as a core tenet of international law³². It provides the necessary policy space for DSR countries to legislate according to their own national conditions and developmental stages.

However, sovereignty in the digital age cannot be exercised in isolation. The principle of “shared governance” complements respected sovereignty by encouraging states to voluntarily coordinate and, where appropriate, pool their regulatory authorities to achieve common objectives. This concept, akin to the notion of “pooled sovereignty” in the European context but applied more flexibly, involves states collaborating to create interoperable rules and mutual recognition mechanisms that facilitate trusted data flows³³. It is a move away from unilateralism towards a cooperative model where states collectively build a “community of a shared future in cyberspace.”³⁴. This principle transforms sovereignty from a barrier into a foundation for building trust.

B. The Principle of Differentiated Governance and Scalable Commitments

Given the immense diversity in economic development, digital readiness, and legal capacity among DSR nations, a monolithic, “one-size-fits-all” approach is destined to fail. Therefore, the framework must be built on a prin-

31 Cai Yacen, *supra* note 6, at 82.

32 General exceptions are a standard feature of international trade law, e.g., GATT Art. XX and GATS Art. XIV. These articles permit measures ‘necessary to protect public morals’ or ‘necessary to secure compliance with laws or regulations which are not inconsistent with the provisions of this Agreement’.

33 The concept of shared governance is explored by Wang Xiaolin and Lan Song, *supra* note 4, at 52-53, who argue for “consultation, joint construction, and shared benefits” (共商共建共享).

34 *Ibid.* at 46.

ciple of **differentiated governance and scalability**. This approach, sometimes referred to as “variable geometry,” allows countries to participate in the data governance regime at different levels of intensity and commitment, based on their capabilities and national priorities³⁵.

A scalable framework would consist of a core set of foundational commitments (e.g., basic transparency in data-related regulations, cooperation on cybersecurity) that all participants can agree to, with more advanced modules or “plurilateral clubs” for countries ready to undertake deeper integration. For instance, a group of digitally advanced DSR nations might agree to binding rules prohibiting data localization for commercial data, while others might join a less stringent arrangement focused on capacity building and technical assistance. This modularity allows the framework to be inclusive and evolutionary, enabling countries to “dock in” and deepen their commitments over time as their digital economies mature³⁶. It effectively avoids the binary pass/fail logic of the EU’s adequacy model and the rigid obligations of US-style FTAs.

C. The Principle of Development-Centricity and Equitable Benefit-Sharing

Unlike the primarily trade-focused American model or rights-focused European model, a DSR framework must be explicitly **development-centric**. Its ultimate objective should be to harness data flows as an engine for sustainable economic development, poverty reduction, and technological catch-up for participating countries, particularly those in the Global South³⁷.

This principle has several practical implications. First, the framework must include robust provisions for **capacity building and technical assistance**. This involves support from more developed DSR partners (including China) to help less developed nations draft modern data protection laws, establish competent data protection authorities (DPAs), and enhance their cybersecurity infrastructure³⁸. Second, the rules should be designed to ensure **equitable benefit-sharing** from the data value chain. This may involve promoting the establishment of local data centers and digital ecosystems not through coercive localization mandates, but through incentives, joint ventures, and technology transfer agreements that are built into the fabric of DSR projects. The goal is not to block data from flowing out, but to ensure that value is co-created and retained locally, preventing a new form of digital colonialism where raw data is

35 Jiang Jie and Niu Min, *supra* note 8, at 22.

36 This “docking” (对接) metaphor is used frequently in Chinese scholarship on aligning with international standards. See Cao Cong, Zhang Xuanwu, and Chu Chengxiang, *supra* note 11, at 360.

37 Xie Zhuojun and Yang Shudong, *supra* note 5, at 75, framing the issue in terms of supplying an international public good that benefits developing countries.

38 Qin Jian and Cao Mingxia, *supra* note 14, at 45-46, explicitly call for China to provide public goods like technical assistance and training to BRI countries.

extracted from developing nations with little value returned.

IV. A Multi-Layered, Polycentric Architectural Design for Trusted Data Flows

Translating these principles into a functioning governance system requires a sophisticated institutional architecture. A rigid, centralized, treaty-based organization is likely too cumbersome and politically infeasible. A more promising approach is a **multi-layered, polycentric architecture** that combines bilateral, plurilateral, and non-state-driven mechanisms to create a resilient and adaptable network of governance.

A. Layer 1: A Network of Bilateral “Digital Silk Road” Agreements

The foundational layer of this architecture would consist of a web of bilateral agreements. These could take the form of Memoranda of Understanding (MoUs) on digital economy cooperation or dedicated chapters within broader bilateral trade and investment agreements. Such agreements are politically easier to negotiate and can be tailored to the specific circumstances of the two parties.

These bilateral pacts would serve as testbeds for new governance approaches. They could establish “green lanes” for data flows between trusted partners, create frameworks for mutual recognition of data protection laws, and set up dialogues for regulatory cooperation. For example, China has already signed MoUs on the DSR with numerous countries³⁹. These initial agreements can be gradually deepened to include more specific and binding commitments on cross-border data transfer, modeled on a shared template that embodies the principles of respected sovereignty and development-centricity. This bottom-up approach allows for the gradual accumulation of trust and consensus.

B. Layer 2: Plurilateral “Modules” Inspired by the DEPA Model

The second, and perhaps most crucial, layer is the development of plurilateral agreements among coalitions of the willing within the DSR. The *Digital Economy Partnership Agreement* (DEPA), concluded between Singapore, Chile, and New Zealand, offers an exemplary model⁴⁰. DEPA is not a traditional trade agreement but a “living agreement” composed of flexible, non-binding “modules” covering a wide range of digital economy issues, from cross-border data flows and digital identities to artificial intelligence and fintech⁴¹.

A “DSR-DEPA” or a similar plurilateral instrument could be established, open to all DSR participants. Its key features would be:

³⁹ As of 2023, China had signed DSR cooperation documents with 17 countries and launched the China-ASEAN Initiative on Building a Partnership on Digital Economy Cooperation. See Wang Xiaolin and Lan Song, *supra* note 4, at 51.

⁴⁰ Digital Economy Partnership Agreement, signed at Singapore, Chile, and New Zealand, 11 June 2020.

⁴¹ Cao Cong, Zhang Xuanwu, and Chu Chengxiang, *supra* note 11, at 363, provides a detailed analysis of DEPA’s modular structure and its value as a model.

1. Modularity: Countries could choose which modules to join. A country might initially join the module on e-invoicing and digital trade facilitation, and later, once its domestic legislation is ready, join the more advanced module on cross-border data flows.

2. Open Accession: The agreement would have a clear and open accession process, encouraging new members to join and expand the network. China's formal application to join DEPA in 2021 signals a strong political will to engage with this type of flexible, forward-looking framework⁴².

3. Focus on Interoperability: The DEPA module on cross-border data flows (Module 4) does not impose a single standard. Instead, it focuses on promoting interoperability between different data protection regimes by recognizing that different legal frameworks can provide comparable protection. It explicitly references the APEC Cross-Border Privacy Rules (CBPR) system as a valid mechanism for data transfers, showcasing its acceptance of diverse approaches⁴³. A DSR plurilateral agreement could adopt a similar approach, recognizing a variety of mechanisms as providing "appropriate safeguards."

C. Layer 3: Soft Law Mechanisms and Technical Standardization

The legal frameworks at the bilateral and plurilateral layers must be supported by a third layer of practical, often non-state or multi-stakeholder-driven, "soft law" mechanisms and technical standards. These tools are essential for operationalizing trust and reducing compliance friction for businesses.

1. A DSR Data Transfer Certification System: Drawing inspiration from the APEC CBPR system, DSR participants could jointly develop a certification scheme. Under this system, companies could have their internal data privacy and security policies reviewed and certified by an independent accountability agent. Once certified, a company would be recognized as a trusted data handler, permitting it to receive data from other participating countries⁴⁴. This would create a reliable pathway for data transfers that is based on corporate accountability rather than government-level adequacy decisions, making it more accessible for countries without comprehensive national privacy laws.

2. Standard Contractual Clauses for the DSR: The DSR could develop a set of pre-approved "DSR Model Clauses" for data transfers. These would be sim-

42 Ibid. at 360. China's application was formally submitted in November? 2021.

43 DEPA, Module 4.3(B) on 'Cross-Border Transfer of Information by Electronic Means' states that a Party may adopt or maintain a measure inconsistent with the free flow principle if it is "for the protection of personal information," provided that "the measure is part of a legal framework that provides for the protection of personal information," explicitly recognizing that "different legal frameworks may provide this protection using different approaches." It further states that recognition of mechanisms like the APEC CBPR and SCCs can facilitate transfers.

44 The APEC CBPR system is a well-established example of this approach. For an analysis, see Jane K. Winn, 'The APEC Cross-Border Privacy Rules System: A New Model for Transnational Data Privacy Governance', 49 University of Washington Law Review. 2014. P. 789.

ilar in function to the EU's Standard Contractual Clauses (SCCs) but could be drafted more flexibly to accommodate the legal systems and national security requirements of DSR countries.⁴⁵ These model clauses would provide a ready-made, legally sound instrument for SMEs to use when engaging in cross-border data transfers, significantly lowering legal and compliance costs.

3. Joint Cybersecurity and Law Enforcement Cooperation: Trust in data flows is impossible without trust in the security of data and the rule of law. A crucial part of the architecture would be institutionalized cooperation on cybersecurity threat intelligence sharing, joint incident response, and harmonized procedures for lawful access to data for criminal investigations. This directly addresses the national security concerns that motivate data localization, offering a cooperative alternative based on principles of dual criminality and respect for due process, akin to modernizing Mutual Legal Assistance Treaties (MLATs) for the digital age⁴⁶.

By weaving together these three layers—bilateral foundations, plurilateral modules, and practical soft law tools—the DSR can construct a robust, resilient, and inclusive data governance framework. This polycentric system would be uniquely suited to navigating the complexities of the 21st-century digital world, effectively balancing the imperatives of development, sovereignty, security, and trade in a manner that the existing US and EU models cannot.

V. Navigating Implementation Challenges and China's Role

The transition from a fragmented regulatory landscape to a cohesive, cooperative governance regime is fraught with challenges. Overcoming these hurdles requires not only a sound technical design but also sustained political will, strategic diplomacy, and a proactive and constructive role for the DSR's principal advocate, China.

A. Overcoming Political and Institutional Hurdles

1. Building Trust in a Geopolitically Contested Environment: The DSR, and the Belt and Road Initiative (BRI) more broadly, operates in a complex geopolitical environment characterized by strategic competition. Some external actors perceive the DSR as a vehicle for expanding China's geopolitical influence and promoting a model of "digital authoritarianism."⁴⁷ This narrative

⁴⁵ This aligns with the approach in China's own Measures for the Standard Contract for Exporting Personal Information, which provides a government-approved template for cross-border data transfers. A DSR version would require negotiation and mutual recognition among participating states.

⁴⁶ This need for enhanced MLATs in the digital age is a widely recognized problem. See, e.g., Jennifer Daskal, 'The Un-Territoriality of Data', 125 *Yale Law Journal* (2015), 326. A cooperative DSR approach would be a practical solution to the jurisdictional conflicts highlighted by cases like Microsoft Ireland.

⁴⁷ See, e.g., reports from various Western think tanks that frame the DSR as a tool for exporting surveillance technology and promoting illiberal norms. See, e.g., Jonathan E. Hillman, *The Digital Silk Road: China's Quest to Wire the World and Win the Future* (Harper Business, 2021).

of suspicion can create political headwinds, making potential DSR partners hesitant to align with a China-led governance framework, especially concerning sensitive data. Overcoming this trust deficit is paramount. The proposed framework's emphasis on **transparency, multilateralism, and interoperability** is the primary antidote. China and other DSR participants must ensure that the rule-making process is open and inclusive. Rather than creating an entirely new and closed ecosystem, the DSR framework should actively seek to “dock” with and contribute to existing international norms and platforms, such as the APEC CBPR system and the ASEAN data governance frameworks⁴⁸. By demonstrating a commitment to working within and improving existing multi-stakeholder structures, the DSR can mitigate fears of a bifurcated digital world and build confidence among participating states and global businesses.

2. Harmonizing Divergent National Interests and Legal Traditions:

While the principle of differentiated governance accommodates diversity, achieving functional interoperability still requires a degree of harmonization that can be difficult to attain. DSR countries span a vast spectrum of legal traditions (civil law, common law, Islamic law), political systems, and national priorities. For example, a country prioritizing the attraction of foreign cloud computing investment may favor liberal data flow rules, while a neighboring country concerned with social stability may insist on stronger content moderation and data access rights for its government. The proposed **plurilateral modular approach** is the key to managing this complexity. It allows for “variable geometry” where groups of like-minded countries can move forward on specific issues without being held back by the reservations of others. Furthermore, focusing on **technocratic cooperation** in less politicized areas—such as developing common standards for data security, anonymization techniques, or e-invoicing protocols—can build momentum and create a foundation of practical collaboration. These “small wins” can foster the mutual trust necessary to tackle more contentious issues like lawful government access to data.

B. China's Role: From Participant to Responsible Norm Entrepreneur

China's role in this process is pivotal. As the initiator of the DSR and the world's second-largest digital economy, China possesses the capacity and, arguably, the responsibility to lead the development of this new governance framework. However, this leadership must be exercised with nuance and a commitment to shared governance, positioning China not as a hegemon

⁴⁸ Qin Jian and Cao Mingxia, *supra* note 14, at 45, suggest that China's plan should align with international norms to reduce resistance.

but as a **responsible norm entrepreneur and a provider of international public goods**⁴⁹.

1) Leading by Example through Domestic Governance: China's credibility as a leader in DSR data governance is intrinsically linked to the development and transparent implementation of its own domestic data laws—the Cybersecurity Law (CSL), the Data Security Law (DSL), and the Personal Information Protection Law (PIPL)⁵⁰. This comprehensive legal regime demonstrates China's own efforts to balance national security, economic development, and individual rights. By clearly articulating the scope of its security reviews, refining the mechanisms for cross-border data transfer (such as the standard contract and certification), and ensuring the consistent and predictable application of these rules, China can provide a clear and stable model for other DSR countries. This domestic consolidation serves as a necessary foundation for its international proposals⁵¹.

2) Championing Plurilateralism and Openness: To counter narratives of unilateralism, China should actively champion plurilateral initiatives. Its formal application to join the DEPA is a critical step in this direction and should be pursued with vigor⁵². By joining and helping to shape agreements like DEPA, China can demonstrate its willingness to abide by high-standard, interoperable rules co-created with other nations. Furthermore, China can spearhead the creation of a new, DEPA-inspired plurilateral module specifically for DSR countries, focusing on the unique challenges of development and capacity building.

3) Providing Public Goods: Technical Assistance and Capacity Building: Consistent with the principle of development-centricity, China should institutionalize its role as a provider of public goods to DSR partners. This goes beyond financing physical infrastructure. It means establishing dedicated funds and programs for:

1) Legal and Regulatory Assistance: Helping DSR countries draft modern data protection and cybersecurity laws that are interoperable with international standards.

49 The concept of a “norm entrepreneur” was developed by Martha Finnemore and Kathryn Sikkink, ‘International Norm Dynamics and Political Change’, 52(4) International Organization (1998), 887. The idea of China as a provider of “international public goods” is a central theme in Xie Zhuojun and Yang Shudong, supra note 5, at 73.

50 These are the three pillars of China's data governance regime: the Cybersecurity Law of the People's Republic of China (2017), the Data Security Law of the People's Republic of China (2021), and the Personal Information Protection Law of the People's Republic of China (2021).

51 Yang Song and Wang Mi, supra note 2, at 98-99, argue that perfecting China's domestic system is a prerequisite for its international engagement.

52 Cao Cong, Zhang Xuanwu, and Chu Chengxiang, supra note at 11, 366-368, strongly advocate for China's accession to DEPA as a strategic move to shape global digital trade rules.

2) **Human Capital Development:** Creating training centers and academic exchanges focused on data governance, cybersecurity, and digital forensics for officials, judges, and technicians from DSR countries⁵³.

3) **Technological Solutions:** Sharing best practices and open-source technologies for data security, privacy-enhancing technologies (PETs), and secure data-sharing platforms.

By framing its leadership in these terms—as a responsible stakeholder contributing to a more equitable and functional global order—China can effectively build the coalition required to realize the DSR’s data governance ambitions.

Conclusion: Co-Creating the Rules for a Shared Digital Future

The proliferation of data has opened a new frontier for international cooperation and competition. The cross-border flow of this vital asset is currently governed by a fragmented patchwork of conflicting rules, dominated by the market-driven American model and the rights-centric European model. This article has argued that neither paradigm is suitable for the diverse and development-focused constellation of nations participating in the Digital Silk Road.

The DSR requires a “third way”—a bespoke data governance framework that navigates the complex terrain between data free flow, data protection, and data sovereignty. We have proposed that this framework be built upon the foundational principles of **respected sovereignty and shared governance, differentiated governance and scalability, and development-centricity**. The institutional manifestation of these principles should be a **multi-layered, polycentric architecture** combining flexible bilateral agreements, modular plurilateral pacts modeled on DEPA, and a robust ecosystem of soft law mechanisms like certifications and standard contractual clauses.

This proposed framework is not a call for digital fragmentation or a challenge to the existing order. On the contrary, it is a pragmatic proposal for building bridges—between different legal systems, between varying levels of development, and between the legitimate public policy objectives of security, privacy, and economic growth. It is an architecture designed for interoperability, not isolation.

The construction of this framework is a monumental task that hinges on the active and constructive leadership of China. By acting as a responsible norm entrepreneur, leading by example through its own domestic governance, championing open plurilateralism, and providing crucial public goods in the form of capacity building and technical assistance, China can catalyze the col-

53 Qin Jian and Cao Mingxia, *supra* note 14, at 46, specifically propose creating training mechanisms for BRI countries to learn about China’s data governance experience.

lective action needed to forge this new path.

Ultimately, the project of designing data flow rules for the Digital Silk Road is more than a technical or legal exercise. It is an opportunity to co-create a more inclusive, equitable, and balanced global digital governance order for the 21st century. By prioritizing cooperation over competition and shared development over unilateral advantage, the participants of the DSR can build not only digital infrastructure but also the normative infrastructure of a true community of a shared future in cyberspace.

Список литературы / Bibliography

1. Shiro Armstrong & Peter Drysdale, 'The New Economics of the Digital Silk Road', 22 (3) East Asian Bureau of Economic Research. 2020. P. 1-15.
2. Opinions of the CPC Central Committee and the State Council on Building Basic Systems for Data to Better Play the Role of Data Elements, 2 December 2022.
3. Yang Song and Wang Mi. Model Selection and Value Function of China's Cross-Border Data Flow Regulation, 41(3) Journal of Nantong University (Social Sciences Edition). 2025. P. 92.
4. Chen Yongmei and Zhang Jiao. New Development of International Regulation in Cross-border Data Flow: Dilemma and the Way Forward, 24(6) Journal of SUIBE. 2017. P. 37.
5. Wang Xiaolin and Lan Song. The Cross-border Data Flow Mechanism of the "Digital Silk Road": Logical Framework and Path Selection, Renmin Tribune. 2025. P. 46.
6. Xie Zhuojun and Yang Shudong. Governance Paradigm Innovation for the Utility Obstruction of Cross-border Data Flow Regulation: A Perspective of International Public Goods Supply, Forum of World Economics & Politics. 2023. P. 45.
7. Cai Yacen. The Game of Cross-border Data Flows Rules between the United States and Europe from the Perspective of Data Sovereignty and China's Implications, Journal of International Law. 2025. P. 79.
8. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) [2016] OJ L 119/1.
9. Jiang Jie and Niu Min. A Study on the Logical System of Global Cross-border Data Standardized Governance, Library and Information Service. 2022. P. 18.
10. James Manyika, et al., Digital Globalization: The New Era of Global Flows, McKinsey Global Institute. 2016.
11. Cao Cong, Zhang Xuanwu, and Chu Chengxiang. Key Issues and Development Paths for Aligning China's Digital Trade with DEPA Rules, 24(4) Journal of Zhejiang University of Technology (Social Sciences). 2025. P. 361.
12. Wu Shenkuo. Research on Cross-border Data Flow and Data Sovereignty, 37(5) Journal of Xinjiang Normal University (Philosophy and Social Sciences) (2016), 115.
13. Wang Xiaolin and Lan Song, supra note 4, at 50-51, outlining the development and achievements of the DSR.
14. Qin Jian and Cao Mingxia. "Belt and Road" Initiative: China's Plan for Risk Governance of Cross-border Data Flows, Southwest Finance. 2025. P. 44.
15. Andrew D. Mitchell and Jarrod Hepburn. 'Don't Fence Me in: Reforming Trade and Investment Law to Better Facilitate Cross-border Data Transfer', 19 Yale Journal of Law & Technology. 2017. № 339. P. 355-360.
16. Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership, done at Santiago on 8 March 2018 (entered into force 30 December 2018), Art. 14.11(2) & 14.11(3).
17. Lin Fuchen. A Study on the Extraterritorial Expansion of Foreign Data Law and the Chinese Paradigm, 51(3) Sichuan Normal University Journal (Social Sciences). 2024. № 59. 61 p.
18. W. Gregory Voss, 'Cross-Border Data Flows, the GDPR, and Data Governance', 29(3) Washington International Law Journal. 2020. 575 p.
19. General exceptions are a standard feature of international trade law, e.g., GATT Art. XX and GATS Art. XIV.
20. Digital Economy Partnership Agreement, signed at Singapore, Chile, and New Zealand, 11 June 2020.
21. Jane K. Winn, 'The APEC Cross-Border Privacy Rules System: A New Model for Transnational Data Privacy Governance', 49 University of Washington Law Review. 2014. P. 789.
22. Jennifer Daskal, 'The Un-Territoriality of Data', 125 Yale Law Journal. 2015. P. 326.
23. Martha Finnemore and Kathryn Sikkink, 'International Norm Dynamics and Political Change', 52(4) International Organization. 1998. P. 887.

Язан Хирбейк

Соискатель направления подготовки (Политические институты, процессы и технологии)» Политические науки и регионоведение кафедры мировой дипломатии и международного права. Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского.

Хохлышева О.О.

Доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, заведующая кафедрой мировой дипломатии и международного права. Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского.

Геоэкономические стратегии Китая как составляющая его внешней политик

Цель: Данное исследование направлено на понимание геоэкономической стратегии Китая как составляющей его внешней политики в перестройке глобальных властных отношений и усилении доминирующего влияния Китая посредством экономической дипломатии. где экономический подъём Китая усилил его геополитическое влияние и значимость как глобальной сверхдержавы.

Актуальность исследования

В 1990-х годах внешняя политика Китая демонстрировала довольно выжидательный подход, характеризующийся присущей ей осторожностью. В то время мало кто предполагал, что к концу XX века Китай станет седьмой по величине экономикой в мире, а в сфере международной торговли займет четвертое место после США, Японии и Европейского союза

В начале нового тысячелетия, осмысливая свои достижения, руководство страны решило, что Китай должен продолжать умело осуществлять и управлять экономической дипломатией, эффективно использовать существующие экономические рамки и сосредоточиться на создании наиболее благоприятных для себя международных условий, включая установление нового, справедливого международного порядка и развитие стабильной экономической системы [17].

Китай долгое время придерживался позиции «нейтрального игрока», развивая плодотворные двусторонние экономические отношения со

многими странами. Пекин максимально эффективно использовал глобальную арену, воздерживаясь от вмешательства в вопросы за пределами своих границ.

Ожидается, что экономическая мощь Китая будет и дальше расти, укрепляя его позиции как крупнейшего в мире экспортера, часто называемого «мировой фабрикой». По мере расширения его геоэкономического влияния будет расти и его политическое влияние. К 2030 году ожидается, что доля Китая в мировой экономике достигнет уровня, сравнимого с показателями двухвековой давности. Возрождение «прекрасной нации», основанной на принципах социализма с китайской спецификой, имеет первостепенное значение для страны [1].

Хотя экономический аспект играет решающую роль в разжигании международных конфликтов, именно экономическая конкуренция на зарубежных рынках, направленная на сокращение избыточного производства и первичных ресурсов, вносит существенный вклад в развитие международного сотрудничества, которое считается одним из краеугольных камней внешней политики Китая.

Руководство Китая уделяет приоритетное внимание укреплению своих международных отношений экономическими средствами, рассматривая это как важнейший аспект внешней политики страны и основу для её развития и роста. В последнее время внешняя политика Китая заметно расширила своё экономическое влияние за счёт инновационных инициатив и укрепления экономических связей с различными странами [5, с. 216].

В этом контексте Си Цзиньпин твёрдо убеждён, что использование геоэкономики в эпоху неолиберализма представляет собой оптимальный подход к государственному управлению для усиления мягкого геополитического влияния в глобальном масштабе, что позволит Китаю переосмыслить как региональный, так и глобальный порядок в свою пользу.

Предпочтение Си Цзиньпина геоэкономике имеет множество причин. Луттвак утверждает, что Китай понимает, что чрезмерный акцент на военной мощи или агрессивной политике приведёт к увеличению числа противников, которые будут объединяться с США для противодействия растущей угрозе. В этом контексте Китай часто обосновывает свой подъём такими обнадеживающими фразами, как «ответственная держава», и подчеркивает важность участия в решении нормативных вопросов, таких как изменение климата.

Президент Си Цзиньпин заявил, что Китай продолжает придерживаться мирного подъёма и развития. Кроме того, он представил новые

лозунги, связанные с китайской мечтой, включая концепцию общего будущего для человечества и глобальную структуру управления, гарантируя, что Китай не будет восприниматься как имперская держава на фоне своих явных амбиций на глобальное лидерство.

Наиболее важные геэкономические стратегические элементы внешней политики, как их описал Си Цзиньпин, можно суммировать в четыре направления: стратегия экспансии, стратегия периферии, инициатива «Один пояс, один путь» и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, с целью продвижения и укрепления глобального экономического влияния Китая в контексте его стремления к региональному и глобальному лидерству [3, с. 352-354].

Инициатива «Один пояс, один путь»

Инициатива «Один пояс, один путь» (ИОП) должна рассматриваться в более широком контексте изменений в китайской политике, которые охватывают как ощутимые экономические факторы, так и неоднозначные геополитические амбиции. Инициатива часто рассматривается как средство расширения влияния Китая и повышения позиций Пекина в мировом сообществе, что считается основными целями ИОП [14].

Глобальная экономическая инициатива, состоящая из двух компонентов: сухопутного, известного как «Пояс», и морского, известного как «Один пояс-один путь», получила название программы «Один пояс-один путь».

Эта инициатива сохраняла название «Один пояс-один путь» до 2016 года, когда она была переименована в «Экономический пояс Шелкового пути» и впоследствии получила широкую огласку в китайских СМИ [8].

Инициатива «Один пояс-один путь» (BRI) представляет собой важную тему в мировой политике, особенно в контексте внешней политики Китая, учитывая конкуренцию между США и Китаем в Юго-Восточной Азии и Индийском океане [6, с. 3].

Инициатива «Один пояс-один путь» (опоп) с политической точки зрения включает два основных компонента: Экономический пояс Шелкового пути и Морской Шелковый путь XXI века [7].

«Новый Экономический пояс Шелкового пути» призван связать центральный и западный Китай с Центральной и Восточной Азией, простираясь до Центральной и Западной Европы через Средиземное море. Это будет достигнуто за счёт развития автомобильных и железнодорожных магистралей, информационно-коммуникационных технологий и энерге-

тической инфраструктуры, а также укрепления экономической взаимозависимости и двусторонних отношений со стратегическими партнёрами, расположенными вдоль маршрута [12].

Новый морской шелковый путь призван связать южный Китай с Южной Азией, Тихим океаном, Ближним Востоком и различными африканскими странами (включая Восточную, Юго-Восточную и Северную Африку) через Индийский океан и Красное море, простираясь до Западной Европы через Средиземное море. Эта инициатива представляет собой Новый экономический шелковый путь [10]. Этот проект служит внешнеэкономическим коридором для Китайской Народной Республики и является важным аспектом её внешней политики. Он направлен на улучшение региональной обстановки экономическими средствами, содействие интеграции между Азией и Евразией и продвижение возможностей развития [13].

Стратегия экспансии

Действительно, китайская политика «выхода за рубеж» изначально была направлена на создание группы крупных государственных предприятий, которые бы стали национальными лидерами на международных рынках, при поддержке и финансовой помощи со стороны центрального правительства. для этого активно поощрялись прямые иностранные инвестиции, особенно в развитие инфраструктуры.

Эта стратегия, известная как «выход за рубеж» (*zhu chukou*), активно продвигалась в развивающихся странах, что побудило Китай делиться своим опытом в области развития с этими странами, уделяя особое внимание инвестициям в инфраструктуру в последние десять лет участие Китая в развитии развивающихся стран стало очевидным в странах Африки к югу от Сахары и Латинской Америки [20].

Например, примечательным примером служит ангольская модель: двустороннее соглашение между Китаем и Анголой, позволяющее Китаю получить доступ к природным ресурсам Анголы в обмен на развитие инфраструктуры.[19] Си Цзиньпин ясно дал понять о своём желании проецировать растущую материальную и политическую мощь Китая в региональное и глобальное управление. Эти усилия, о чём свидетельствует усиление взаимодействия Китая с развивающимися странами с начала 2000-х годов, уже начались в рамках политики «выхода».

Администрация Си Цзиньпина уделяет больше внимания Азии, о чём свидетельствует рост Азиатского банка инфраструктурных инвестиций.

Опираясь на собственный опыт и траектории развития, китайское руководство подчёркивает важность развития инфраструктуры как краеугольного камня экономического роста и индустриализации.

На начальном этапе инициативы по открытости Китая в 1990-х и начале 2000-х годов акцент делался на «перемещение бизнеса». Однако в настоящее время фокус сместился на «перемещение промышленности», которая в основном сосредоточена на относительно конкурентоспособных секторах, таких как инфраструктура, включая железные дороги, автомагистрали и портовое строительство. Этот сдвиг в сторону «перемещения промышленности» частично решает растущую проблему избыточных производственных мощностей [20].

В отличие от первого этапа политики открытости, который в значительной степени характеризовался участием крупных государственных предприятий, пересмотренный подход способствует привлечению частных инвестиций в зарубежную инфраструктуру. Это призвано стимулировать «промышленную открытость» посредством государственно-частного партнёрства. Ожидается, что Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) будет выступать в качестве механизма мобилизации различных ресурсов, включая частный капитал, для финансирования инфраструктурных проектов, тем самым в конечном итоге способствуя будущему экономическому росту Китая [4].

Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ)

Китай основал Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Новый банк развития (НБР) группы БРИКС для оказания финансовой помощи в реализации своей амбициозной инициативы «Один пояс, один путь», а также для развития инфраструктуры в Азии. Владея 31 % акций АБИИ и 40 % акций НБР, Китай обладает большим влиянием, чем любой другой член группы. В результате Китай может диктовать правила и положения этих финансовых институтов, создавая тем самым новый путь для усиления своего экономического влияния как на региональном, так и на глобальном уровне.

Его членство расширилось до 106 стран, включая нескольких главных союзников США, в том числе Великобританию, Южную Корею и Австралию. Это развитие соответствует стремлению Китая взять на себя большую международную ответственность. Президент Си Цзиньпин рассматривает Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) как конструктивный шаг вперёд в укреплении международной экономиче-

ской структуры и предоставлении глобальных общественных благ. По мере обострения соперничества за влияние и авторитет между Китаем и Соединёнными Штатами Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) играет решающую роль. Он является основополагающим элементом стратегической повестки дня Китая, стремясь укрепить свой статус региональной державы в сфере безопасности и видным глобальным игроком [18].

АБИИ является элементом более широкой китайской стратегии, известной как «институциональное противодействие» – создание и использование институтов для смягчения американского влияния. Этот банк представляет собой «предварительный шаг к будущему миру, где Китай станет грозным конкурентом Соединённых Штатов в различных секторах международной системы».

Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) «представляет собой двойной вызов доминированию Соединённых Штатов в мировой экономике, а также институциональным (и идеологическим) основам американской гегемонии» [11].

Оно может выступать в качестве финансового провайдера для китайских компаний, работающих за рубежом. В то же время это учреждение становится катализатором укрепления связей между Китаем и другими государствами-членами по различным геоэкономическим каналам [5, с. 216].

Стратегия периферии

В течение длительного периода после окончания холодной войны южная часть Тихого океана рассматривалась западными державами как геоэкономическая и геополитическая «захолустье». Однако в последние годы ситуация изменилась; острова теперь являются неотъемлемой частью китайской инициативы «Один пояс-один путь» (BRI) и имеют важное значение для стратегии США по созданию свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона. Одновременно с этим, страны региона занимают более активную позицию в этом районе из-за усиления геостратегического соперничества. По мере того, как глобальное внимание переключается на Индо-Тихоокеанский регион, южнотихоокеанская часть приобретает всё большее значение в экономическом, политическом и стратегическом плане [15, с. 18-19].

Китай работает в соответствии со своей геоэкономической стратегией, чтобы не допустить установления более тесных связей тихоокеанских островных стран со своими стратегическими конкурентами, особенно с

США. Для Пекина эти острова рассматриваются с точки зрения стратегических интересов, а отношения с ними оцениваются через призму геополитики [9] в рамках своей экономической политики Китай предоставляет малым островным государствам кредиты на сотни миллионов долларов – кредиты, которые они явно не в состоянии погасить, – с целью превратить экономические зависимости в геополитические преимущества. Эта китайская геоэкономическая активность значительно расширила региональное влияние Пекина [16].

Китайские инвестиции в различные островные государства Тихого океана свидетельствуют о значительном росте экономического влияния Китая в регионе. Эти инвестиции, как правило, сосредоточены на ключевых инфраструктурных проектах, таких как порты и дороги, которые не только укрепляют местный экономический потенциал, но и усиливают стратегическую роль Китая как важного участника региональных торговых сетей. Экономическое значение тихоокеанских островов обусловлено их обширными исключительными экономическими зонами, природными ресурсами и растущим экономическим потенциалом.

Стратегический подход Китая в Тихоокеанском регионе соответствует его более широким геополитическим целям, особенно благодаря таким важным инициативам, как «Один пояс, один путь» и «Глобальная инициатива безопасности». Эти инициативы служат основой для усилий Китая по усилению своего влияния за счёт укрепления экономических, политических и безопасностных связей с островными государствами Тихого океана [2].

Методология

В исследовании использовался описательный подход для определения важности геоэкономической составляющей во внешней политике Китая и анализа ключевых инструментов, используемых в рамках комплексной стратегии для укрепления позиций Китая как влиятельной державы в международной системе.

Результат

– ИОП знаменует собой «эру геоэкономики», в которой национальные интересы в первую очередь определяются экономическими соображениями, что впоследствии способствует восхождению к гегемонии в экономической сфере. Это развитие ещё больше укрепляет политические амбиции и цели, позволяя приобретать политическое влияние.

– Инициатива «Один пояс, один путь» (ИОП) обеспечивает Китаю своего рода «стратегическую глубину», которая не только функционирует как экономический центр силы, но и трансформирует геополитический ландшафт, бросая вызов существующему мировому порядку. Благодаря ИОП формируется более ориентированная на Китай международная структура, в которой страны глобального Юга играют значительную роль, бросая вызов устоявшейся западной гегемонии.

– Стратегия «выхода» (Zouchu zhanlüe) обеспечила основу для стимулирования китайских компаний к выходу на развивающиеся рынки, используя государственную поддержку и масштабные субсидии. Инициатива «Один пояс, один путь» стала продолжением этой стратегии, помогая Пекину создать глобальную систему морской торговли, отвечающую его стратегическим интересам.

– Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) был создан как попытка противостоять этой гегемонии, нацеленная на международную финансовую структуру и доминирование Соединённых Штатов в ней. Однако, с учётом нескольких неожиданных присоединившихся к банку европейских демократий – несмотря на противодействие США это учреждение постепенно стало неотъемлемой частью существующей международной финансовой архитектуры.

В этом смысле Азиатский банк инфраструктурных инвестиций демонстрирует прагматичный и интерактивный подход Китая к многосторонним институтам, способствующим реализации его стратегии открытия внешнему миру, которая длится уже более двух десятилетий.

– Геополитическое положение Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе и его экономические возможности способствуют формированию альтернативного международного порядка, центром которого является Китай, где Китай сочетает конструктивный и принудительный подходы для защиты своих национальных интересов.

Обсуждение

Был сделан вывод, что экономическая география является основным фактором, «направляющим китайское влияние (как региональное, так и глобальное) в сторону целенаправленных экономических целей, а не военных или политических устремлений».

Геоэкономика стала ключевым элементом внешней политики Китая. Китай стремится поддерживать экономику политическими средствами, одновременно добиваясь политического влияния через экономические каналы.

В своей глобальной стратегии Китай занимает крайне прагматичную позицию. Эта стратегия способствовала расширению его глобального экономического влияния, что, в свою очередь, укрепило участие Китая в ключевых стратегических отраслях мировой экономики, включая нефтегазовую и транспортную, тем самым значительно повысив его...

«Геоэкономика взаимовыгодна». Для содействия общему развитию крайне важно рассматривать взаимовыгодное сотрудничество как основополагающий принцип создания новой глобальной экономической структуры, подчёркивая взаимные преимущества и выгодные экономические результаты. Необходимо создать и укрепить многостороннюю торговую систему и международную финансовую систему, участвовать во всесторонних региональных экономических партнёрствах, эффективно решать экономические и торговые конфликты и конкуренцию с развивающимися странами, активизировать международные дискуссии и сотрудничество в энергетической сфере, оказывать помощь развивающимся странам и расширять энергетический сектор.

Заключение

Геоэкономика представляет собой новый метод участия стран в силовой политике в геостратегическом контексте, в частности, путём использования экономической мощи. Эта концепция, как реальность и практика внешней политики заставила некоторые страны мира проводить стратегию с экономическим измерением. в своих отношениях с другими странами, и среди этих стран Китай, принявший Экономическую стратегию.

Обоснование этого подхода заключается в том, что геоэкономика исследует основы экономической власти в различных географических контекстах, признавая, что специфические географические особенности мест и регионов не только определяют распределение власти между странами, но и влияют на международные отношения и внешнюю политику.

Например, геоэкономика показывает, как региональная держава использует экономические активы для утверждения доминирования над определённым географическим регионом или для создания своей сферы влияния.

Геоэкономика переосмыслила реалистические принципы или значение традиционной геополитики, включив в неё экономические инструменты и обновлённое или расширенное понимание географического контекста. Экономическая география превратила геополитику в новый

стратегический аспект.

Стремление Китая к глобальному доминированию также устанавливает собственные правила в международных отношениях. Следовательно, обеспечение стабильности как на региональном, так и на глобальном уровнях имеет первостепенное значение. Способность Китая получить международное признание не обязательно означает, что он будет проводить экспансионистские стратегии.

Список литературы:

1. Агеев А.И., Кабирова Л.И. «Геоэкономический имидж Китая», Журнал «Свободная мысль», 2023 // URL: <https://2u.pw/pHsp7> (Дата обращения: 29.01.2026)
2. Аль-Хелуо Ахмед Аль-Сайед: Стратегии Китая на островах Тихого океана, 5 мая 2025 г. // URL: <https://2cm.es/1pJ0> (Дата обращения: 29.01.2026).
3. Альмуджим Н.С. «Геоэкономическое значение стран Персидского залива для геополитических целей Китая, Обзор экономики и политических наук», том 6, выпуск 4. 10 ноября 2021 г., стр. 352,353.354, Кувейтский университет, город Эль-Кувейт, Кувейт. // URL: <https://2u.pw/XWATt4CD> (Дата обращения: 29.01.2026).
5. Андерлини, Джамиль. 2016. «Поворот с FT: Цзинь Лицзюнь». Financial Times (22 апреля)
6. Асгархани Абу Мохаммад, Гахрамани Мохаммад Джавад, Хаджат Мостафа Гадери; «Геоэкономический анализ внешней политики Китая. Ежеквартальный журнал «Геополитика», зима 2019. Том 14. № 4. С. 216. // URL: <https://bit.ly/40jqyOV> (Дата обращения: 29.01.2026).
7. Цай Питер: «Понимание китайской инициативы «Один пояс, один путь»», Институт международной политики Лоуи (март 2017 г.): Стр. 3. // URL: <https://bit.ly/3jNf0Qi> (Дата обращения: 29.01.2026).
8. Касагранде Сара * и Даллаго Бруно, «Картирование: Китайская инициатива «Один пояс, один путь» в Европе: развитие и вызовы», Департамент экономики и менеджмента, Университет Тренто, Тренто, 38122, Италия, 19 октября 2025 г. // URL: <https://2u.pw/bvdLT> (Дата обращения: 29.01.2026).
9. Китайско-британский деловой совет: «Один пояс, один путь: роль Великобритании в развитии новой китайской инициативы». Архив: 13.07.2017 на Wayback Machine // URL: <https://bit.ly/40GPlxN> (Дата обращения: 29.01.2026).
10. Дэнхуа Чжан: Китай пересматривает свою стратегию в Тихоокеанском регионе, 3 ноября 2022 г. // URL: <https://bit.ly/3p1wP4G> (Дата обращения: 29.01.2026).
11. Хелекс Кайембе орсид, Юньцзянь Линь, Лазарус Обед Ливингстон БандаЗорсид, Коллин Мбути4орсид, Джордж Н. Чидимба Мунтали5орсид, январь 2021 г. // URL: <https://bit.ly/3jJed7l> (Дата обращения: 29.01.2026).
12. Кая Айше, Килби Кристофер, Кей Джонатан, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций как инструмент китайского влияния? Дополнительный против корректирующего многостороннего подхода, World Development, том 145, сентябрь 2021 г., 105531 // URL: <https://2cm.es/1np1N> (Дата обращения: 29.01.2026).
13. Хан С., Евразийская взаимосвязь: интересы региональных и великих держав, Вестник Московский Университет дружбы народов. Серия: Международные отношения, 2022. Том 22. № 1 // URL: <https://2u.pw/du7ml> (Дата обращения: 29.01.2026).
14. Киреева Анна Андреевна: «Инициатива «Пояс и путь: содержание, цели и значение», МГИМО Университет. 2018 // URL: <https://bit.ly/40w7JZ2> (Дата обращения: 29.01.2026).
15. Минцзян Ли: Инициатива «Один пояс, один путь»: геоэкономика и конкуренция в области безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе, Международные отношения, Том 96, Выпуск 1, январь 2020 г. // URL: <https://bit.ly/3LDiDb3> (Дата обращения: 29.01.2026).
16. Прагья Пандей: Китай и южный тихий океан: Разворачивающиеся геополитические сдвиги в регионе, февраль 2023. С. 18-19 // URL: <https://2u.pw/ZQqwv> (Дата обращения: 29.01.2026).
17. Стремление к центральному положению в Индо-Тихоокеанском регионе: геоэкономическая стратегия Китая на островах Тихого океана, 12.12.2018, // URL: <https://n9.cl/vwjrj> (Дата обращения: 29.01.2026).
18. Алексей Валерьевич Седунов: «Внешнеполитическая стратегия Китая на рубеже XX и XXI веков», Забайкальский государственный университет, Электронный научно-практический журнал «Политика, государство и право» // URL: <https://2cm.es/1npkR> (Дата обращения: 29.01.2026).
19. Ирфан У.И. Хак: Геоэкономика Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Всемирный банк 2.0?, Университет науки и технологий Персидского залива, Выпуск 5 // URL: <https://2u.pw/VCfd1> (Дата обращения: 1.02.2026).
20. Ёсикава Сумие: Китай и Ангола: от новаторской «ангольской модели» к «новым» отношениям, Экономика

ка, политика и международные отношения, 25 ноября 2024 г. // URL: <https://2u.pw/Nnqn2> (Дата обращения: 29.01.2026).

21. Юкён Ё: Политика Китая «выхода за рубеж» 2.0: идеи, интересы и рост Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Корейский журнал международных исследований, 2018. № 16 (3). С. 367-387. // URL: <https://2u.pw/Ivg8Z> (Дата обращения: 29.01.2026).

22. Шевцов В.В., Радченко Р.В. Цифровая идентичность и формирование новых социокультурных паттернов в условиях учхоза «Кубань» // Альманах «Крым». 2025. № 49. С. 103-110.

Bibliography

1. Ageev A.I., Kabirova L.I. "China's Geoeconomic Image", Free Thought Magazine, 2023 // URL: <https://2u.pw/pHsp7> (29.01.2026)
2. Al-Helou Ahmed Al-Sayed: China's Strategies in the Pacific Islands, May 5, 2025 // URL: <https://2cm.es/1ipJo> (29.01.2026).
3. Almuji N.S. "The Geoeconomic Importance of the Persian Gulf Countries for China's Geopolitical Objectives, Review of Economics and Political Science", Volume 6, Issue 4. November 10, 2021, p. 352,353,354, Kuwait University, Kuwait City, Kuwait. // URL: <https://2u.pw/XWATt4CD> (29.01.2026). (29.01.2026).
5. Anderlini, Jamil. 2016. "Turning with the FT: Jin Liqun." Financial Times (22 April)
6. Asgharkhani, Abu Mohammad, Ghahramani, Mohammad Javad, Hajat, Mostafa Ghaderi; "A Geoeconomic Analysis of China's Foreign Policy." Geopolitics Quarterly, Vol. 14. № 4. Winter 2019. 216 p. // URL: <https://bit.ly/40jqyOV> (29.01.2026).
7. Tsai, Peter: "Understanding China's Belt and Road Initiative," Lowy Institute for International Policy (March 2017): p. 3. // URL: <https://bit.ly/3jNf0Qi> ((29.01.2026).
8. Casagrande Sara * and Dallago Bruno, "Mapping: China's Belt and Road Initiative in Europe: Developments and Challenges", Department of Economics and Management, University of Trento, Trento 38122, Italy, 19 October 2025 // URL: <https://2u.pw/bvdLT> (29.01.2026).
9. China-Britain Business Council: "One Belt, One Road: The UK's Role in Developing China's New Initiative". Archived: 13.07.2017 on the Wayback Machine // URL: <https://bit.ly/40GPlxN> (29.01.2026).
10. Denghua Zhang: China Rethinks Its Pacific Strategy, 3 November 2022 // URL: <https://bit.ly/3p1wP4G> (29.01.2026).
11. Helex Kayembe orsid, Yunjian Lin, Lazarus Obed Livingstone Banda3orsid, Colleen Mbugi4orsid, George N. Chidimba Muntali5orsid, January 2021 // URL: <https://bit.ly/3jJed71> (29.01.2026).
12. Kaya Ayse, Kilby Christopher, Kay Jonathan, The Asian Infrastructure Investment Bank as an Instrument of Chinese Influence? Complementary versus Corrective Multilateralism, World Development, vol. 145, September 2021, 105531 // URL: <https://2cm.es/1np1N> (29.01.2026).
13. Khan S., Eurasian Interconnection: Interests of Regional and Great Powers, Bulletin of Peoples' Friendship University of Moscow. Series: International Relations, 2022. Vol. 22. № 1 // URL: <https://2u.pw/du7ml> (29.01.2026).
14. Kireeva Anna Andreevna: "The Belt and Road Initiative: Content, Goals, and Significance", MGIMO University. 2018 // URL: <https://bit.ly/40w7JZ2> (29.01.2026).
15. Minjiang Li: The Belt and Road Initiative: Geoeconomics and Security Competition in the Indo-Pacific Region, International Relations, Vol. 96, Issue 1, January 2020 // URL: <https://bit.ly/3LDiDb3> (29.01.2026).
16. Pragma Pandey: China and the South Pacific: Unfolding Geopolitical Shifts in the Region, February 2023. P. 18-19 // URL: <https://2u.pw/ZQqw> (29.01.2026).
17. Striving for Centrality in the Indo-Pacific Region: China's Geoeconomic Strategy in the Pacific Islands, 12.12.2018, // URL: <https://n9.cl/vwjri> (29.01.2026).
18. Aleksey Valerievich Sedunov: "China's Foreign Policy Strategy at the Turn of the 20th and 21st Centuries", Transbaikalian State University, Electronic Scientific and Practical Journal "Politics, State and Law" // URL: <https://2cm.es/1npkR> (29.01.2026).
19. Irfan W.I. Haque: Geoeconomics of the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB). World Bank 2.0?, Gulf University of Science and Technology, Vol. 5 // URL: <https://2u.pw/VCFd1> (1.02.2026).
20. Yoshikawa Sumiyo: China and Angola: From the Pioneering "Angola Model" to a "New" Relationship, Economics, Politics and International Relations, 25 November 2024 // URL: <https://2u.pw/Nnqn2> (29.01.2026).
21. Yukyung Yeo: China's "Going Out" Policy 2.0: Ideas, Interests, and Rise of the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB), Korean Journal of International Studies, 2018, № 16 (3). P. 367-387. // URL: <https://2u.pw/Ivg8Z> (29.01.2026).
22. Shevtsov V.V., Radchenko R.V. Digital identity and the formation of new socio-cultural patterns in the conditions of the Kuban agricultural enterprise // Almanac "Crimea". 2025. № 49. P. 103-110.

Гребенищикова Е.А.

Студент, бакалавр.

Владивостокский государственный университет, Владивосток.

Чернышов Т.А.

Студент, бакалавр.

Владивостокский государственный университет, г. Владивосток.

Совместные образовательные проекты России и Китая как элемент большого евразийского партнерства

Введение

Россия и Китай являются стратегическими партнерами, активно развивающими взаимодействие не только в экономике, но и в науке и образовании. Несмотря на обилие публикаций о совместных инфраструктурных и торговых проектах, вопрос двустороннего образовательного сотрудничества рассматривается сравнительно редко. Между тем образовательные обмены и программы обладают важным потенциалом интеграции и формирования «мягкой силы» обеих стран [10, с. 1]. Как отмечается в исследованиях, развитие совместных образовательных программ вызывает «большой интерес педагогического сообщества» и рассматривается как средство повышения качества подготовки специалистов [2, с. 93]. Президент России В. Путин подчеркнул, что Россия и Китай проведут в 2026–2027 годах «перекрестные» Годы образования, а численность учащихся из стран-партнеров в вузах уже достигает десятков тысяч (более 51 тыс. китайских студентов в РФ и 21 тыс. российских – в КНР) [6]. Это отражает практическую актуальность темы и способствует интеграции образовательных систем в рамках перспективного Большого Евразийского партнерства [3, с. 153].

Вместе с тем существующие исследования указывают на значительные сложности реализации этих программ. Так, Гурулева (2018) выявляет законодательную неопределенность термина «совместная образовательная программа», сложности с лицензированием и аккредитацией таких курсов, а также асимметрию в обменных образовательных потоках [2, с. 98]. Анализ научной литературы показывает недостаточность ра-

бот, рассматривающих образовательное сотрудничество России и Китая в контексте евразийской интеграции и soft power. В данной статье ставится задача выявить современные тренды и пробелы в этой сфере, продемонстрировать конкретные примеры и оценить их значение для научной и практической повестки, а также обозначить перспективы дальнейших исследований и внедрения.

Материалы и методы

Исследование основано на сравнительном и системном анализе научной литературы, официальных документов и новостных публикаций по теме российско-китайского образовательного взаимодействия. В качестве исходного материала использованы отечественные и зарубежные публикации за последние 5-7 лет, включая статьи из международных баз данных (например, Хань Сьюй 2024) и материалы официальных СМИ. Анализ дополняют примеры конкретных проектов (объявлений, соглашений и интервью руководителей вузов и государственных деятелей), отражающих практику двусторонних программ. Такой подход позволяет выявить не только текущую картину сотрудничества, но и проблемы его реализации, а также соотнести их с политико-экономическим контекстом Большого Евразийского партнерства.

Результаты и обсуждения

Современные совместные образовательные инициативы. В последние годы Россия и Китай активно развивают программы двустороннего образования: открываются российско-китайские институты и факультеты, а также зарубежные кампусы. Так, в 2023 г. на Восточном экономическом форуме во Владивостоке Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ) создал первый в России Российско-Азиатский факультет (РАФ) для координации образовательных программ с вузами АТР [9]. РАФ объединяет лидирующие университеты Китая, Индии, Вьетнама и других стран для подготовки специалистов «нового поколения». Программа включает обучение по сквозной схеме (несколько семестров во Владивостоке и у партнеров в Азии) по широкому спектру направлений – от IT и экономики до инженерии и востоковедения [1]. Важной особенностью является ориентация на программы двойных дипломов: подписаны соглашения о запуске магистерских программ «Международные отношения» с Восточно-Китайским педагогическим университетом и с Вьетнамским институтом иностранных языков, «Международный бизнес и

управление проектами» с тайским Национальным институтом управления развитием и др. Ректор ДВФУ Б. Коробец отмечает, что к 2027 г. планируется интегрировать не менее 20 таких программ, что существенно расширит портфель двусторонних программ в вузе.

Другим крупным проектом стало создание Международного университета на базе МГУ в Шэньчжэне (МГУ–ППИ). На его основе российско-китайского кампуса построен комплекс площадью 34 га в стиле «Русского дома», который открылся в 2019 году [5]. Сентябре 2014 года здесь начат набор первых студентов по направлениям биоэкологии и нано-биотехнологий. Обучение ведется на английском (также предусмотрено преподавание на русском и китайском), по окончании студенты получают два диплома – МГУ и китайского партнера. Для подготовки наборного контингента в вузе организован Русский центр для изучения языка, а более половины преподавателей отобраны МГУ. Такой проект демонстрирует прямое вовлечение высоких технологий и международных стандартов в совместное образование.

Важным примером интеграционных инициатив является создание в 2020 г. Китайско-российского Центра евразийских исследований (CREC) на базе Московской школы управления «Сколково» совместно с Гонконгским университетом науки и технологий и Российской экономической школой. Центр задуман как академическая платформа для образовательных программ, совместных исследований и публикаций, а также для расширения академических обменов. Его деятельность направлена на изучение социально-экономических процессов в Евразии, что способствует формированию экспертного сообщества и укреплению научного сотрудничества России и Китая. При этом подобные проекты работают не только в образовательном, но и в культурно-политическом измерении, выполняя функции «мягкой силы» и поддерживая стратегический диалог в рамках Большого Евразийского партнерства [7].

Среди других примеров – совместные институты ДВФУ с китайскими вузами. В сентябре 2025 г. было подписано соглашение об открытии третьего совместного института ДВФУ – Института туристических ресурсов в Ухане (с Педагогическим университетом Центрального Китая). Цель проекта – объединить ресурсы двух вузов для подготовки высококвалифицированных специалистов в сфере туризма на бакалаврском и магистерском уровнях. Ректор ДВФУ подчеркивает, что туризм «является мощным инструментом культурного обмена и взаимопонимания

между народами России и Китая», способствуя укреплению всестороннего партнерства. Аналогично, ранее ДВФУ создал совместный институт информационных технологий с Университетом почты и телекоммуникаций Чунцина и совместный Индустриальный институт биомедицины в Гуанчжоу (в партнерстве с Университетом Синьхуа и бизнес-компанией GeroPharm). Во всех проектах речь идет о создании англоязычных или билингвальных программ, ориентированных на международный рынок труда, и формировании двуязычных специалистов.

Для более наглядного представления динамики и структуры российско-китайского сотрудничества в сфере образования целесообразно рассмотреть ключевые проекты последних лет. Они различаются по формату, географии и числу участников, но в совокупности формируют основу гуманитарного измерения Большого Евразийского партнерства (см. Таблица 1).

Таблица 1. Совместные образовательные проекты России и Китая.

Формат проекта	Пример	Год запуска	Участники	Значение для Большого Евразийского партнерства
Совместный кампус	Филиал МГУ в Шэньчжэне	2017	МГУ, Бэйханьский университет	Символ «институциональной soft power», укрепление статуса России в Китае
Университетский альянс	Ассоциация университетов Дальнего Востока и Северо-Востока Китая	2013	ДВФУ, Хэйлуцзянский университет и др	Развитие приграничного сотрудничества, академическая интеграция регионов
Международный сетевой проект	Университет Шелкового пути (Silk Road University Network)	2015	более 150 вузов (в т.ч. российские)	Встраивание в инициативу «Один пояс – один путь», формирование глобальной сети
Двусторонние программы обмена	Российско-китайские студенческие обмены в сфере инженерии и ИКТ	с 2010-х	более 20 университетов	Подготовка кадров для высокотехнологичных отраслей, укрепление доверия между странами

Представленные данные позволяют выделить несколько закономерностей. Во-первых, вектор сотрудничества смещается от традиционного академического обмена к институционализированным проектам – кам-

пусам и альянсам. Во-вторых, география проектов подчеркивает особую роль Дальнего Востока России как естественного «моста» между странами. В-третьих, образовательное взаимодействие становится важным инструментом мягкой силы, обеспечивающим не только гуманитарное присутствие России в Китае, но и интеграцию России в глобальные инициативы КНР («Один пояс – один путь»).

Таким образом, образовательные проекты можно рассматривать как многослойную систему *soft power*, включающую: институциональный уровень (совместные кампусы); региональный уровень (приграничные университетские альянсы); глобальный уровень (сетевые проекты).

Влияние на интеграцию и «мягкую силу». Совместные образовательные проекты рассматриваются как важный инструмент реализации концепции Большого Евразийского партнерства. Они связывают студентов и ученых из стран ЕАЭС и Китая, способствуя культурному сближению и укреплению доверия. Программа РАФ обеспечивает, например, «обучение в мультикультурной среде», что помогает студентам «приобрести практический опыт работы в двусторонних проектах, развить навыки межкультурной коммуникации и создать профессиональные связи» [8, с. 3]. Это соответствует модельному эффекту «мягкой силы» – формирования позитивного образа страны через образование. Китай, в частности, активно использует образование как инструмент расширения влияния: приоритет финансирования (не менее 4% ВВП) и целевая задача к 2035 г. стать глобальной образовательной державой, большая квота стипендий для иностранных студентов и создание ассоциаций выпускников [4]. По оценкам, к 2023 г. в Китае учатся десятки тысяч россиян (свыше 20 тыс.), а властями Китая избран 1000-местный объем учебных грантов для россиян; эти меры используются как эффективный инструмент «мягкой силы» Поднебесной [4].

Российская сторона, в свою очередь, стремится привлечь иностранных студентов – прежде всего из Китая и азиатских стран. По последним данным, в российских вузах обучается более 50 тыс. студентов из Китая [4]. Российские университеты открывают зарубежные филиалы и русские центры, активизируют обмены. Так, ДВФУ объявляет о планах увеличения контингента иностранных студентов до 8 тыс. к 2036 г. и уже имеет представительства в ряде азиатских стран. Открытие в России совместных институтов с Китаем позволяет транслировать российские образовательные методики за рубеж. Как отмечает Посол России в КНР И. Поздняков, восстановление и рост количества китайских студентов в

России после пандемии демонстрируют взаимную эффективность этой «мягкой силы». В целом международная практика показывает сходные подходы: китайские и российские власти используют государственные программы, гранты и двусторонние проекты как «инструменты мягкой силы» в образовательной сфере.

Обсуждение

Анализ существующих проектов выявляет ряд препятствий. Из известных работ следует, что главные проблемы – законодательные нестыковки (лицензирование, аккредитация, признание дипломов) и организационные сложности (язык преподавания, финансирование, информационная поддержка). Решение этих вопросов требует двусторонней координации. Налицо и «узкое горлышко» в законодательной базе: до сих пор отсутствует единое определение СПОП («совместная образовательная программа») и согласованные правила зачисления и кредитно-модульного обмена. В практической плоскости перспективными выглядят дальнейшая гармонизация образовательных стандартов, расширение сетевых форматов (онлайн, гибридные курсы), а также рост инвестиций – как со стороны государства, так и бизнеса – в российско-китайские образовательные центры. Например, договоренности 2023–2024 гг. о специальных лабораториях и научных центрах (МГУ–Пекинский университет) свидетельствуют о направлении «технологического суверенитета» и совместных мегапроектов в образовании.

Научная новизна представленной работы состоит в комплексном подходе к теме: выявлено, что совместные учебные проекты не только способствуют обмену знаниями, но и служат элементом формирования общих евразийских образовательных стандартов. С практической точки зрения наше исследование показывает, что расширение двусторонних программ приносит конкретные выгоды – подготовку конкурентоспособных специалистов и усиление soft power обеих сторон – что должно быть учтено при формировании образовательной политики.

Заключение

Совместные образовательные проекты России и Китая представляют собой перспективный компонент Большого Евразийского партнерства, воплощающий социально-культурную сторону интеграции. Как показано в работе, примеры из практики – от Российско-Азиатского факультета ДВФУ до кампуса МГУ в Шэньчжэне – демонстрируют рост интереса к

совместным программам и их многоотраслевой охват. Эти инициативы решают практически ориентированные задачи: они готовят специалистов с интегрированными компетенциями, укрепляют межкультурные связи и наполняют стратегию сотрудничества конкретным содержанием. Вместе с тем выявлены «узкие места» реализации (правовые барьеры, неравенство потоков), которые требуют устранения через скоординированные меры.

В перспективе целесообразно активнее использовать потенциал таких проектов для устойчивой интеграции. В практическом плане это означает: увеличение инвестиций в совместные образовательные инфраструктуры, формализацию обменных программ (напр., проекты приуроченные к Году образования 2026–27), усиление языковой подготовки участников и расширение вовлечения бизнеса в финансирование.

Для науки открываются новые темы исследований: оценка эффекта таких программ на развитие экономик регионов, изучение динамики международной мобильности студентов и разработка методик оценки soft power от образования. Устранение выявленных недостатков и дальнейшее развитие совместных образовательных инициатив усилит вклад России и Китая в формирование единого евразийского академического пространства и повысит конкурентоспособность их систем образования на мировом уровне.

Список литературы:

1. Дальневосточный федеральный университет. ДВФУ укрепляет партнерство с Китаем: третий Совместный институт откроется в Ухане. 3.09.2025. // URL: https://www.dvfu.ru/news/fefu-news/dvfu_ukreplyaet_partnerstvo_s_kitaem_tretiy_sovmestnyy_institut_otkroetsya_v_ukhane/.
2. Гурулева Т.Л. Совместные образовательные программы России и Китая: состояние и проблемы реализации // Высшее образование в России. 2018. № 12. С. 93-103.
3. Гурулева Т.Л. Интеграция России в образовательное пространство АТР (на примере образовательного сотрудничества с КНР) // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2015. № 4. С. 147-158.
4. Поздняков И.В. Российско-китайское сотрудничество в области образования – взаимовыгодная проекция «мягкой силы» // Международная жизнь. 2025. № 7.
5. Портал China. Станислав. Международный университет в Шэньчжэне на базе МГУ им. Ломоносова (история создания). 13.02.2024. // URL: <https://www.portalchina.ru/articles/otkrytie-mezhdunarodnogo-universiteta-mgu-zhenzhen>.
6. РБК. Россия и Китай проведут в 2026–2027 годах «перекрестные» Годы образования. 30.08.2023. // URL: <https://www.rbc.ru/politics/30/08/2025/68b2341c9a79474e53ee8bab>
7. Сколково. Россия и Китай запускают совместный Центр евразийских исследований. 15.12.2020. // URL: <https://www.skolkovo.ru/news/rossiya-i-kitaj-zapuskeyut-sovmestnyj-centr-evrazijskih-issledovaniy>
8. Садловская М. В. Сотрудничество РФ и КНР в сфере образования: современное состояние и перспективы развития // МНИЖ. 2024. № 4 (142). С. 1-6.
9. TASS. Первый в РФ Российско-Азиатский факультет открылся на площадке Х ВЭФ. 3.09.2023. // URL: <https://tass.ru/obschestvo/24941177>.
10. Чжан Хао Образовательное сотрудничество Китая и России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 1-4 (100). С. 88-91.
11. Текеев С.О. Становление промышленной разработки свинцово-серебряных руд в верховьях Кубани во

второй половине XIX века // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 83-88.

12. Гончарова Н.А., Бобров А.Д., Панаев И.А., Хронова И.А. Роль и структура налоговых отчислений в комплексной оценке расходов компании на персонал // Альманах «Крым». 2025. № 49. С. 54-62.

Bibliography

1. Far Eastern Federal University. FEFU Strengthens Partnership with China: Third Joint Institute to Open in Wuhan. September 3, 2025. // URL: https://www.dvfu.ru/news/fefu-news/dvfu_ukreplyaet_partnerstvo_s_kitaem_tretyi_sovmestnyy_institut_otkroetsya_v_ukhane/.
2. Guruleva T.L. Joint Educational Programs of Russia and China: Status and Implementation Challenges // Higher Education in Russia. 2018. No. 12. pp. 93-103.
3. Guruleva T.L. Russia's Integration into the Asia-Pacific Educational Space (Based on Educational Cooperation with China) // RUDN University Bulletin. Series: International Relations. 2015. № 4. P. 147-158.
4. Pozdnyakov I.V. Russian-Chinese Cooperation in Education: A Mutually Beneficial Projection of "Soft Power" // International Affairs. 2025. № 7.
5. China Portal. Stanislav. Shenzhen International University based at Lomonosov Moscow State University (history of creation). 13.02.2024. // URL: <https://www.portalchina.ru/articles/otkrytie-mezhdunarodnogo-universiteta-mgu-zhenzhen>.
6. RBC. Russia and China will hold "cross" Years of Education in 2026-2027. 30.08.2023. // URL: <https://www.rbc.ru/politics/30/08/2025/68b2341c9a79474e53ee8bab>
7. Skolkovo. Russia and China launch a joint Center for Eurasian Studies. 12/15/2020. // URL: <https://www.skolkovo.ru/news/rossiya-i-kitaj-zapuskayut-sovmestnyj-centr-evrazijskih-issledovanij>.
8. Sadlovskaya M.V. Cooperation between the Russian Federation and China in Education: Current Status and Development Prospects // MNIZH. 2024. № 4 (142). P. 1-6.
9. TASS. The first Russian-Asian Faculty in the Russian Federation opened at the 10th Eastern Economic Forum. 9/3/2023. // URL: <https://tass.ru/obschestvo/24941177>.
10. Zhang Hao. Educational cooperation between China and Russia // International journal of humanities and natural sciences. 2025. № 1-4 (100). P. 88-91.
11. Tekeev S.O. The development of industrial mining of lead and silver ores in the upper reaches of the Kuban in the second half of the 19th century // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 83-88.
12. Goncharova N.A., Bobrov A.D., Panaev I.A., Khronova I.A. The role and structure of tax deductions in the comprehensive assessment of the company's personnel costs // Almanac "Crimea". 2025. № 49. P. 54-62.

Андропова С.Н.

Старший преподаватель. Дипломатическая академия МИД России.

Макоева Д.В.

Старший преподаватель. Дипломатическая академия МИД России.

Политика администрации Трампа в отношении НАТО

Введение

Приход в США к власти в 2025 г. Д. Трампа ознаменовал перемены в политике американского руководства, взаимоотношений с различными государствами, а также трансформацией векторов деятельности в тех международных союзах, членом которых является Америка. Как отмечает ряд исследователей [2], [5] Трампа возможно назвать первым президентом Америки, который «не только подверг сомнению некоторые базовые постулаты и институты мироустройства, сложившегося во второй половине XX века, но и де-факто отрёкся от них, указав на их несоответствие сегодняшним интересам США. 45-й президент бескомпромиссен в своём неприятии глобалистской модели развития, которая, по его мнению, ущемляет экономический суверенитет США, ослабляет их индустриальную базу, подталкивая американские компании размещать производства в странах с более дешёвой рабочей силой. Многие решения нынешней администрации, несомненно, пронизаны мотивами антиглобализма и протекционизма» [8, с. 14]. Такая политика, безусловно, является противоположностью действиям, осуществляемым предыдущими администрациями и конечно же, неоднозначно воспринимается руководителями различных государств, в том числе, стран НАТО.

Именно поэтому в задачи нашего исследования входит выявление специфики политики Трампа в отношении Североатлантического альянса в динамике (в первый и второй срок президентства), а также конкретизация тех кардинально иных направлений, которые сопровождают современную внешнюю политику США, в том числе, и в отношении НАТО.

Ю. Голуб и С. Шенин [2] в своем исследовании отмечали, что еще во время первого правления Д. Трамп достаточно скептически относился к НАТО, воспринимая его как «устаревший механизм» [2, с. 5] взаимо-

действия европейских участников с другими государствами. При этом говорилось о необходимости использования новых инструментов, методов политического и экономического сотрудничества с возможными изменением целей и ориентиров именно на национальную безопасность Америки, а не всего Альянса в целом. Вот почему ключевой идеей данной работы является актуализация тех изменений, которые сопровождают политику Трампа на современном этапе функционирования.

Материалы и методы исследования

В работе нами использованы публикации современных авторов, изучающих политику администрации Трампа в первый период президентства (Ю.Г. Голуб, С.Ю. Шенин, И.А. Деев), в текущий срок (О.М. Александрия, А.Г. Савельев), а также отдельные направления политики США в отношении НАТО (О.В. Приходько, А.А. Михалева, Ф.О. Трунов).

Кроме того, использованы официальные интернет-источники, освещающие противоречивые моменты в исследовании данной темы (lenta.ru и пр.)

Результаты и их обсуждение

Изучение изменений внешней политики администрации США в контексте исследования необходимо проводить в сравнении обоих периодов президентства Д. Трампа: первый период (2017-2021 гг.) и второй период (с 2025 г. по настоящее время). Данная деятельность, как отмечают научные исследователи и политические эксперты, характеризующаяся неоднозначностью в первый период, приобрела контрастные очертания в настоящее время в различных направлениях, в том числе, военной деятельности НАТО. «Администрация Трампа сталкивается с разногласиями с европейскими чиновниками, которые питают нереалистичные ожидания относительно войны и сами находятся у власти в нестабильных коалиционных правительствах меньшинства, многие из которых попирают базовые принципы демократии и подавляют оппозицию» [11].

Уже в первые годы президентского срока, нынешний президент Америки демонстрировал поворот в сторону обеспечения именно национальной безопасности государства, укрепления экономической, политической независимости и обороноспособности. На самом начальном этапе прихода к власти, как подчеркивает И.А. Деев [3], Трамп не рассматривает НАТО как эффективный инструмент реализации интересов Америки, отмечая приоритет европейских запросов, что, безусловно, не выгодно

США. Обосновывалось это тем, что большую часть затрат на военно-оборонные нужды несет именно Америка, а к концу 2016 г. лишь пять стран НАТО (Греция, Польша, Эстония, США и Великобритания) тратили на военные нужды около 2,2% ВВП [3, с. 7]. Остальные государства использовали оборонный потенциал других, увеличивая их расходы, что, конечно же, снижало уровень экономического благосостояния и развития государств. Кроме того, Трамп считал, что создание НАТО в XX веке в контексте ведения «холодной войны» уже не имеет первоначального эффекта, т.к. угрозы Альянсу в настоящее время расширились, как и состав самого НАТО, а доходная часть в процентном соотношении – нет. Необходимость каждой страны-участницы платить за участие в НАТО является объективной и союз должен строиться на пропорциональном распределении военно- оборонных расходов, а не за счет деятельности основных платежеспособных государств-членов НАТО. И поэтому поддержку и сотрудничество со стороны США Дональд Трамп предполагал оказывать тем участникам НАТО, которые выполняют свои финансовые обязательства. Необходимо отметить, что подобные попытки «заставить» других участников вступить в совместное финансирование расходов на оборонную промышленность предпринимались и предыдущими президентами США, однако, они не привели к желаемому результату.

Политика администрации Трампа характеризуется как кардинально противоположная его предшественникам и это позволило достичь определенного эффекта уже в первый срок президентства: если в 2017 г. уровень в два процента ВВП обеспечивали лишь пять стран НАТО, то к 2020 г. таких участников было уже девять [2]. Несколько позже (к 2021 году) из полного количества участников (28) 27 стран увеличили военно- оборонные расходы, а 16 государств уже фиксировали реализуемую политику, чтобы достичь необходимого уровня совместного финансирования военной деятельности НАТО [2, с. 8].

Однако, не все страны могли обеспечить подобное исполнение обязательств. В пример возможно привести Германию, которая посчитала невозможным это сделать и к 2024 г., а лишь только к 2035 г. достичь необходимого уровня софинансирования оборонных нужд Альянса, мотивируя это невозможностью сбора необходимых сумм. Недовольство президента было усилено тем, что в 2020 г. канцлер Германии отказалась участвовать в саммите и это явилось одной из предпосылок вывода трети американских войск из Германии, несмотря на то, что данное расположение было стратегически важным для Америки. Инициатива вывода

войск не требовала от США никаких затрат, т.к. содержание военных сил было оплачено Германией, однако принципиальный вопрос невыполнения финансовых обязательств стал для Трампа приоритетным.

Безусловно, подобная политика президента не была однозначно принята и в администрации США, но ведущие эксперты и политики из числа демократов были согласны с подобным «силовым воздействием» на членов НАТО, аргументируя свое мнение возрастающей агрессивностью со стороны России и необходимостью усиления обороноспособности американского государств. Со стороны правящей элиты Америки и Европы значительной поддержки Трамп не получил ни в первый, ни в нынешний срок президентства. Представители данной стороны обосновывают это тем, что Д. Трамп собирается вернуть США «к изоляционизму» [2], хотя, на самом деле требования, которые он выдвигает к остальным участникам Альянса, помогут сделать его сильнее и наоборот, способствуют укреплению. Ведь вложение финансовых, технологических и иных ресурсов в общее оборонное дело обуславливает повышение заинтересованности активного участия и получения от этого обратной связи в виде безопасности.

По мнению В.Е. Косякова [4] в конце XX-начале XXI века НАТО способствовало защите интересов в основном европейских, но отнюдь не американского государства, несмотря на обязательства действовать для обеспечения «широкой безопасности». Поэтому уже на начальном этапе первого президентского срока президент был ориентирован на обеспечение именно национальной безопасности США в союзе с теми государствами, которые полноценно оплачивали свое членство в НАТО. В данном случае говорилось не только о переориентации американской администрации, но и о новом формате функционирования НАТО, основанного на коммерческих принципах и солидарного обеспечения безопасности евроатлантического пространства.

Данная политика американского президента получила продолжение и во время второго срока с еще более кардинальной критикой деятельности НАТО не только за недостаточное финансирование деятельности, но и за отношение к урегулированию украинского военного конфликта. Как отмечают некоторые источники [9, 11], на настоящий момент Белый дом открыто критикует правительства стран Европы за нежелание урегулировать конфликт на Украине, обвиняя их в нарушении демократических идеалов.

Как подчеркивает О.В. Приходько [7] в своем исследовании, на насто-

ящий момент у США и Европы сохраняется некоторая общность интересов, однако гонка в сфере торговли и борьба за технологическое лидерство создают немалые основания для противоречий между Вашингтоном и Брюсселем. И то, насколько глубокими и продолжительными станут данные противоречия, зависит от множества факторов, в том числе, от того, насколько европейские государства будут участвовать (в первую очередь финансово) в деятельности НАТО. Подобный дисбаланс, по мнению американского руководства не позволяет США составлять полноценную конкуренцию странам Европы и тем самым, препятствует реализации национальных интересов.

Еще после окончания холодной войны одной из важнейших задач американского руководства было объединение Европы на принципах западной демократии для достижения целей общей безопасности. Однако, подобное сотрудничество предполагало и равноценное участие, интеграцию финансовых и оборонных ресурсов, что в дальнейшем не было реализовано со стороны основной части стран-участников. Кроме того, западные державы пошли по пути «превращения стран-участниц Европейского союза» в сверхдержаву, что отодвигало планы НАТО, и собственно, США, на второй план [7, с. 19]. Конечно, это вступает в разрез с интересами Америки и ослабляет национальную безопасность государства. В подобной ситуации некоторые исследователи [6, 7] проводят историческую аналогию с политикой Рейгана, когда США предпринимали ряд попыток убеждения стран-участниц НАТО в необходимости увеличения их ресурсного вклада в деятельность Альянса.

Однако, в отличие от Р. Рейгана, Д. Трамп не только осуществлял дипломатические переговоры: приобретенный в период первого президентского срока политический опыт позволил ему реализовывать конкретные действия в отношении НАТО, такие как возможное сокращение масштабов участия США в европейской обороне, существенное урезание и тем более полное прекращение военной и финансовой поддержки Украины, что не соответствует ожиданиям Брюсселя и Европы в целом.

Подобная политика обусловлена мнением Трампа по поводу того, что европейские государства в лице НАТО поглощают слишком много американских ресурсов, что стратегически и финансово не оправдано. Именно поэтому последнее требование для членов НАТО на увеличение оборонных бюджетов до 5% ВВП – не ситуативное импульсивное желание, а обоснованное, подтвержденное консультациями с ведущими экспертами, управленческое решение президента [7].

Увеличение расходов на военно- оборонные нужды стран-участниц НАТО позволяет решить, как минимум две задачи:

- возможность перераспределения сил государств, в том числе, и США, на обеспечение обороны Европейско-Атлантического пространства;
- обеспечение безопасности в Европе за счет европейских, а не американских средств (финансовых, вооружения, технологических ресурсов);
- компенсирование оборонных услуг, предоставляемых США странам Европы, в том числе, подорожания разработки, создания и эксплуатации военной техники.

Стратегия сотрудничества нынешней американской администрации с государствами-членами НАТО предполагает «полную финансовую вовлеченность» в обеспечение безопасности в собственном регионе [7, с. 22] и только на этих условиях возможно равномерное распределение ресурсной нагрузки и создание безопасного Евро-Атлантического пространства, которое, на настоящий момент, не является единым и обороноспособным. Защита союзников со стороны США может осуществляться при полноценном активном их участии в деятельности Альянса не только в текстах соглашений, но и реальными вложениями средств.

В качестве 47 президента США Трамп предъявил практически «ультимативные» условия странам-участницам НАТО, не исполняющим свои финансовые обязательства в отношении поддержки и обеспечении оборонной безопасности. Он радикально пересмотрел традиционные американские взгляды на оборонную политику Европы, однако с тем, чтобы оставить США во главе Североатлантического Альянса. Усиливается идея концепции преобразования НАТО в двухуровневый союз, где защита со стороны США гарантирована лишь тем странам-участникам НАТО, которые тратят на оборонные нужды определенный процент ВВП (в первый срок они составляли 2%, в нынешний – 5%). При этом он ссылается на п. 3 Договора НАТО, который закрепляет обязательства каждого участника по укреплению оборонно- военного потенциала.

Не меняя внешнеполитический курс Америки, Трамп ориентирован на изменение структуры и содержания деятельности НАТО, отдавая ему равномерное распределение обязанностей по вложению и использованию ресурсов по обеспечению государственной и межрегиональной безопасности. Администрация президента не перестает рассматривать Европу стабильной и сильной, однако, опять же, для обеспечения национальных интересов и безопасности Америки.

В современном НАТО, по мнению консерваторов, Трамп является

«несомненным лидером» [7] с наращиванием присутствия военных сил в Европе, расположением военных баз, проведением масштабных учений, однако полноценному использованию инструментария Альянса препятствует нежелание большинства стран-участников участвовать в совместном вооружении, вкладывать в это финансовые средства.

Выводы

Подводя итоги, возможно отметить, что в обновлённой Стратегии национальной безопасности, опубликованной на сайте Белого дома во время второго президентского срока Дональда Трампа, выделены некоторые приоритеты политики США в отношении НАТО:

- Восстановление условий стабильности в Европе и стратегической стабильности с Россией. Нежелание обострения отношений с Россией обуславливает то, что не все действия европейских государств в современной международной политической ситуации получают понимание и поддержку со стороны администрации Трампа.

- Предоставление Европе возможности действовать как группа союзных суверенных государств, в том числе путём принятия на себя основной ответственности за свою оборону.

- Политика НАТО, в ряде случаев идущая в разрез с непосредственно интересами США является основой для пересмотра взаимоотношений Америки со странами-участницами в контексте приоритетного обеспечения национальной безопасности государства [1]

- Прекращение восприятия НАТО как постоянно расширяющегося альянса. При этом приоритетность отдается «усилению» конкурентоспособности государств, которые уже являются странами НАТО [1].

Таким образом, возможно сделать вывод о том, что НАТО администрацией Трампа характеризуется как инструмент обеспечения национальной безопасности, механизм реализации «гибких сил», которые могут эффективно противостоять множественным реальным и перспективным угрозам безопасности США [1, с. 81]. Современные вооруженные конфликты в мире, военные действия рассматриваются президентом США и его администрацией прежде всего, как риски развития американского государства и препятствия реализации национальных интересов. Поэтому членство в НАТО рассматривается им прежде всего, как инструментальный достижения стратегических и экономических целей Америки.

Список литературы:

1. Александрия О.М., Савельев А.Г. Новая администрация Д. Трампа и проблемы преемственности стратегического планирования США // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2025. № 2. С. 48086.
2. Голуб Ю.Г., Шенин С.Ю. Дональд Трамп и европейские союзники: американские эксперты о судьбе НАТО // Современная Европа. 2021. № 1. С. 5-15.
3. Деев И.А. Американско-европейские отношения в сфере оборонной политики при президенте Дональде Трампе // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2019. № 3. С. 81-93.
4. Косяков В.Е. Первый год правления Дональда Трампа: предвыборные обещания vs реальность // Политика и общество. 2018. № 10. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pervyy-god-pravleniya-donald-trampa-predvybornye-obeschaniya-vs-realnost> (Дата обращения: 06.01.2026).
5. Михалева А.А. Политика США в отношении НАТО и ЕС при Трампе // Контентус. 2019. № 6 (83). С. 1-7.
6. Надточей Ю.И. «Непознанная Венера»: Европейский союз в современном идейном дискурсе Республиканской партии США // АПЕ. 2025. № 2 (126). С. 66-92.
7. Приходько О.В. Контуры евроатлантической политики администрации Д. Трампа // Современная Европа. 2025. №3 (131). С. 18-30.
8. Приходько О.В. Евроатлантическая политика Д. Трампа: особенности текущей повестки дня // США & Канада: экономика – политика – культура. 2019. № 11 С. 5-19. // URL: <https://usacanada.jes.su/s032120680007283-5-1/> – DOI: 10.31857/S032120680007283-5
9. Шумилов М.М., Гуркин А.Б. Кризис экономической глобализации как фактор становления многополярного мира // Управленческое консультирование. 2025. № 4 (190). С. 137-148.
10. Филипп О.Т. Переход к новой модели сил НАТО как показатель стратегического развития и возможных намерений «западных демократий» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. № 6. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perehod-k-novoy-modeli-sil-nato-kak-pokazatel-strategicheskogo-razvitiya-i-vozmozhnyh-namereniy-zapadnyh-demokratiy> (Дата обращения: 05.01.2026).
11. <https://lenta.ru/news/2025/12/05/strategiya-natsionalnoy-bezopasnosti-ssha/>
12. Луговская М.Ю. Графический эксперимент: смысловая полифункциональность дефиса при оформлении лексико-синтаксических окказионализмов // Власть истории – История власти. 2025. Том 11. Часть 4. № 62. С. 32-40.

Bibliography

1. Alexandria, O.M., Savelyev, A.G. "The New Trump Administration and the Problems of Continuity in US Strategic Planning." Moscow University Bulletin. Series 25. International Relations and World Politics. 2025. № 2. P. 480-86.
2. Golub, Yu.G., Shenin, S.Yu. "Donald Trump and European Allies: American Experts on the Fate of NATO." Modern Europe. 2021. № 1. P. 5-15.
3. Deev, I.A. "American-European Relations in Defense Policy under President Donald Trump." Moscow University Bulletin. Series 12. Political Sciences. 2019. № 3. P. 81-93.
4. Kosyakov, V.E. "The First Year of Donald Trump's Administration: Pre-Election Promises vs. Reality." Politics and Society. 2018. № 10. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pervyy-god-pravleniya-donald-trampa-predvybornye-obeschaniya-vs-realnost> (06.01.2026).
5. Mikhaleva, A.A. US Policy Towards NATO and the EU under Trump // Contentus. 2019. № 6 (83). P. 1-7.
6. Nadtochey Yu.I. "Unknown Venus": The European Union in the Modern Ideological Discourse of the US Republican Party // APE. 2025. № 2 (126). P. 66-92.
7. Prikhodko O.V. Contours of the Euro-Atlantic Policy of the D. Trump Administration // Modern Europe. 2025. № 3 (131). P. 18-30.
8. Prikhodko O.V. D. Trump's Euro-Atlantic Policy: Features of the Current Agenda // USA & Canada: Economy – Politics – Culture. 2019. № 11 P. 5-19. // URL: <https://usacanada.jes.su/s032120680007283-5-1> – DOI: 10.31857/S032120680007283-5
9. Shumilov M.M., Gurkin A.B. The Crisis of Economic Globalization as a Factor in the Formation of a Multipolar World // Management Consulting. 2025. № 4 (190). P. 137-148.
10. Philipp O.T. The Transition to a New Model of NATO Forces as an Indicator of Strategic Development and Possible Intentions of "Western Democracies" // Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2024. № 6. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perehod-k-novoy-modeli-sil-nato-kak-pokazatel-strategicheskogo-razvitiya-i-vozmozhnyh-namereniy-zapadnyh-demokratiy> (05.01.2026).
11. <https://lenta.ru/news/2025/12/05/strategiya-natsionalnoy-bezopasnosti-ssha/>
12. Lugovskaya M.Yu. Graphic experiment: semantic polyfunctionality of the hyphen in the design of lexical-syntactic occasionalisms // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 4. № 62. P. 32-40.

Ахмадй Ваусуддин

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Шемул Мд Ашекуззамн

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Афганский вектор внешней политики Узбекистана (2014–2025 гг.)

В начале второй декады XXI века особое значение для внешней политики Узбекистана представляет афганское направление, что обусловлено событиями 2014–2015 годов, включая вывод боевых подразделений США и НАТО из Афганистана, которые существенно изменили расклад сил в регионе. В этих условиях Узбекистан был вынужден выстраивать собственную стратегию взаимодействия с южным соседом. Цель данной работы – проанализировать особенности и приоритеты афганского вектора внешней политики Узбекистана в данный период.

Узбекистан и Афганистан имеют длительную историю межгосударственных и культурных контактов. Еще в XX веке в условиях Советского Союза существовали ограниченные формы взаимодействия между Узбекской ССР и Афганистаном. После обретения независимости Узбекистан начал формировать собственную внешнюю политику, в которой афганское направление всегда играло стратегическую роль. Исторически Узбекистан воспринимал Афганистан как зону потенциальной нестабильности и источник трансграничных угроз, таких как экстремизм, наркотрафик, нелегальная миграция¹.

Учитывая близость этнокультурных связей, в том числе узбекской диаспоры в северных провинциях Афганистана, Ташкент традиционно стремился не только к обеспечению безопасности, но и к установлению гуманитарных связей. В период правления Ислама Каримова Узбекистан выстраивал политику сдержанного диалога с различными правительствами Афганистана, при этом строго придерживаясь политики невмешательства.

Исторический опыт гражданской войны в Афганистане и последую-

1 Зияев Ш. Афганистан в региональной политике Узбекистана. – Ташкент: Университет, 2015.

щая активность радикальных движений на границах Узбекистана оказали влияние на формирование доктрины национальной безопасности и внешней политики в отношении южного соседа.

2014 год стал поворотным для Центральной Азии. США и НАТО завершили боевую фазу своей миссии в Афганистане, передав ответственность за безопасность афганским силам. Это вызвало опасение у соседних государств, включая Узбекистан, по поводу возможной дестабилизации. Однако в ответ на изменение обстановки Ташкент активизировал дипломатические и экономические контакты с Кабулом². Важную роль также играло участие в многосторонних форматах: ОДКБ, ШОС, ОЭС.

Узбекистан, сохраняя нейтралитет, внимательно отслеживал развитие событий в Афганистане. Уход международных сил с афганской территории вызвал нестабильность, всплеск активности вооруженных группировок, усиление угроз наркоторговли и проникновение экстремистов через границу. Центральноеазиатские республики оказались в новой реальности: возникла необходимость балансировать между глобальными игроками (США, Россия, Китай) и региональными интересами, одновременно обеспечивая внутреннюю устойчивость.

Региональные эксперты обращали внимание на то, что нестабильность в Афганистане способна перекинуться в сопредельные государства, поэтому особое внимание Узбекистан уделял не только двусторонним отношениям с Кабулом, но и формированию совместной позиции в рамках ШОС. На повестке дня встали вопросы противодействия терроризму, укрепления границ, совместных инфраструктурных проектов. Узбекистан также выступал за интенсификацию транспортных и энергетических коридоров, связывающих Центральную Азию с Южной.

В 2014–2015 гг. были усилены меры по охране границы с Афганистаном. В сотрудничестве с международными партнерами проводились мероприятия по модернизации пограничной инфраструктуры, усилению контроля за продвижением лиц и грузов. Также Узбекистан взаимодействовал с афганскими властями и структурами НАТО в целях обмена информацией и координацией по вопросам антитеррора³.

Пограничные зоны стали объектом особого внимания со стороны узбекских силовых структур. Развертывались мобильные подразделения, велось строительство новых пограничных постов. Наряду с физическим укреплением рубежей, особое внимание уделялось кибербезопасности и

2 Внешняя политика Узбекистана современное состояние и перспективы. – Ташкент: МИД РУз, 2016.

3 Алишер Файзуллаев. Прагматизм во внешней политике Узбекистана // Central Asia Analytical Network, 2015.

техническому оснащению систем слежения. В этот период также активизировалось сотрудничество с международными организациями по контролю за наркотрафиком. Узбекистан принимал участие в региональных форумах по линии ООН и ОБСЕ, где обсуждались меры коллективного реагирования на угрозы, исходящие из Афганистана⁴.

Одним из ключевых аспектов стало экономическое сотрудничество между двумя государствами.

В 2014–2025 годах экономическое сотрудничество между Узбекистаном и Афганистаном развивалось, несмотря на сохраняющиеся вызовы в сфере безопасности и политической нестабильности в регионе⁵.

Правовой основой для выстраивания внешней политики Узбекистана стала «Стратегия действий по пяти направлениям дальнейшего развития Узбекистана на 2017–2023 гг.»⁶, в которой закреплялись ключевые направления развития государства на обозначенный период, в частности, переход экономики Узбекистана на экспортно-ориентированную модель, способствующую обеспечению внутреннего долгосрочного роста, привлечению инвестиций, созданию рабочих мест и повышению уровня жизни в республике.

Взаимная торговля с Афганистаном была стабильна на протяжении 2014–2024 года, что отражено в таблице 1 и таблице 2⁷. Так, Узбекистан поставлял Афганистану электроэнергию, строительные материалы, продовольствие.

Таблица 1. Экспорт Узбекистана в Афганистан по годам тыс. долл.

2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
601029,1	444466,9	517261,3	615606,6	602503,1	616959,9	776737,5	667484,3	756281,6	857236,5	1098854,7

Таблица 2. Объем внешнеторгового оборота Узбекистана с Афганистаном тыс. долл.

2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
601833,4	445062,6	519721,0	617808,1	604602,0	619941,4	779056,4	673676,2	765626,7	867543,9	1137000,0

4 Материалы пресс-службы МИД Узбекистана за 2014–2015 гг. // Официальный сайт МИД Узбекистана // URL: <https://uz.embassy.gov/statement-press-service-foreign-ministry-uzbekistan/> (Дата обращения: 29.05.2025)

5 Центральная Азия и Афганистан: вызовы и возможности. – Бишкек: Фонд Фридриха Эберта, 2014.

6 Стратегия действий по пяти направлениям дальнейшего развития Узбекистана на 2017–2023 гг. // Указ Президента Республики Узбекистан «О Стратегии по дальнейшему развитию Республики Узбекистан». // URL: <http://lex.uz/docs/3107042>

7 Национальный статистический комитет Республики Узбекистан. Официальный сайт // URL: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/merchandise-trade>. (Дата обращения: 15.10.2025)

Развивалась логистическая инфраструктура. Также обсуждались проекты по расширению транспортного коридора «Север–Юг» через афганскую территорию⁸.

Одним из значимых проектов стало строительство железной дороги «Хайратон – Мазари-Шариф», завершённое в 2010-2011 годах. Этот проект был реализован при финансовой поддержке Азиатского банка развития и техническом участии компании «Узбекистон темир йуллари». Железнодорожная линия протяженностью 75 км стала первым железнодорожным сообщением в Афганистане и обеспечила важный транспортный коридор для грузоперевозок⁹.

Более того, в 2018 году Узбекистаном был предложен проект Трансафганской железной дороги, который предполагал расширение существующей железной дороги до Кабула и далее через провинцию Нангахар и Пешавар (Пакистан)¹⁰. В январе 2025 года было продлено соглашение об обслуживании существующей транспортной железнодорожной артерии «Хайратон – Мазари-Шариф»¹¹, заключенное в феврале 2023 года¹².

5 декабря 2017 года в рамках визита в Ташкент президента Афганистана Мохаммада Ашрафа Гани было подписано Соглашение о сотрудничестве в области транзита грузов¹³. В этот же день было заключено также еще 19 соглашений о сотрудничестве и 40 экспортных контрактов на сумму более 500 млн долларов США¹⁴.

15 октября 2021 г. в Термезе состоялись переговоры Талибана и представителей Узбекистана, на которых обсуждались вопросы торгово-экономического взаимодействия, а также сотрудничества в сфере энергетики и транспорта¹⁵. В этом же году УВКБ ООН создало региональный логистический центр в Термезском грузовом терминале в связи с чрезвычайной ситуацией в Афганистане для хранения гуманитарных грузов и

8 Центральная Азия и Афганистан: вызовы и возможности. – Бишкек: Фонд Фридриха Эберта, 2014.

9 АО «Узбекистон темир йуллари». Архив новостей // URL: https://railway.uz/ru/informatsionnaya_sluzhba/novosti/28821/. (Дата обращения: 06.06.2025)

10 The Trans-Afghan Railway Line: Back on Track? // URL: <https://thediplomat.com/2022/07/the-trans-afghan-railway-line-back-on-track/>. (Дата обращения: 08.10.2025)

11 Uzbekistan Extends Agreement on Hairaton-Mazar-e-Sharif Railway with Afghanistan // URL: <https://timesca.com/uzbekistan-extends-agreement-on-hairaton-mazar-e-sharif-railway-with-afghanistan> (Дата обращения: 08.10.2025)

12 Agreement for operation of the «Hairatan–Mazar-i-Sharif» railway renewed // URL: <https://kun.uz/en/34245783>. (Дата обращения: 13.10.2025)

13 Соглашение о транзите грузов между Узбекистаном и Афганистаном вступило в силу // URL: https://kun.uz/ru/22372774?utm_source=chatgpt.com. (Дата обращения: 08.10.2025)

14 Узбекистан и Афганистан договорились сотрудничать «во всех сферах». Каравансарай // URL: https://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2017/12/05/feature-02. (Дата обращения: 10.10.2025)

15 В Термезе состоялись переговоры делегацией движения «Талибан» и Узбекистаном // URL: <https://myseldon.com/ru/news/index/260558492>. (Дата обращения: 08.10.2025)

оперативной доставки их в ближайшие нуждающиеся районы. Этот проект, созданный как пилотный, в 2025 году стал частью глобальной сети УВКБ ООН по запасам гуманитарной помощи¹⁶.

Крупные проекты в сфере железнодорожного строительства и транспорта вообще, таким образом, свидетельствуют о значительном геополитическом и экономическом интересе Узбекистана в развитии логистических систем на своих территориях и стремление получить выход к морю через территорию Пакистана, а также занять определенное место в международной системе гуманитарной помощи.

Товарооборот между Узбекистаном и Афганистаном в 2014 году составил около 600,9 млн долларов США, что свидетельствует о стабильном экономическом взаимодействии между странами. Основу экспорта составляли электроэнергия, строительные материалы, продовольственные товары и другие промышленные изделия. Стоит отметить, что на протяжении 10 лет экспортные поставки Афганистану были стабильные.

Узбекистан придерживался политики невмешательства во внутренние дела Афганистана, акцентируя внимание на развитии взаимовыгодных двусторонних отношений. Ташкент активно участвовал в региональных инициативах, направленных на восстановление и развитие Афганистана, включая участие в международных конференциях и форумах, посвященных вопросам безопасности и экономического сотрудничества¹⁷.

Узбекистан оставался основным поставщиком электроэнергии в северные провинции Афганистана. С 2002 года объем поставок значительно увеличился, обеспечивая стабильное энергоснабжение для Мазари-Шарифа и прилегающих районов.

Особое значение имел проект по строительству линии электропередач Сурхан – Пули-Хумри, который был направлен на обеспечение энергетической безопасности северных регионов Афганистана. Узбекистан выступал в качестве подрядчика и инвестора в инфраструктурные проекты. Торговые представительства активно работали в Мазари-Шарифе и Кабуле. По линии экономического блока правительства Узбекистана велась координация логистических, финансовых и транспортных проектов. Проводились двусторонние выставки, деловые форумы, способствующие сближению деловых кругов двух стран. В 2018 году началась

16 UNHCR integrates Termez hub in Uzbekistan into global stockpile network // URL: https://www.unhcr.org/central-asia/en/news/unhcr-integrates-termez-hub-uzbekistan-global-stockpile-network?utm_source=chatgpt.com. (Дата обращения: 08.10.2025)

17 Эргашев Б.И. Внешняя политика Узбекистана в отношении Афганистана в постсоветский период: этапы, принципы, основные направления и результаты // Региональная политика и безопасность. 2022. № 3 (20). С. 43-55.

прокладка силовых кабелей в Афганистан, при этом согласно указу президента Узбекистана Шавката Мирзиёева тариф на поставку газа был снижен с 0,76 доллара за киловатт до 0,5¹⁸.

21 сентября 2019 г. Узбекистан подписал с Афганистаном десятилетний контракт на поставку электроэнергии на льготных условиях¹⁹. Сторонами стали узбекская компания АО «Национальные электрические сети Узбекистана» и компания Da Afghanistan Breshna Sherkat (DABS). Однако, несмотря на выгодные для Афганистана положения контракта, уже к 2022 году у Афганистана перед Узбекистаном образовалась задолженность по оплате за поставленную электроэнергию²⁰, что, по мнению бывшего главы DABS Амануллы Галиба, связано с конфликтом на Украине и возникшими вследствие этого проблемами в банковском секторе, однако, также в 2022 году действовали и санкции в отношении самого Афганистана.

В декабре 2024 года было продлено соглашение о поставках электроэнергии в Афганистан в 2025 году. Со стороны Узбекистана соглашение подписала компания «Узэнергосотиш»²¹. Наконец, в августе 2025 года были заключены контракты в отношении четырех энергетических проектов на общую сумму в 243 млн долларов США²², предусматривающих расширение ключевых линий передач и подстанций, а также укрепление инфраструктуры для укрепления энергосети Афганистана.

В рамках культурных и образовательных инициатив реализовывались программы подготовки афганских студентов в узбекских вузах. Межкультурный диалог осуществлялся путем проведения культурных мероприятий, в том числе выставок, конференций, налаживался межкультурный диалог²³.

Таким образом, культурные связи между Афганистаном и Узбекистаном в 2014–2025 годах, несмотря на сложную политическую и социальную обстановку в регионе, продолжали развиваться, в основном в рамках гуманитарного сотрудничества, образовательных инициатив и расширения дипломатических контактов.

18 Uzbekistan Begins Building Power Line to Afghanistan // URL: https://eurasianet.org/uzbekistan-begins-building-power-line-to-afghanistan?utm_source=chatgpt.com. (Дата обращения: 08.10.2025)

19 Uzbekistan, Afghanistan sign 10-year electricity supply contract // URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-09/21/c_138410659.htm. (Дата обращения: 08.10.2025)

20 Afghanistan in hock to Uzbekistan and Tajikistan for electricity // URL: https://eurasianet.org/afghanistan-in-hock-to-uzbekistan-and-tajikistan-for-electricity?utm_source=chatgpt.com. (Дата обращения: 08.10.2025)

21 Uzbekistan extends electricity export agreement with Afghanistan for 2025 // URL: <https://www.gazeta.uz/en/2024/12/19/uzb-afg>. (Дата обращения: 16.10.2025)

22 Afghanistan, Uzbekistan Sign Contracts for Four Energy Projects Worth \$243 Million // URL: <https://as-tanatimes.com/2025/08/afghanistan-uzbekistan-sign-contracts-for-four-energy-projects-worth-243-million>. (Дата обращения: 16.10.2025)

23 Доклады ООН и ОБСЕ по безопасности в Афганистане (2014–2015). Официальный сайт UNAMA // URL: <https://unama.unmissions.org/unama-reports>. (Дата обращения: 30.05.2025)

В 2014–2015 годах Узбекистан продолжал предоставлять квоты для обучения афганских студентов в вузах, особенно в Термезском филиале Ташкентского государственного технического университета, открытом специально для афганцев. Поддержка афганских студентов в Узбекистане осуществлялась при содействии ООН и других международных структур.

Фактором сближения Узбекистана и Афганистана являются также тесные этнокультурные связи. В северных провинциях Афганистана значительную часть населения составляют узбеки, говорящие на узбекском языке, что способствовало культурному диалогу²⁴. Также успешному культурному взаимодействию способствует и общая культурологическая база: Узбекистан и Афганистан имеют общих культурных героев – таких как Алишер Навои и Бабур²⁵. Эти фигуры нередко упоминались в образовательных и культурных мероприятиях.

В рамках межгосударственного диалога иногда проводились культурные конференции, встречи деятелей науки и искусства.

Узбекистан выражал заинтересованность в сохранении культурного наследия общего региона, включая памятники исламской архитектуры и исторические тексты.

Были предприняты попытки создать совместные телепрограммы или радиопередачи на узбекском языке, ориентированные на аудиторию в Афганистане, особенно в северных регионах²⁶.

В рамках гуманитарного сотрудничества Узбекистан предоставлял стипендии для обучения афганских студентов в вузах Ташкента, Самарканда и других городов. Акцент делался на подготовку специалистов в области медицины, энергетики, сельского хозяйства. Участвовали в программе как государственные, так и частные учреждения. Особое внимание уделялось вопросам адаптации студентов к новой среде: обеспечивалось общежитие, питание, организовывались культурные мероприятия. Также проходили выставки узбекского искусства в Кабуле, а в Ташкенте – выставки афганских ремесел и каллиграфии. В рамках дипломатических миссий велась работа по укреплению культурных связей через публикации, радиопрограммы, совместные исследования.

Можно отметить, что Узбекистан проводил в указанный период прагматичную внешнюю политику, избегая прямого вовлечения во внутрен-

24 Узбеки северного Афганистана: история становления, социально-экономическая жизнь, культура как народ // URL: <https://www.samdu.uz/ru/news/31853>. (Дата обращения: 02.06.2025)

25 «Бабур-наме»: культурное наследие Средней Азии и Индии // URL: <https://caravan-info.uz/ru/culture/716247-babur-name-kulturnoe-nasledie-sredney-azii-i-indii.html>. (Дата обращения: 06.06.2025)

26 Шанхайская организация сотрудничества. Совещание министров культуры // URL: <https://rus.sectscs.org/20190716/565332.html>. (Дата обращения: 02.06.2025)

ние конфликты Афганистана. Вместо этого ставка делалась на поддержание стабильности вдоль границы, развитие экономических связей и взаимодействие с международными структурами. Важным элементом было поддержание нейтралитета и независимой позиции при сотрудничестве с США, РФ, КНР и Ираном.

Данный курс нашел свое отражение в многочисленных заявлениях МИД Узбекистана. Официальный Ташкент подчеркивал, что стремится к обеспечению стабильности в Афганистане путем ненасильственных средств, укреплению институциональных связей и поддержанию баланса интересов. Отказ от участия в военных альянсах позволил Узбекистану вести гибкую внешнюю политику. Он поддерживал контакты с Ираном по линии региональной безопасности, сотрудничал с Россией по вопросам военной подготовки кадров, а также вел диалог с КНР в контексте инициативы «Один пояс – один путь», в рамках которой Афганистан рассматривался как транзитная территория.

В условиях афганского кризиса страны Центральной Азии демонстрировали различные подходы к международной политике. В то время как Таджикистан и Туркменистан занимали более ограниченные позиции, Казахстан сосредоточился на гуманитарных инициативах и проектах ООН. Узбекистан же стал единственной страной региона, наладившей системное двустороннее сотрудничество с Афганистаном в сферах энергетики, образования и транзита. Этот факт был отмечен международным сообществом как пример сбалансированной региональной политики²⁷.

Реакцию международных структур на политику Узбекистана можно в целом отметить как положительную. Организация Объединенных Наций, Шанхайская организация сотрудничества и ОБСЕ характеризовали позицию Узбекистана как нейтральную, но активную. В частности, в отчетах UNAMA подчеркивалась важность вклада Ташкента в развитие энергетической инфраструктуры на севере Афганистана и гуманитарных программ. Эксперты международного кризисного центра указывали на Узбекистан как на одного из немногих стабильных партнеров Кабула в период 2014–2015 годов²⁸.

Афганский фактор повлиял не только на внутреннюю, но и на внешнюю политику Узбекистана. Усиление мер безопасности вдоль границы сопровождалось модернизацией оборонной доктрины, реформами в структурах МВД и СНБ. Активизировалась работа с молодежью и религиозными организациями для предотвращения радикализации. Также аф-

27 Comparative Regional Strategies in Central Asia. – International Crisis Group, 2015.

28 UNAMA Reports on Afghanistan Reconstruction and Regional Cooperation. – UN, 2014-2015

ганская повестка нашла отражение в средствах массовой информации, где подчеркивалась роль Узбекистана как миротворца и стабильного соседа²⁹.

Афганский вектор внешней политики Узбекистана в 2014–2015 годах можно оценить как сбалансированный. Несмотря на сохранявшиеся риски, Узбекистану удалось избежать вовлечения в региональную нестабильность. Были достигнуты определенные успехи в сфере безопасности, гуманитарного взаимодействия и экономического партнерства. Однако сохранялись ограничения, связанные с внутренней ситуацией в Афганистане и слабой институциональной базой сотрудничества³⁰.

Проведенный анализ показывает, что политика Узбекистана позволила минимизировать последствия нестабильности в Афганистане. В числе положительных факторов можно отметить устойчивость узбекской границы, рост экспортных поставок и гуманитарное признание со стороны международных партнеров. Вместе с тем слабая политическая структура в Кабуле, недостаток координации с другими региональными игроками и ограниченность ресурсов мешали реализации более глубокой интеграции. Это подчеркивало важность выстраивания новой стратегии на последующие периоды, ориентированной на системную поддержку афганских институтов, но при сохранении принципа невмешательства.

Таким образом, афганский вектор внешней политики Узбекистана в 2014–2025 годах характеризовался прагматизмом, многоуровневым подходом и ориентацией на региональную стабильность. Узбекистан действовал в условиях изменяющегося геополитического ландшафта, стремясь к минимизации угроз и расширению экономических и гуманитарных контактов с Афганистаном, что привело к тому, что Афганистан становится одним из главных внешнеэкономических партнеров Узбекистана³¹. Эта стратегия позволила республике сохранить устойчивость и избежать прямых последствий Афганского кризиса.

Список литературы:

1. Зияев Ш. Афганистан в региональной политике Узбекистана. – Ташкент: Университет, 2015.
2. Внешняя политика Узбекистана: современное состояние и перспективы. – Ташкент: МИД РУз, 2016.
3. Алишер Файзуллаев. Прагматизм во внешней политике Узбекистана // Central Asia Analytical Network, 2015.
4. Материалы пресс-службы МИД Узбекистана за 2014–2015 гг // Официальный сайт МИД Узбекистана // URL: <https://uz.usembassy.gov/statement-press-service-foreign-ministry-uzbekistan/>. (Дата обращения: 29.05.2025)
5. Центральная Азия и Афганистан: вызовы и возможности. – Бишкек: Фонд Фридриха Эберта, 2014.
6. Стратегия действий по пяти направлениям дальнейшего развития Узбекистана на 2017–2023 гг. // Указ Пре-

29 Министерство внутренних дел Республики Узбекистан. Обзор по внутренней безопасности в 2015 году. – Ташкент: МВД РУз, 2016.

30 Официальные данные UNODC. Официальный сайт UNODC // URL: <https://dataunodc.un.org/>. (Дата обращения: 25.05.2025)

31 Национальный статистический комитет Республики Узбекистан. Официальный сайт // URL: https://api.siat.stat.uz/media/uploads/sdmx/sdmx_data_2364.pdf (Дата обращения: 15.10.2025)

- зидента Республики Узбекистан «О Стратегии по дальнейшему развитию Республики Узбекистан». // URL: <http://lex.uz/docs/3107042>
7. Национальный статистический комитет Республики Узбекистан. Официальный сайт // URL: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/merchandise-trade>. (Дата обращения: 15.10.2025)
8. АО «Узбекистон темир йуллари». Архив новостей // URL: https://railway.uz/ru/informatsionnaya_sluzhba/novosti/28821/. (Дата обращения: 06.06.2025)
9. The Trans-Afghan Railway Line: Back on Track? // URL: <https://thediplomat.com/2022/07/the-trans-afghan-railway-line-back-on-track/>. (Дата обращения: 08.10.2025)
10. Uzbekistan Extends Agreement on Hairaton-Mazar-e-Sharif Railway with Afghanistan // URL: <https://timesca.com/uzbekistan-extends-agreement-on-hairaton-mazar-e-sharif-railway-with-afghanistan/>. (Дата обращения: 08.10.2025)
11. Agreement for operation of the «Hairatan–Mazar-i-Sharif» railway renewed // URL: <https://kun.uz/en/34245783>. (Дата обращения: 13.10.2025)
12. Соглашение о транзите грузов между Узбекистаном и Афганистаном вступило в силу // URL: <https://kun.uz/ru/22372774>. (Дата обращения: 08.10.2025)
13. Узбекистан и Афганистан договорились сотрудничать «во всех сферах». Каравансарай // URL: https://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2017/12/05/feature-02. (Дата обращения: 10.10.2025)
14. В Термезе состоялись переговоры делегацией движения «Талибан» и Узбекистаном // URL: <https://myseldon.com/ru/news/index/260558492>. (Дата обращения: 08.10.2025)
15. UNHCR integrates Termez hub in Uzbekistan into global stockpile network // URL: <https://www.unhcr.org/central-asia/en/news/unhcr-integrates-termez-hub-uzbekistan-global-stockpile-network>. (Дата обращения: 08.10.2025)
16. Эргашев Б.И. Внешняя политика Узбекистана в отношении Афганистана в постсоветский период: этапы, принципы, основные направления и результаты // Региональная политика и безопасность. 2022. № 3 (20). С. 43-55
17. Uzbekistan Begins Building Power Line to Afghanistan // URL: <https://eurasianet.org/uzbekistan-begins-building-power-line-to-afghanistan>. (Дата обращения: 08.10.2025)
18. Uzbekistan, Afghanistan sign 10-year electricity supply contract // URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-09/21/c_138410659.htm. (Дата обращения: 08.10.2025)
19. Afghanistan in hock to Uzbekistan and Tajikistan for electricity // URL: <https://eurasianet.org/afghanistan-in-hock-to-uzbekistan-and-tajikistan-for-electricity>. (Дата обращения: 08.10.2025)
20. Uzbekistan extends electricity export agreement with Afghanistan for 2025 // URL: <https://www.gazeta.uz/en/2024/12/19/uzb-afg>. (Дата обращения: 16.10.2025)
21. Agreement for operation of the «Hairatan–Mazar-i-Sharif» railway renewed // URL: <https://kun.uz/en/34245783>. (Дата обращения: 13.10.2025.)
22. Afghanistan, Uzbekistan Sign Contracts for Four Energy Projects Worth \$243 Million // URL: <https://astanatimes.com/2025/08/afghanistan-uzbekistan-sign-contracts-for-four-energy-projects-worth-243-million>. (Дата обращения: 16.10.2025)
23. Доклады ООН и ОБСЕ по безопасности в Афганистане (2014–2015). Официальный сайт UNAMA // URL: <https://unama.unmissions.org/unama-reports>. (Дата обращения: 30.05.2025)
24. Узбеки северного Афганистана: история становления, социально-экономическая жизнь, культура как народ // URL: <https://www.samdu.uz/ru/news/31853>. (Дата обращения: 02.06.2025)
25. «Бабур-наме»: культурное наследие Средней Азии и Индии // URL: <https://caravan-info.uz/ru/culture/716247-babur-name-kulturnoe-nasledie-sredney-azii-i-indii.html>. (Дата обращения: 06.06.2025)
26. Шанхайская организация сотрудничества. Совещание министров культуры // URL: <https://rus.sectscs.org/20190716/565332.html>. (Дата обращения: 02.06.2025)
27. Comparative Regional Strategies in Central Asia. – International Crisis Group, 2015.
28. UNAMA Reports on Afghanistan Reconstruction and Regional Cooperation. – UN, 2014–2015.
29. Министерство внутренних дел Республики Узбекистан. Обзор по внутренней безопасности в 2015 году. – Ташкент: МВД РУз, 2016.
30. Официальные данные UNODC. Официальный сайт UNODC // URL: <https://dataunodc.un.org/>. (Дата обращения: 25.05.2025)
31. Национальный статистический комитет Республики Узбекистан. Официальный сайт // URL: https://api.siat.stat.uz/media/uploads/sdmx/sdmx_data_2364.pdf (Дата обращения: 15.10.2025)
32. Ананченкова П.И. Возраст как предмет философского дискурса // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 5. № 86. С. 78–86.

Bibliography

1. Ziyaev Sh. Afghanistan in the regional policy of Uzbekistan. – Tashkent: University, 2015.
2. Foreign policy of Uzbekistan: current state and prospects. – Tashkent: MFA RUz, 2016.

3. Alisher Fayzullaev. Pragmatism in the foreign policy of Uzbekistan // Central Asia Analytical Network, 2015.
4. Materials of the press service of the Ministry of Foreign Affairs of Uzbekistan for 2014–2015 // Official website of the Ministry of Foreign Affairs of Uzbekistan // URL: <https://uz.usembassy.gov/statement-press-service-foreign-ministry-uzbekistan/>. (29.05.2025)
5. Central Asia and Afghanistan: challenges and opportunities. – Bishkek: Friedrich-Ebert-Stiftung, 2014.
6. Action strategy in five directions of further development of Uzbekistan for 2017–2023. // Decree of the President of the Republic of Uzbekistan “On the Strategy for Further Development of the Republic of Uzbekistan”. // URL: <http://lex.uz/docs/3107042>
7. National Statistical Committee of the Republic of Uzbekistan. Official website // URL: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/merchandise-trade>. (15.10.2025)
8. JSC “Uzbekistan Railways”. News archive // URL: https://railway.uz/ru/informatsionnaya_sluzhba/novosti/28821/. (06.06.2025)
9. The Trans-Afghan Railway Line: Back on Track? // URL: <https://thediplomat.com/2022/07/the-trans-afghan-railway-line-back-on-track/>. (08.10.2025)
10. Uzbekistan Extends Agreement on Hairaton-Mazar-e-Sharif Railway with Afghanistan // URL: <https://timesca.com/uzbekistan-extends-agreement-on-hairaton-mazar-e-sharif-railway-with-afghanistan/>. (08.10.2025)
11. Agreement for operation of the “Hairatan–Mazar-i-Sharif” railway renewed // URL: <https://kun.uz/en/34245783>. (13.10.2025)
12. The agreement on cargo transit between Uzbekistan and Afghanistan has entered into force // URL: <https://kun.uz/ru/22372774>. (08.10.2025)
13. Uzbekistan and Afghanistan agreed to cooperate “in all areas.” Caravanserai // URL: https://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2017/12/05/feature-02. (10.10.2025)
14. Negotiations between the Taliban delegation and Uzbekistan were held in Termez // URL: <https://myseldon.com/ru/news/index/260558492>. (08.10.2025)
15. UNHCR integrates Termez hub in Uzbekistan into global stockpile network // URL: <https://www.unhcr.org/central-asia/en/news/unhcr-integrates-termez-hub-uzbekistan-global-stockpile-network>. (08.10.2025)
16. Ergashev B.I. Uzbekistan’s foreign policy towards Afghanistan in the post-Soviet period: stages, principles, main directions and results // Regional Policy and Security. 2022. № 3 (20). P. 43–55
17. Uzbekistan Begins Building Power Line to Afghanistan // URL: <https://eurasianet.org/uzbekistan-begins-building-power-line-to-afghanistan>. (08.10.2025)
18. Uzbekistan, Afghanistan sign 10-year electricity supply contract // URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-09/21/c_138410659.htm. (08.10.2025)
19. Afghanistan in hock to Uzbekistan and Tajikistan for electricity // URL: <https://eurasianet.org/afghanistan-in-hock-to-uzbekistan-and-tajikistan-for-electricity>. (08.10.2025)
20. Uzbekistan extends electricity export agreement with Afghanistan for 2025 // URL: <https://www.gazeta.uz/en/2024/12/19/uzb-afg>. (16.10.2025)
21. Agreement for operation of the “Hairatan-Mazar-i-Sharif” railway renewal // URL: <https://kun.uz/en/34245783>. (13.10.2025.)
22. Afghanistan, Uzbekistan Sign Contracts for Four Energy Projects Worth \$243 Million // URL: <https://astanatimes.com/2025/08/afghanistan-uzbekistan-sign-contracts-for-four-energy-projects-worth-243-million>. (16.10.2025)
23. UN and OSCE Reports on Security in Afghanistan (2014–2015). Official UNAMA website // URL: <https://unama.unmissions.org/unama-reports>. (30.05.2025)
24. Uzbeks of Northern Afghanistan: History of Formation, Socio-Economic Life, Culture as a People // URL: <https://www.samdu.uz/ru/news/31853>. (02.06.2025)
25. “Babur-name”: Cultural Heritage of Central Asia and India // URL: <https://caravan-info.uz/ru/culture/716247-babur-name-kulturnoe-nasledie-sredney-azii-i-indii.html>. (06.06.2025)
26. Shanghai Cooperation Organization. Meeting of Ministers of Culture // URL: <https://rus.sectso.org/20190716/565332.html>. (02.06.2025)
27. Comparative Regional Strategies in Central Asia. – International Crisis Group, 2015.
28. UNAMA Reports on Afghanistan Reconstruction and Regional Cooperation. – UN, 2014-2015.
29. Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan. Internal Security Review in 2015. – Tashkent: Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan, 2016.
30. Official data of UNODC. Official website of UNODC // URL: <https://dataunodc.un.org/>. (25.05.2025)
31. National Statistical Committee of the Republic of Uzbekistan. Official website // URL: https://api.siat.stat.uz/media/uploads/sdmx/sdmx_data_2364.pdf (15.10.2025)
32. Ananchenkova P.I. Age as a subject of philosophical discourse // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 5. № 86. P. 78–86.

Мартинс Д.М.

*Аспирантка 3 курс. Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород.*

Газпром в Бразилии: анализ присутствия и роли российской компании в экономическом развитии Бразилии

Введение

Российская компания «Газпром», открыв свое представительство в Рио-де-Жанейро, всегда проявляла интерес к инвестициям в Бразилии. Стратегия этого сотрудничества заключается в том, что оба государства получают положительные результаты от партнерства.

«Газпром» начал закрепляться на бразильском рынке в начале 2000-х годов, участвуя в различных инициативах в энергетическом секторе и сотрудничая в проектах, направленных на освоение и развитие ресурсов природного газа. Компания демонстрирует заинтересованность в бразильском рынке и стремится к взаимовыгодному партнерству, включая обмен технологиями, ноу-хау и совместные проекты по разработке газовых месторождений.

Бразилия ожидает российских инвестиций в газовую отрасль, поскольку сталкивается с проблемой импорта сжиженного природного газа (СПГ): объем собственного производства недостаточен для снабжения электростанций, работающих на газе. В результате бразильский рынок газа и СПГ зависит от импорта. Возникает вопрос: каким образом «Газпром» может стать перспективным партнером для решения этой проблемы?

Настоящее исследование направлено на изучение сотрудничества между Бразилией и Россией, а также механизмов реализации партнерства в сфере газа, энергетики и импорта СПГ.

Как отметил посол Бразилии Родриго Баэна Соарес, «у нас появилась новая законодательная база для газового сектора в Бразилии». Этот правовой режим представляет собой значительную возможность для инвестиций «Газпрома» в бразильский рынок.

Принятый в 2021 году закон о газе делает участие группы «Газпром»

в Бразилии еще более перспективным. В рамках нового регулирования российская компания получит благоприятные условия для реализации проектов в газовой и энергетической сферах, а также для поставок СПГ.

Сотрудничество между Бразилией и Россией может включать как разработку газовых месторождений, так и строительство инфраструктуры для транспортировки и распределения газа.

Актуальность данного исследования заключается в том, чтобы показать: Латинская Америка является стратегически важным и перспективным регионом для «Газпрома» с точки зрения развития газового и углеводородного бизнеса, что способствует экономическому росту обеих стран.

Автор, исследуя данную тему, использовала метод наблюдения и изучала источники в интернете, такие как официальный сайт «Газпрома» и новостные публикации, касающиеся компании и ее деятельности в Бразилии. Анализ показал, что решение об открытии представительства «Газпрома» в Бразилии было связано со стремлением создать базу для долгосрочного взаимовыгодного сотрудничества с латиноамериканскими странами, а также для представления и защиты интересов компании в регионе.

Присутствие «Газпрома» в Бразилии играет важную роль, поскольку инвестиции в разведку и добычу газа, особенно в районах *pré-sal* (глубоководные месторождения нефти и газа), имеют значительный экономический потенциал и привлекают крупные капитальные вложения.

Методы исследования

В рамках исследования были изучены документы, новостные публикации и научные статьи, посвященные деятельности «Газпрома» в Бразилии.

Анализ информации проводился на основе качественного исследовательского подхода с использованием данных из интернет-источников, включая сайт «Газпрома» и научные публикации по теме.

Были проанализированы интервью с экспертами в области экономики, международной торговли и дипломатии. Для подтверждения достоверности собранных данных использовались количественные показатели, связанные с деятельностью «Газпрома».

Дополнительные материалы были получены из поисковых систем (например, Yandex, Google Scholar), а также из научных журналов, посвя-

щенных экономике и газовой отрасли России.

Применяя метод наблюдения, автор изучила данные на официальном сайте GAZPROM.RU и сформировала свои выводы на основе анализа стратегии «Газпрома», направленной на укрепление его позиций среди ведущих мировых компаний в сфере газа и энергетики.

На основании научных статей и публикаций, посвященных «Газпрому», газовой отрасли и экспорту СПГ, было выявлено, что компания активно ищет партнеров среди бразильских и международных компаний для реализации энергетических инфраструктурных проектов, включая строительство газопроводов и терминалов регазификации.

Таким образом, исследование направлено на выявление всех аспектов интереса «Газпрома» к бразильскому рынку. Компания стремится способствовать экономическому развитию страны, улучшать инфраструктуру и повышать доступность энергоресурсов. Количественные данные и аналитическая информация подтверждают, что «Газпром» способен оказать значительное влияние на развитие энергетического сектора Бразилии.

Присутствие Газпрома в Бразилии

Согласно данным, собранным из интернета, 3 ноября 2011 года на сайте Газпрома была опубликована информация о том, как компания начала проявлять интерес к выходу на бразильский рынок.

Открытие представительства Газпрома в Бразилии состоялось в 2010 году в Рио-де-Жанейро. Церемония открытия включала присутствие Павла Одерова, главы департамента внешних экономических связей, посла Российской Федерации в Бразилии, а также представителей исполнительной и законодательной власти Бразилии, латинских стран и ведущих нефтегазовых компаний.

Газпром, изучив бразильский рынок, увидел перспективы для своего бизнеса в этом регионе и решил открыть офис в Рио-де-Жанейро, чтобы продемонстрировать свой интерес к установлению долгосрочных партнерских отношений и развитию газового сектора в Бразилии.

В феврале 2007 года Газпром и бразильская нефтегазовая компания Petrobras подписали меморандум о взаимопонимании, что стало началом стратегического экономического сотрудничества между двумя странами. Этот документ подразумевал совместную работу в области разведки, производства, транспортировки и коммерциализации углеводородов.

Сотрудничество касалось разработки морских месторождений, вне-

дрения новых технологий и производства сжиженного природного газа (СПГ).

В марте следующего года Газпром, продолжая расширять свое присутствие в Латинской Америке, подписал соглашение о геологоразведке с боливийской компанией на блоках Суншал и Асеро в Боливии. В феврале 2009 года Газпром и компания YPFB подписали соглашение о разработке генерального плана для газовой промышленности Боливии до 2030 года, а в 2010 году Газпром заключил соглашение о передаче прав на участие в 20% проектах по разведке месторождений Ипати и АКЮ в Боливии.

В 2010 году правление Газпрома приняло решение открыть офис в Рио-де-Жанейро для укрепления долгосрочного взаимовыгодного сотрудничества с Латинской Америкой, а также для представления и защиты интересов компании в регионе.

По данным, собранным при исследовании темы, основная цель открытия офиса в Бразилии заключалась в установлении долгосрочного партнерства с Латинской Америкой для разработки газового сектора и защиты интересов Газпрома.

Офис Газпрома в Бразилии занимается поиском новых путей развития компании на рынках энергетики Латинской Америки. Также он оказывает аналитическую поддержку проектам, реализуемым в Бразилии, и участвует в координации работы компаний, созданных Газпромом в Латинской Америке.

Согласно сообщению, опубликованному 03 августа 2021 года на сайте neftegaz.ru, о публикации нового газового закона в Бразилии.

Автор, вооружившись информацией методом наблюдения, отметил, что новый газовый закон Бразилии открывает хорошие возможности для участия Группы ГАЗПРОМ в газовых и энергетических проектах страны.

Согласно анализу, проведенному в ходе исследования, мы увидели, что Бразилия нуждается в импорте СПГ, поскольку сама она не может добывать достаточно газа для обеспечения электростанций в энергетическом секторе, поэтому Бразилия зависит от импорта газовых жидкостей. Поэтому, проведя исследование, мы обнаружили, что у «ГАЗПРОМа» есть альтернативы для решения этой проблемы на бразильском газовом рынке».

Когда автор проанализировала новый газовый закон Бразилии, она поняла, что там существует новая система регулирования. Эта новая система подходит для «ГАЗПРОМа», так как она создаст благоприятные возможности для реализации новых газовых и энергетических проектов

в Бразилии, и российская компания может сыграть важную роль, так как она заинтересована в этом рынке.

Что представляет собой новый газовый закон Бразилии? Под названием «газовые законы» подразумевается набор экспериментальных законов, изучающих поведение идеального газа при его газообразном превращении. В общем случае мы говорим, что газ претерпел газообразное превращение, когда одна или несколько его переменных (давление, объем и температура) Информация взята из поисковой системы google.com.

Согласно информации на сайте neftegaz.ru, в Бразилии этот закон был подписан в апреле 2021 года. Существует соглашение между PETROBRAS и CADE, которое является правительственной программой «новый газовый рынок».

Новый закон регулирует отношения в области транспортировки, хранения и переработки газа, а также использования газовой инфраструктуры.

Проводя свое исследование, автор увидела, что целью нового закона является создание надежного, конкурентного и прозрачного газового рынка, а также содействие созданию условий, необходимых для привлечения частных инвестиций в газовую отрасль Бразилии.

На сайте neftegaz.ru сообщается, что бразильская компания ENEVA изучает возможность сотрудничества с компанией из группы «ГАЗПРОМ» в реализации газовых и энергетических проектов.

Вооружившись уже упомянутой в данной работе информацией, в исследовании поднимается проблема, которая заключается в том, что Бразилии все еще недостаточно для обеспечения новых электростанций, так как страна зависит от импорта СПГ, и, судя по информации, собранной по этому вопросу, Бразилия будет продолжать импортировать жидкий СПГ еще долгие годы.

Изучая тему «ГАЗПРОМа», автор отметил, что российская компания может поставлять в Бразилию СПГ, что, соответственно, поможет Бразилии снизить конкурентную напряженность на этих рынках.

Продолжая тему «ГАЗПРОМа» в Бразилии, согласно информации, собранной на интернет-ресурсе glavportal.com, «Газпром» заявил о своей заинтересованности в поставках СПГ в Бразилию.

Компания «Газпром» имеет возможность поставлять сжиженный природный газ в Бразилию и строить хранилища СПГ. Такую информацию получил ТАСС, который сообщает об этом со ссылкой на материалы встречи президентов РФ и Бразилии в 2017 году.

Вся исследуемая информация подтверждает растущий интерес Газпрома к Бразилии, который зародился еще в 2006 году, когда компания активизировала усилия по расширению своего присутствия на международных рынках в области разведки и добычи углеводородов.

Вопрос о выборе Газпромом Бразилии не вызывает затруднений – страна является одним из самых перспективных регионов для добычи углеводородов в мире. Здесь находятся огромные запасы нефти и газа, как на суше, так и на шельфе.

Газпром, имея монополию на российский газ, имеет возможность предложить Бразилии развитие инфраструктуры, включая строительство газопроводов и подземных хранилищ газа, что поможет развивать энергетику и газовый сектор страны.

Как отметил посол Бразилии Родриго Баэна в интервью в 2023 году для сайта noticiabrasil.net.br, Бразилия ожидает инвестиций от Газпрома в газовый сектор.

На основе информации, полученной из этого интервью, можно заключить, что с учетом нового законодательного порядка в газовом секторе Бразилии страна ожидает начать сотрудничество с Газпромом, что поможет стимулировать экономический рост.

Согласно данным Национальной конфедерации промышленности, инвестиции могут составить до 152 миллиардов реалов до 2030 года благодаря новому закону о газе.

Важность Газпрома в секторе газа и энергетики на глобальной арене

Согласно отчету PJSC Газпром и информации, размещенной на официальном сайте компании, Газпром является глобальной энергетической компанией, деятельность которой охватывает геологоразведку, добычу, транспортировку, хранение, переработку и продажу природного газа и нефти, а также продажу газа в качестве топлива для двигателей, производство и продажу тепла и электроэнергии.

Миссия Газпрома – обеспечивать потребителей надежным и эффективным снабжением природным газом и другими энергетическими ресурсами. Газпром обладает крупнейшими в мире запасами природного газа и является мировым лидером по его добыче.

Компания имеет отличную репутацию на международной арене благодаря надежности поставок газа как для российских, так и для иностранных потребителей. Газпром реализует ряд проектов по разведке и добыче углеводородов за рубежом и поставляет газ как соседним, так и дальним

странам. Важно отметить, что Газпром является крупнейшим производителем и экспортером сжиженного природного газа (СПГ) в России.

Компания активно развивает рынок СПГ, и проект Сахалин-2 стал успешным, позволив реализовать новые проекты, которые обеспечат Газпрому значительное место на быстро растущем мировом рынке СПГ. Газпром также занимает лидирующую позицию в стране по производству тепловой энергии.

Компания также продемонстрировала успешное применение экологически чистых технологий на всех этапах производственной цепочки, стремясь поставлять продукцию, которая будет не только эффективной, но и экологически безопасной.

Проект Сахалин-2 стал первым проектом по производству СПГ в России. Газпром осуществил первый в мире поставки СПГ через Северное море.

Стратегической целью Газпрома является укрепление и сохранение его лидерства среди мировых энергетических компаний, диверсификация рынков сбыта, обеспечение энергетической безопасности и устойчивое развитие, повышение операционной эффективности и использование научного и технического потенциала. Газпром обладает значительными преимуществами благодаря собственной добыче энергетических ресурсов и мощной инфраструктуре для транспортировки газа.

На основе полученной информации о роли Газпрома в глобальном энергетическом контексте важно подчеркнуть значимость его проектов для экономического развития других стран. Одним из таких проектов является Сахалин-2, который представляет собой создание единой системы производства, транспортировки и поставки газа, с учетом стратегической важности Восточной Сибири и Дальнего Востока для проекта.

Сжиженный природный газ (СПГ) является важной составляющей деятельности Газпрома. Газпром производит СПГ, который включает в себя этан, и многие страны, в том числе Бразилия, активно нуждаются в СПГ. В Ленинградской области также реализуется крупный проект по переработке газа и производству СПГ. Этот проект направлен на создание нового экономического подхода для комплексной монетизации углеводородных резервов.

Реализация таких проектов имеет большое значение не только для России, но и для других стран, заинтересованных в производстве природного газа. Успех этих проектов позволит Газпрому увеличить экспорт СПГ и других углеводородных газов.

Важным элементом исследования является проект по поставкам СПГ в Калининградскую область, который также имеет стратегическое значение для обеспечения энергетической безопасности региона. В Калининграде был построен терминал приема газа – плавучий регазификационный терминал “Маршал Василевский”, который был введен в эксплуатацию на Балтийском море.

Ранее Калининградская область получала природный газ через транзитные газопроводы, но для повышения энергетической безопасности региона Газпром реализовал проект альтернативных поставок газа с использованием сжиженного природного газа (СПГ), который доставляется морским путем. В результате был построен терминал для приема газа в водах Балтийского моря, что обеспечивает надежную и безопасную работу с оборудованием, способным выдержать сильнейшие штормы, характерные для региона.

Этот проект с использованием регазификации природного газа помогает обеспечить надежное и экономичное снабжение населения газом, создавая значительные экономические и экологические преимущества. Все эти проекты, реализуемые Газпромом, имеют важное значение для развития глобальных поставок СПГ, а также для обеспечения энергетической безопасности стран, таких как Бразилия.

Результаты и обсуждения

Газпром и Бразилия начали устанавливать связи с начала 2000-х годов. Оба участвовали в совместных проектах в энергетическом секторе, с общими целями в сотрудничестве по разработке и освоению природных газовых ресурсов.

Вся информация, собранная в ходе исследования, акцентирована на инициативе Газпрома открыть представительство в Бразилии с основной целью создания основ для взаимовыгодного сотрудничества в области газа и энергетики.

Результаты исследования показывают, что присутствие Газпрома в Бразилии имеет большое значение для таких секторов, как разведка и добыча природного газа, особенно в таких перспективных районах, как пресал, что привлекает инвестиции с высоким потенциалом.

Бразилия и Россия имеют большие возможности для установления коммерческих связей, и поиск новых партнерств стимулирует взаимные инвестиции, особенно в стратегически важные области, такие как энергетика, инфраструктура и оборона.

Газпром и бразильская нефтегазовая компания Petrobras подписали документ о сотрудничестве в области разведки, добычи и транспортировки углеводородов, а также о разработке новых технологий и производстве СПГ.

В ходе исследования внимание было сосредоточено на важности открытия представительства Газпрома в Рио-де-Жанейро, что открыло новые возможности для укрепления партнерства с Petrobras, особенно в области сжижения и транспортировки газа.

Исследование показало, что Газпром пришел в Бразилию в момент, когда Petrobras открыла новые запасы нефти, что стало отличной возможностью для сотрудничества.

Также было отмечено, что российские и бразильские предприниматели осознают потенциал друг друга. Исторически сложившиеся дружеские отношения и сильные коммерческие связи между двумя странами продолжают укрепляться.

Цель исследования состояла в том, чтобы показать, что Газпром является одной из крупнейших и самых перспективных компаний в области энергетики и газа на мировом рынке.

С принятием нового закона о газе в Бразилии Газпром понял, что сейчас самое подходящее время для инвестиций в страну, так как новая законодательная база создает благоприятные условия для реализации новых проектов в области газа и энергетики.

Исследование также выявило проблему, с которой сталкивается Бразилия: дефицит производства газа для обеспечения новых электростанций. Страна зависит от импорта СПГ, и, как показывает исследование, это будет продолжаться в будущем. Газпром предложил решение этой проблемы, предлагая поставки СПГ в Бразилию, что поможет снизить конкурентное давление на рынке.

Цель данного исследования - показать, что присутствие Газпрома в Бразилии приведет к экономическому росту, а полученные результаты подтверждают, что инвестиции компании принесут положительные результаты.

Заключение

Присутствие Газпрома в Бразилии представляет собой интересный аспект экономических и энергетических отношений между Россией и Бразилией, особенно в контексте геополитических изменений и роста спроса на энергоресурсы.

Данное исследование предоставляет полезную информацию о том, что присутствие Газпрома в Бразилии может стать частью более широкой стратегии России по укреплению торговых и политических связей с развивающимися странами.

Кроме того, Газпром является одной из крупнейших мировых компаний по производству природного газа и стремится расширить свое влияние, включая Латинскую Америку. Бразилия, с её огромными запасами нефти и газа, является привлекательным рынком для этой компании.

Исследование показало, что присутствие Газпрома может значительно способствовать экономическому росту, особенно в таких секторах, как строительство и эксплуатация энергетической инфраструктуры.

Автор исследования продемонстрировал, что будущее присутствия Газпрома в Бразилии связано с увеличением разнообразия источников энергии и обеспечением энергетической безопасности страны, и Газпром может сыграть значительную роль в этом процессе.

Результаты исследования также показали, что Газпром может помочь увеличить производство природного газа и нефти в Бразилии, способствуя энергетической безопасности страны.

В итоге, исследование показало, что присутствие Газпрома в Бразилии представляет собой как вызовы, так и возможности. Влияние на экономику и социальное развитие может быть положительным, и в случае успешной работы Газпром может значительно повлиять на развитие энергетического сектора Бразилии, помогая стране достичь своих целей в области устойчивого роста и энергетической безопасности.

Список литературы:

1. «Газпром» открыл Представительство в Рио-де-Жанейро [электронный ресурс] // Газпром: официальный сайт. // URL: <https://www.gazprom.ru/press/news/2011/november/article122340/> (Дата обращения: 16.10.2024).
2. Газовый закон в Бразилии делает перспективным участие группы «Газпром» в проектах в стране [электронный ресурс] // Geoenergetics. – 03.08.2021. // URL: <https://geoenergetics.ru/2021/08/03/gazovyj-zakon-v-brazilii-delaet-perspektivnym-uchastie-gruppy-gazprom-v-proektax-v-strane/> (Дата обращения: 15.10.2024).
3. «Газпром» обосновался в Бразилии [электронный ресурс] // Neftegaz: официальный сайт. – 13.10.2008. // URL: <https://neftgaz.ru/news/companies/278394> (Дата обращения: 20.01.2025).
4. У компаний «Газпрома» могут появиться проекты в Бразилии в связи с принятием закона о газе [электронный ресурс] // SMART-LAB: официальный сайт. – 03.08.2021. // URL: <https://smart-lab.ru/blog/news/712891> (Дата обращения: 20.01.2025).
5. Бразилия ожидает инвестиций России в газовый сектор страны, заявил посол [электронный ресурс] // РИА Новости. – 09.02.2023. (Дата обращения: 20.01.2025).
6. У «Газпрома» есть перспективы в Бразилии [электронный ресурс] // НЕФТЬ КАПИТАЛ 30. – 03.08.2021. // URL: <https://ria.ru/20230209/braziliya-1850919328> (Дата обращения: 20.01.2025).
7. «Газпром» объявил о заинтересованности в поставках СПГ в Бразилию [электронный ресурс] // главпортал. – 21.06.2017. // URL: <https://glavportal.com/news/gazprom-obyavil-o-zainteresovannosti-v-postavkah-spg-v-braziliyu> (Дата обращения: 20.01.2025).
8. Brasil compra produtos petrolíferos da Rússia a um valor recorde de R\$ 28,1 bilhões, apontam dados [электронный ресурс] // Sputnik Brasil. – 09.10.2024. // URL: <https://noticiabrasil.net.br/20241009/brasil->

compra-produtos-petroliferos-da-russia-a-um-valor-recorde-de-r-281-bilhoes-apontam-dados-36845776 (Дата обращения: 21.01.2025).

9. Brasil espera investimentos da Gazprom russa no setor de gás do país, segundo embaixador brasileiro [электронный ресурс] // Sputnik Brasil. – 09.02.2023. // URL: <https://noticiabrasil.net.br/20230209/brasil-espera-investimentos-da-gazprom-russa-no-setor-de-gas-do-pais-segundo-embaixador-brasileiro-27509374> (Дата обращения: 22.01.2025).

10. Depois de estudar o mercado, Gazprom decide investir no Brasil e expandir negócios na América do Sul [электронный ресурс] // petronoticias. – 19.10.2017. // URL: <https://petronoticias.com.br/depois-de-estudar-o-mercado-gazprom-decide-investir-no-brasil-e-expandir-negocios-na-america-do-sul/> (Дата обращения: 22.01.2025).

11. Гольцов А.Н., Дедиу Е.И. Экономико-политический симбиоз: британский империализм и идеология свободной торговли как элементы единого национального проекта (вторая половина XIX века – первая треть XX века) // Альманах «Крым». 2025. № 50. С. 21-33.

Bibliography

1. Gazprom Opens Representative Office in Rio de Janeiro // Gazprom: official website. // URL: <https://www.gazprom.ru/press/news/2011/november/article122340/> (16.10.2024).
2. Gas Law in Brazil Makes Gazprom Group's Participation in Projects in the Country Promising // Geoenergetics. – 03.08.2021. // URL: <https://geoenergetics.ru/2021/08/03/gazovyj-zakon-v-brazilii-delaet-perspektivnym-uchastie-gruppy-gazprom-v-proektax-v-strane/> (15.10.2024).
3. Gazprom has established itself in Brazil // Neftegaz: official website. – 13.10.2008. // URL: <https://neftegaz.ru/news/companies/278394> (20.01.2025).
4. Gazprom companies may have projects in Brazil in connection with the adoption of the gas law // SMART-LAB: official website. – 03.08.2021. // URL: <https://smart-lab.ru/blog/news/712891> (20.01.2025).
5. Brazil expects Russian investment in the country's gas sector, the ambassador said // RIA Novosti. – 09.02.2023. (20.01.2025).
6. Gazprom has prospects in Brazil // OIL CAPITAL 30. – 03.08.2021. // URL: <https://ria.ru/20230209/braziliya-1850919328> (20.01.2025).
7. Gazprom announced interest in LNG supplies to Brazil // Glavportal. – 21.06.2017. // URL: <https://glavportal.com/news/gazprom-obyavil-o-zainteresovannosti-v-postavkah-spg-v-braziliyu> (20.01.2025).
8. Brasil compra produtos petrolíferos da Rússia a um valor recorde de R\$ 28.1 bilhões, apontam dados // Sputnik Brasil. – 09.10.2024. // URL: <https://noticiabrasil.net.br/20241009/brasil-compra-produtos-petroliferos-da-russia-a-um-valor-recorde-de-r-281-bilhoes-apontam-dados-36845776> (01.21.2025).
9. Brasil espera investimentos da Gazprom russa no setor de gás do país, segundo embaixador brasileiro // Sputnik Brasil. – 02/09/2023. // URL: <https://noticiabrasil.net.br/20230209/brasil-espera-investimentos-da-gazprom-russa-no-setor-de-gas-do-pais-segundo-embaixador-brasileiro-27509374> (01.22.2025).
10. Depois de estudar o mercado, Gazprom decide investir no Brasil e expandir negócios na América do Sul // petronoticias. – 10.19.2017. // URL: <https://petronoticias.com.br/depois-de-estudar-o-mercado-gazprom-decide-investir-no-brasil-e-expandir-negocios-na-america-do-sul/> (22.01.2025).
11. Goltsov A.N., Dediu E.I. Economic-political symbiosis: British imperialism and the ideology of free trade as elements of a unified national project (second half of the XIX century – first third of the XX century) // Almanac "Crimea". 2025. № 50. P. 21-33.

Калмыкова М.В.

Кандидат исторических наук, преподаватель филологического факультета. Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне.

Гастрономическое наследие Северо-Западной Италии: уникальное и самобытное

Италия славится разнообразным и изысканным кулинарным наследием, которое отражает богатство ее природных условий, истории, культуры. В общей сложности, согласно Конституции в стране выделяются двадцать областей (регионов, итал. regioni). Особое внимание привлекает северная часть страны, обладающая уникальными традициями и особенностями в питании, она включает в себя восемь областей: Валь д'Аоста, Пьемонт, Лигурия, Ломбардия, Трентино-Альто Адидже, Венето, Эмилия-Романья, Фриули-Венеция Джулия. Географически эта зона может быть разделена на Северо-Запад (области Ломбардия, Пьемонт, Валь д'Аоста и Лигурия) и Северо-Восток (области Венето, Трентино, Эмилия-Романья, Фриули-Венеция Джулия)¹. В данной статье будет рассмотрен гастрономический портрет Северо-Запада Италии. Мы проведем анализ общих черт и особенностей пищевых предпочтений жителей данных областей Италии.

Сразу же отметим, что сам термин «итальянская кухня» часто ставится под сомнение самими итальянцам, которые не принимают единой концепции «итальянской еды» или, по крайней мере, используют это понятие с большими оговорками.

Географические особенности Северной Италии, её протяженность с северо-запада на юго-восток и преобладание гористого и холмистого рельефа (свыше 55% составляют альпийские горы), обеспечивают разнообразие микроклиматов в разных районах, что создает различные климатические и почвенные условия для занятия сельским хозяйством и переработки аграрной продукции. Альпийский хребет служат барьером для воздушных масс, что предопределяет умеренный климат с прохладными зимами и относительно теплыми летами. Это, а также сосредоточение орошаемых земель создает благоприятные условия для выращивания многих сельскохозяйственных культур.

¹ Калмыкова М.В. Культура питания населения Северной Италии. МГУ, 2015. С. 62.

В южной части исследуемого региона преобладают орошаемые земли, где выращиваются кормовые культуры, в то время как на северо-востоке больше заняты плодовыми культурами. Кухня сильнее подвержена влиянию соседних средиземноморских стран, а в итальянских Альпах нетрудно найти элементы, характерные для северофранцузской, австрийской и швейцарской кухонь.

Марина Дженти из Пьемонта вспоминает, что «по словам бабушки, раньше в нашей области, в районе Турина, вообще не употребляли оливковое масло». То есть, только в последние пятьдесят лет это масло начало активно проникать с юга². Здесь по большей части использовалось сливочное масло. И сейчас на севере Италии, особенно в Ломбардии и Венето, производят в большом объеме высококачественное сливочное масло. И нынешние кулинары, как и их деды, ценят сливочное масло из Ломбардии за нежный вкус и мягкую текстуру, а масло из Венето - за тонкий аромат.

Оливковое масло шло на Север через Лигурию, где издавна выращивают оливковые деревья. Оно отличается особым вкусовым профилем и успешно конкурирует с сортами из центральных и южных районов Италии. Каждый, кто пробовал это масло, знает, что оливки, выросшие на каменистых почвах Лигурии в условиях мягкого средиземноморского климата, дают продукт с нежным фруктовым ароматом и легкой горчинкой. Все это значит, что на Севере предпочитают сливочное масло, но не только не пренебрегают оливковым, но и умеют производить здесь изысканные сорта. Тоже можно сказать и о белковой пище: население Северной Италии отдает предпочтение мясу перед рыбой, но вовсе не пренебрегает морепродуктами, которые при использовании топленого масла и свежего яичного теста станут по вкусу любому гурману.

Чтобы оценить в полной мере полноту и разнообразие блюд, составляющих впечатляющий перечень того, что может предложить северо-итальянская кухня, нужно отправиться в эвентуальное путешествие от самых гористых областей к тем, где преобладает равнинный ландшафт, а затем спуститься к протяженной приморской полосе.

В *Валь д'Аосте* кулинарные предпочтения относятся, как правило, к альпийской кухне. Долины гор заняты под садоводство, на склонах разбросаны виноградники, а в каштановых лесах располагается множество пасек. Но главное – молочная продукция, особенно сыроварение. А к этому такие продукты, как колбасы, полента, мясные рагу, сало и масло.

2 Калмыкова М.В. Культура питания населения Северной Италии. МГУ, 2015 г. С. 72.

В Валь д'Аосте средиземноморская диета, которая включает в себя в первую очередь оливковое масло, рыбу, фрукты и овощи, склонна к сдаче своих позиций. Земля, граничащая с Францией, подверглась заметному влиянию французской кулинарии. Вот несколько конкретных примеров. Франция и Валь д'Аоста известны своими выдающимися сырами. Знаменитые французские сыры, такие как камамбер и рокфор, не могли не повлиять на ассортимент сыров в регионе, включая такие местные сорта как груйер. Французская выпечка (багеты и круассаны) приходит на ум, когда знакомишься с традиционными хлебными изделиями Валь д'Аосты. Французские приемы приготовления выпечки, такие как кружевная паста (паста в виде кружев) и слоеное тесто, не могли миновать внимания местных кулинаров, которые, видимо, испытали влияние французской традиции в приготовлении мясных блюд, таких как рагу и жаркое. Вероятно, повара из Валь д'Аосты подвергли бы нелицеприятной критике высказанные выше суждения о французских кулинарных влияниях, и заявили бы о том, что как раз французы обогащали свой гастрономический арсенал за счет знакомства с итальянскими рецептами. Для нас важно другое. Сравнивая то, что привыкли есть французы и итальянцы, мы приходим к бесспорному выводу: из всех северо-итальянских регионов именно в Валь д'Аосте француз чувствовал бы себя за столом почти как дома. Эти влияния, конечно, являются частью взаимного культурного обмена в приграничных регионах и придают кухне Валь уникальный характер за счет сочетания традиций итальянской и французской кухни.

Нет спора и о самобытности корней кухни Валь д'Аосте. Достаточно приглядеться к местным праздникам Сагры с традиционными кулинарными фестивалями, во время которых местные жители и посетители могут оценить разнообразие местных блюд. Скажем в августе популярная сагра «Ветчина на гриле». «Jambon alla brace» - вкусное вяленое мясо, слегка копченое и запеченное на огромных вертелах. Сопровождается это яство соусом на основе белого вина, коньяка, чеснока, лавра, розмарина и шалфея. Обычно подают с фасолью³. И нет споров о первородстве.

Также большой популярностью пользуется сагра в честь Вальпелинского супа⁴. Этот фестиваль проходит в июле. Рецепт этого супа вклю-

3 Интернет-портал «Sagra del Jambon alla brace» // URL: https://www.giraitalia.it/sagre/2655_sagra_del_jambon_alla_brace.html (Дата обращения: 05.01.2025).

4 Интернет-портал «Sagra della Seupa à la Valpelenentse» // URL: <https://www.italybyevents.com/eventi/valle-daosta/sagra-della-seupa-valpelline/> (Дата обращения: 05.01.2025).

чает белокочанную капусту, сыр фонтин, масло, бульон и кубики сухого хлеба. Некоторые вариации рецепта (их много) включают в себя также корицу. Он готовится следующим образом: укладываются ломтики хлеба и сыра фонтин друг на друга, их заливают бульоном, покрывают растопленным маслом и добавляют щепотку корицы, затем ставят в духовку. Сагра - уникальная возможность попробовать это традиционное блюдо, сопровождаемое народной музыкой и танцами (Sagra della Seura à la Valpelenentse 2023). И опять не следует искать никаких иностранных влияний.

Проведение сагр подчеркивает важность сохранения и передачи традиций в плане приготовления пищи. Эти события способствуют сохранению и продвижению уникальных кулинарных навыков и рецептов, характерных для Валь д'Аоста. Сагры посвящены фруктам, фонтине, винограду, каштану, фасоли, примечательны праздники, посвященные черному хлебу - все региональные специальности имеют свой фестиваль.

В сравнении с другими регионами можно увидеть, что географические особенности оказали влияние на формирование кулинарных предпочтений в данном районе. В целом, разнообразие блюд здесь невелико: Валь д'Аоста, окруженная горами, практически лишена равнинных участков. Местное население веками готовило блюда, опираясь исключительно на местные продукты, что объясняет отсутствие здесь, например, широкого использования макаронных изделий, характерных для остальной части Италии.

В *Пьемонте*, как и в других северных областях Италии, таких как Ломбардия и Венеция, пищевые продукты стоят дорого. Поэтому значительную роль в рационе населения приобретает рис. Пьемонт - лидирующий регион Италии по производству риса, особенно в районах, соседствующих с Ломбардией. Земли, прежде занятые под пшеницу, замещались рисовыми полями, затопленными водой.

Кулинарная традиция Пьемонта представляет собой широкий спектр блюд, включающий такие ингредиенты, как телятина, вино, сливочное масло, трюфели, дичь, пресноводная рыба и овощи. Этот регион подвержен влиянию французской кухни, что отражается на разнообразии закусок и соусов. Масло и средиземноморские анчоусы, доставляемые с недалекого побережья Лигурии, используются в местных блюдах, таких как «банья кауда» (горячая подливка на основе чеснока и анчоусов). Среди первых блюд региона выделяются «аньолоти» (пьемонтский вариант

равиолли – фаршированная паста), «ньюкки алла бава» (картофельные ньюкки с ароматным сыром) и «тахарин» (яичная паста), а также блюда на основе риса, такие как «паниша» (вариант блюда, густой суп, более похожий на местный ризотто) и ризотто с лягушками. Телятина играет ключевую роль во вторых блюдах, включая жаркое, «вителло тоннато» (маринованная телятина с соусом на основе тунца) и «финанциеру» (мясное ассорти, тушеное в вине, с белыми грибами, зеленым горошком).

Разнообразные продукты отражают богатство кулинарного наследия Пьемонта на саграх. Например, трюфели, которыми славится Пьемонт. На саграх можно отведать разнообразные сорта местного вина. Особенно высок рейтинг Barolo и Barbaresco. Представлены на саграх традиционные местные мясные изделия, такие как салями и колбасы. В регионе, где производят много риса, ризотто является популярным блюдом, охотно потребляемым на сельских празднествах. Сезонные фрукты и овощи, такие как вишни, персики и артишоки, также идут нарасхват на ярмарках⁵.

В целом, в данной области преобладают местные ингредиенты, что отражает традиционность блюд. Внешнее влияние здесь нелегко заметить, причем не только заграничное, но и других областей страны. Еда обычно острая и ароматная. Овощи играют ключевую роль. Оливковое масло и паста, хотя и являются символами итальянской кухни, традиционно не так популярны здесь, как в других регионах. Однако в последнее время они начинают входить в местную кулинарию в связи с модой на средиземноморскую диету.

Кулинарные традиции *Ломбардии* характеризуются значительным разнообразием и изобилием блюд. Она занимает второе место в Италии по объемам сельскохозяйственного производства. В последнее время здесь активно развивается агротуризм.

Многие туристы специально приезжают в Ломбардию попробовать кассуэлу. Это традиционное блюдо, является главным угощением на многочисленных праздниках региона. Оно крестьянского происхождения, готовится из свиных ребер, ножек, хвостов и ушей, а также капусты и других овощей. Кассуэла – главное блюдо на сагре 17 января, когда празднуется день Святого Антония, защитника домашних животных. С этого дня уже не разрешался забой свиней. Традиционный рецепт миланской кассуэлы включает обильное количество савойской капусты и различные

5 Интернет-портал «Sagre in Piemonte» // URL: <https://www.giraitalia.it/sagre/piemonte/> (Дата обращения: 05.01.2025).

части свинины, включая шкуру, щековину, хвост, уши, ребрышки и ножки. Достойным считается жирное и липкое блюдо (на миланском диалекте это соединение качеств имеет свое название - «tachénto»). Как и многие традиционные блюда, оно почти не меняется столетиями. Различные варианты его в зависимости от района Ломбардии включают в себя варианты с более жидкой консистенцией или, например, использованием головы свиньи (в районе озера Комо) или только свиных ног (в провинции Павия). В Новаре свинина может быть заменена гусем⁶.

Для первых блюд характерны ризотто, супы (например, минестроне), паста с начинкой, как в бульоне, так и без. Характерные черты ломбардской кухни в различных провинциях включают такие особенности как преобладание риса и яичной пасты с начинкой над сухими макаронными изделиями из твердых сортов пшеницы (например, пиццокери из Вальтеллины, толсто нарезанная лапша из гречневой муки), использование сливочного масла вместо оливкового при готовке, долгая термическая обработка продуктов.

Широко используются свинина (в том числе, в виде популярных колбас), телятина (блюдо оссобуко – мясо, приготовленного по традиции с жаркой из петрушки, чеснока и лимонной цедры и подаваемое как самостоятельное блюдо вместе с ризотто), молоко, яйца. Популярна полента, что является общим для всего Северного Италии. В пищу употребляют мясо лягушек (их немало развелось на рисовых плантациях), приправленное ароматическими травами, маслом и сыром⁷.

Существенным компонентом кулинарии района Комо, расположенного по берегам одноименного озера, является использование свежей рыбы, включая форель и линя. Рыбалка и приготовление были настоящим обрядом, и в деревнях занимать чужое место для рыбной ловли считалось тяжким оскорблением. Ризотто с филе окуня, распространено по всему региону. На берегах озера Гарда знамениты треска, запеченная в духовке с грибами, и угорь по-гардесе, приготовленный на гриле и приправленный маслом и лимоном. В настоящее время в рыбноводческих хозяйствах разводят осетров для производства икры.

Ломбардия известна разнообразием своих сыров, и традиция заканчивать трапезу сыром прочно сохраняется в этом регионе. А отходы от сы-

⁶ Интернет-портал «La Cassoeula» // URL: <https://lavitali.ru/kukhenbuk/la-cassoeula-kassoeula-blyudo-traditsii-mezhdu-legendami-i-svyatymi> (Дата обращения: 05.01.2025).

⁷ Интернет-портал «Atlante prodotti tipici e tradizionali» // URL: https://web.archive.org/web/20181213131929/http://www.ersaf.lombardia.it/upload/ersaf/publicazioni/Atlanteprodottitipicietradizionali2014_13383_856.pdf (Дата обращения: 05.01.2025).

роделя всегда использовались в кормлении поросят, что способствует развитию свиноводства.

В Ломбардии можно выделить ряд местных гастрономических фестивалей. Октябрь - месяц сельских праздников. Среди наиболее известных - фестиваль кукурузной каши (10 видов кукурузной каши, например, с кабаном, с горгонзолой, с грибами и т.д), сбризолони – десерт родом из Мантуи, фестиваль салями и горчицы в Кремоне, праздник фасоли⁸.

Из-за значительного ландшафтного разнообразия Ломбардии здесь трудно выделить единое ломбардское кулинарное наследие. Ведь в зоне рисового земледелия более распространены ризотто с овощами, в то время как в низинах предпочитают ризотто с мясом. Допустимо говорить о непрерывности провинциальных кухонь, объединенных некоторыми общими чертами по всей области. К таковым, пожалуй, можно отнести только приверженность пасте с начинкой, рису, а также долгой термической обработке блюд.

Главная особенность питания жителей Ломбардии заключается в искусном комбинировании белковых продуктов горных регионов и углеводных продуктов долины реки По с небольшим влиянием морской кулинарии. Многие блюда представляют собой комплексные композиции, объединяющие первое и второе блюдо в одной тарелке. В целом, разнообразие кулинарного наследия Ломбардии определяется различиями в истории провинций и географическим многообразием региона.

В питании населения *Лигурии*, поскольку территория ее невелика и вся размещается на неширокой прибрежной полосе, преобладают импортные продукты из соседних регионов, с которыми на протяжении веков лигурийцы имели частые контакты. Нельзя, например, приготовить типичный лигурийский продукт песто без сардинского пекорино. А разнообразные соусы и подливки, также являющиеся важной частью лигурийской кухни, схожи с кулинарными аналогами из Франции, включая песто, базиликовое песто, трюфельный соус и оливковый маринад. Нельзя не отметить активное использование, нехарактерных для других регионов Италии специй. Они поступали из других итальянских городов или далеких стран и континентов (Америка, Азия, Ближний Восток), и ввозились в Италию и Европу через Геную – в гастрономическом смысле, быть может, самый космополитичный город Италии. К слову, лигурий-

⁸ Интернет-портал «Sagre, feste, eventi in Lombardia» // URL: <https://www.proiezionidiborsa.it/ecco-le-principali-sagre-che-ci-saranno-in-lombardia-fino-al-31-ottobre-si-mangiano-prelibatezze-locali-spendendo-poco-e-ci-sono-iniziativa-per-le-famiglie/> (Дата обращения: 05.01.2025).

ский город Специя своим названием обязан не товару, который ввозился в Италию, через этот порт, а тому, что во времена Древнего Рима он носил название *Spezia*. Однако слово «специя», проникшее в словари многих языков, скорее всего и неслучайно, связано именно с итальянским названием города.

Лигурийская кухня отличается использованием не только завозимых из дальних стран специй, но и местных трав, и, конечно, тем, что произрастает на собственных огородах: лука, картофеля, базилика, баклажанов и т.д. А еще томаты, кабачки, артишоки, лесные грибы, трюфели, свежие и сушеные фрукты. Важное место в лигурийской кухне занимает оливковое масло. Любят лигурийцы мучные изделия, такие как фокачча, фарината, пироги. В питании населения мы находим разнообразие свежих и макаронных изделий из твердых сортов пшеницы. Лигурия, родина первой итальянской гильдии производителей макаронных изделий, сыграла важную роль в распространении этих изделий, как сухих (из твердых сортов пшеницы), так и свежих (яичное тесто). Приправами к ним выступают песто, песто из фасоли, ореховый соус, грибной соус, рыбный соус, белое рагу, рагу из кролика, рагу из дичи (кабан, заяц, олень и т. д.), трюфели. Морепродукты и дичь, включая анчоусы, креветки, осьминоги, каракатицы, а также мясо дичи также традиционными ингредиентами лигурийской кухни. Сыры также играют важную роль; среди них брессу из долины Арроша, джунката из Савоны и многие другие. Фрукты, (абрикосы, сливы и вишни) используются как в свежем виде, так и для приготовления сладких десертов и компотов. Ценят лигурийцы и каштаны.

Эта кухня развивалась в течение веков в соответствии с образом жизни региона. Нехватка пастбищ для скота вынудила лигурийцев разрабатывать блюда на основе альтернативных ингредиентов, таких как рыба и травы, к которым позже добавилась дичь и кролик⁹. Лигурийцы – дети моря и поэтому в домах моряков привычны блюда, которые обычно готовятся на борту судна.

Лигурия предлагает обширный календарь сельских ярмарок на протяжении всего года. Эти праздничные события, отмеченные демонстрацией кулинарных традиций, позволяют гостям и местным жителям насладиться уникальными блюдами и почувствовать дух Лигурии. Распределение событий по месяцам и провинциям обеспечивает широкий приток по-

⁹ *Borghesi S. Meldolesi A. Mille ricette della cucina italiana. Il più grande e ricco libro illustrato dedicato alla tavola del nostro paese. Milano: Rizzoli, 2010. Coniglio alla ligure. // URL: https://www.google.ru/books/edition/Mille_ricette_della_cucina_italiana_II_p/TOPhHTKkclMC?hl=ru&gbpv=1&pg=PT415&printsec=frontcover*

сетителей, что делает Лигурию привлекательным местом для гурманов и туристов. Среди лучших фестивалей Лигурии выделяются фестивали фоккачи (обжаренное тесто с сырной начинкой), рыбных равиоли, фоккачи с шалфеем, пансоти (типичные для лигурийской кухни макаронные изделия с начинкой, похожие на равиоли, от которых они существенно отличаются размером и отсутствием мяса в начинке). Пансоти с ореховым соусом - одно из самых дешевых и характерных блюд генуэзской традиции). В целом этот небольшой регион может удивить и знатоков итальянской кухни и неопитов в гастрономической науке Аппенин разнообразием блюд, умением придать им праздничный вид, богатством и тонкостью вкусовых оттенков, в которых всегда присутствует дуновение морских зефиров.

Таким образом, не только итальянский язык богат диалектами, но и для итальянской культуры характерны своего рода «гастрономические диалекты». Наш обзор ограничился Северно-Западом Италии. Также захватывающе интересным выглядит праздничный и каждодневный стол в двух других частях этой страны. Региональное многообразие является одной из ключевых особенностей кулинарной культуры этого региона.

Внимательный взгляд отметит и изменения в кухне итальянского народа. Средиземноморская диета, родившаяся на полуострове и бурно распространившаяся благодаря рекламе не только в Европе, но и далеко за ее пределами, конечно, должна была затронуть и гастрономическую практику в самой Италии. Пропаганда этой диеты, действительно, привела к изменениям в рецептах традиционных блюд с использованием оливкового масла и телятины вместо свиных жиров. На эволюцию итальянской, а в нашем примере кухни Северо-Запада Италии, оказывают влияние и другие факторы, такие как развитие супермаркетов, распространение фастфуда, формирование космополитичной поп-культуры и т.д. но то, что веками создавали многие поколения итальянцев.

Список литературы:

1. Borghesi S. Meldolesi A. Mille ricette della cucina italiana. Il più grande e ricco libro illustrato dedicato alla tavola del nostro paese. Milano: Rizzoli, 2010. Coniglio alla ligure. // URL: https://www.google.ru/books/edition/Mille_ricette_della_cucina_italiana_Il_p/TOPhHTKkc1MC?hl=ru&gbpv=1&pg=PT415&printsec=frontcover
2. Интернет-портал «Atlante prodotti tipici e tradizionali» // URL: https://web.archive.org/web/20181213131929/http://www.ersaf.lombardia.it/upload/ersaf/publicazioni/Atlanteprodottitipicietradizionali2014_13383_856.pdf (Дата обращения: 05.01.2025).
3. Интернет-портал «La Cassoeula» // URL: <https://lavitali.ru/kukhenbuk/la-cassoeula-kassoeula-blyudo-traditsii-mezhdu-legendami-i-svyatymi> (Дата обращения: 05.01.2025).
4. Интернет-портал «Sagra del Jambon alla brace» // URL: https://www.giraitalia.it/sagre/2655_sagra_del_jambon_

alla_brace.html (Дата обращения: 05.01.2025).

5. Интернет-портал «Sagra della Seupa à la Valpelenentse» // URL: <https://www.italybyevents.com/eventi/valle-daosta/sagra-della-seupa-valpeline/> (Дата обращения: 05.01.2025).

6. Интернет-портал «Sagre in Piemonte» // URL: <https://www.giraitalia.it/sagre/piemonte/> (Дата обращения: 05.01.2025).

7. Интернет-портал «Sagre, feste, eventi in Lombardia» // URL: <https://www.proiezionidiborsa.it/ecco-le-principali-sagre-che-ci-saranno-in-lombardia-fino-al-31-ottobre-si-mangiano-prelibatezze-locali-spendendo-poco-e-ci-sono-iniziative-per-le-famiglie/> (Дата обращения: 05.01.2025).

8. Калмыкова М.В. Культура питания населения Северной Италии. МГУ, 2015. С. 62, 72.

9. Ткаченко В.В. Режиссура высоких идей: технологии подготовки и проведения празднования 80-летия победы в Ленинградской области // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 5. № 86. С. 52-59.

Bibliography

1. Borghesi S. Meldolesi A. Mille ricette della cucina italiana. Il più grande e ricco libro illustrato dedicato alla tavola del nostro paese. Milano: Rizzoli, 2010. Coniglio alla ligure. // URL: https://www.google.ru/books/edition/Mille_ricette_della_cucina_italiana_il_p/TOPhHTKkcIMC?hl=ru&gbpv=1&pg=PT415&printsec=frontcover

2. Internet portal "Atlante prodotti tipici e tradizionali" // URL: https://web.archive.org/web/20181213131929/http://www.ersaf.lombardia.it/upload/ersaf/pubblicazioni/Atlanteprodottitipicietradizionali2014_13383_856.pdf (05.01.2025).

3. Internet portal "La Cassoeula" // URL: <https://lavitali.ru/kukhenbuk/la-cassoeula-kassoeula-blyudo-traditsii-mezhdu-legendami-i-svyatymi> (05.01.2025).

4. Internet portal "Sagra del Jambon alla brace" // URL: https://www.giraitalia.it/sagre/2655_sagra_del_jambon_alla_brace.html (05.01.2025).

5. Internet portal "Sagra della Seupa à la Valpelenentse" // URL: <https://www.italybyevents.com/eventi/valle-daosta/sagra-della-seupa-valpeline/> (05.01.2025).

6. Internet portal "Sagre in Piemonte" // URL: <https://www.giraitalia.it/sagre/piemonte/> (05.01.2025).

7. Internet portal "Sagre, feste, eventi in Lombardia" // URL: <https://www.proiezionidiborsa.it/ecco-le-principali-sagre-che-ci-saranno-in-lombardia-fino-al-31-ottobre-si-mangiano-prelibatezze-locali-spendendo-poco-e-ci-sono-iniziative-per-le-famiglie/> (05.01.2025).

8. Kalmykova M.V. Nutrition Culture of the Population of Northern Italy. Moscow State University, 2015. P. 62, 72.

9. Tkachenko V.V. Directing high ideas: technologies of preparation and celebration of the 80-th anniversary of victory in the Leningrad Region // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 5. № 86. P. 52-59.

СТОРИЯ

Набизода М.С.

*Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории
ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика
Бободжона Гафурова», г. Худжанд, Республика Таджикистан.*

Источники о политической жизни и о горных таджиках в первые годы правления Алим-Хана Кокандом (1800-1805 гг.)

1. ВВЕДЕНИЕ

С новым XIX веком и началось новая жизнь овеянной политическими, социальными и военными реформами в истории Кокандского государства. Все началось после смерти Норбута-бия и возвышением на престол Алим-хана. Как отмечается исторические хроники, со смертью Норбута-бия и началось борьба за власть между сыном Алим-ханом и братом Норбута-бия Ходжи-бием. В этой борьбе партия эмиров племени минг, сторонники Алим-хана брали вверх и подняли его на трон. Но борьба с этим не завершилась, партия из других узбекских племен и сартов желали на троне другого сына Норбута-бия - Рустам-бека, который правил Канибадамом [3, с. 273]. В результате борьбы, отмечает автор «Ибрат ул-хавокин», были казнены ряд оппонентов и противников Алим-хана – Пирмухаммад-ясавул, его сын Тошмухаммад мирзо, Бузургхуджа, Ходжи-бек, Рустам-бек. Отправлен в ссылку сыновья Ходжи-бека Улугбек (в источниках его также именуется Бекуглибек) [2, с. 29] и Шералибек в сторону Чотгол (в область Талас – М.Н.) [3, с. 273]. Но автор «Анджум ат-таворих», перечисляет у Ходжи-бека три сына: Улугбек, Шералибек, Бекуглибек [6, с. 159]. Некоторые оппоненты Алим-хана - Раджаб-кушбеги-таджик, его сыновья Мирзо Рахим и Бобо Рахим, сыновья Кобила Мирзо-таджика – Курбон Мухаммад Мирзо и Муминджон Мирзо, сын Гариб Дуст-ясовула, домла Ашур Мухаммад, Худойкули – баходир-таджик бежали от преследования Алим-хана в Бухару [4, с. 63].

2. МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основу исследования составляют классические для исторической науки методы критического анализа и синтеза источников. В работе применяются историко-генетический метод для реконструкции последовательности событий и выявления причинно-следственных связей, а также историко-сравнительный метод для анализа информации из раз-

ных источников и выявления общих тенденций или противоречий в описаниях. Комплексное использование этих методов позволяет оценить достоверность сведений и сформировать целостную картину политических процессов в Кокандском ханстве в указанный период.

Источниковую базу исследования составляют персоязычные исторические хроники, созданные в регионе в XVIII–XIX веках. Ключевыми материалами являются:

1. «Мунтахаб ат-таворих» Мухаммадхакимхана-тура – основной нарративный источник, детально описывающий внутреннюю политику и реформы Алим-хана, а также обстоятельства его свержения.

2. «Ибратул хавокин» («Тарихи Шохрухий») Ниёза Мухаммада Хўқандий – источник, содержащий ценные сведения о военных походах, административных решениях и внешнеполитических взглядах Алим-хана.

3. «Анжум ат-таворих» Худоёрхонзода – хроника, предоставляющая важные детали о социальной и культурной жизни ханства, включая описание празднования Навруза и покушения на хана.

4. «Тарихчаи Турони» Мухаммада Умара Умиди и «Ансаб ас-салатин ва таварих-ал хавакин» Мирзы Алима ибн Мирзы Рахима Тошканди – используются для сравнительного анализа, проверки датировок и получения дополнительных фактологических сведений.

Сравнительный анализ этих хроник, часто содержащих различающиеся или даже противоречивые оценки одних и тех же событий и личностей (например, касательно итогов взятия Ташкента или назначения наместников), позволяет выявить различные политические и этнорегиональные позиции их авторов. Это дает возможность не только восстановить ход событий, но и понять расстановку сил и конфликты внутри правящей элиты Кокандского ханства.

3. ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

В источниках, имя Алим-хана встречается такими титулами как собиратель земель («кавкаби кишваркушои»), завоеватель мира («джахонгир»), великий эмир («амири кабир»), потомок пророка ислама («сайид») Мухаммад Алим-хан [2, с. 28]. В источниках также есть сведения, что его враги обзывали «золим» (злым) [2, с. 29].

Мухаммад Хаким-хан-тура рассказывает о назначении его отца наместником Исфары и возникновение конфликта с Бойбута-баходир-калмыком, бывшим наместником области, который не хотел уступить свое место и оказал сопротивление. Когда об этом станет известно Алим-хану, он организовал военный поход и блокировал крепость Зумрадшах,

расположенный вблизи Исфары. Артиллерия под командованием Абдували Мирзо, штурмовал крепость, во время стрельбы из артиллерии и ружьё, шальная пуля попало Бойбута-баходир-калмыку и он погиб. После, крепость был захвачен лёгкостью и Исфара, повторно представлен Хакимхону-тура, но он от поста наместника отказался, на его место назначен другой человек [3, с. 270-271].

После этого из число добровольцев был собран наёмные отряды названные «гала баходирлар» (толпа богатырей) [4, с. 63]. В их помощью, Алим-хан решил подавить сопротивление сепаратистично настроенных наместников областей. У Алим-хана были близкие люди из бадахшанцев, дарвазцев знакомцы из Каратегина, Гиссара, Куляба. В исторических хрониках по этому поводу есть интересные сведения, во первых, подчеркивается покорение горных областей Каратегин, Дарваз, Бадахшан и во вторых, отмечается создание из числа этих горцев наемную армию. «Алим-хан, - пишет Мирза Алим ибн Мирза Рахим Тошканди, - дал большой простор таджикам и (при нём) наступило время расцвета гальча [1, с. 88], а местные жители были стеснены» [1, с. 88]. Другом источнике описывается, что, в окружение Алим-хана были галча - выходцы из гор, в одном из частных бесед Алим-ханом, они предложили организовать войска из горных таджиков, делит их на две части, в первую группу создать из число каратегинцев и вахонцев, вторую – из бадахшанцев, кулябцев, гисарцев, шугнанцев и чатролийцев. Во время захвата крепостей, пускать их с двух сторон и тогда эмиры узбекских родов и те военачальники (саркада) сартов, увидев старание наемных войск, тоже стараются преданно служит хану [4, с. 64].

Алим-хану это предложение понравилось, и он согласился организовать наемную армию из число горцев, в результате из каратегинцев и вахёнцев собран 3000, из таджиков 700 (здесь автор «Тарихи Шохрухи» наверно имел в виду оседлых таджиков Ферганы). Из бадахшанцев, дарвазцев, шугнанцев, рушанцев 500 человек. Тогда они заново обращались Алим-хану, чтобы он дал разрешение собрать рушанцев, шугнанцев, читорийцев, иранцев из число рабов и свободных людей. Получив и на это разрешение, они собрали еще 1200 человек. Все собранные были таджиками и были включены на ханские тетради, получили военное обмундирование, оружие и коня. Все они были мобилизованы на охрану двора Алим-хана. Хан получивший имя «Олим-золим» (злодей [4, с. 65]) так впервые осуществил военную реформу, создав наемную армию. До этого войска собралось из число простого народа (народное ополчения) и узбекских племен. Каждый вождь племени во время военного сбора,

явился кавалерией вооруженных соплеменников. Одним из намерений Алим-хана в создание наемную воинские подразделения, ослаблять позиция наместников областей и племенных вождей, эмиров.

Тогда областями Худжанда и Ура-Тюбе, правил одним из известных сейидских представителей по имени Хонхуджа, Алим-хан под его командованием отправил войска в Ташкент. Но поход завершился неудачей, большинство руководители подразделения попали в плен, среди которых был и Хонхуджа, который был казнен. В местности Чуст, правил Бузургходжа мавлоной, зять Норбута-бия, когда погиб Хонхуджа, он считал, что, это начало осуществление намеренных планов Алим-хана в пути отстранения своих оппонентов. По этому, стал в пути сопротивления и восстал молодому владыку Коканда. Как только это стало известно Алим-хану, он отправил войска в Чуст. В местности Ходжаобод противники встретились, и началось ожесточенное сражение в котором брал вверх войска Бузургходжа, большинство кокандцев попали в плен, а остальные спаслись бегством. Когда этот вест дошло до Алим-хана, он оставив в Коканде Умархана наместником, сам с войском двигался в Чуст. Второе столкновение противников произошло в местности Машхад, в битве войска Алим-хана брал вверх и окончательно разбил силы мятежников, Бузургходжа оставив поле боя, спасся бегством. Он с начала бежал в Чуст, а оттуда в Кухистан – Каратегин (Гарм, ныне Рашт – М.Н.). Алим-хан подавив мятеж сепаратистов, вернулся в Коканд. Бузургходжа скитавшись в Кухистане, сыновей отправил в Ташкент, просив помощь от Юнусходже. После недолгих скитаний, он был вынужден вернуться в Чуст, когда об этом стало известно Алим-хану, он в третий раз собрав войска отправился в Чуст. Но тем временем, населения Чуста отвернулись от Бузургходжа, поймав его они отправили к Алим-хану. Владика встретил его почестями и передал в суд своих вельмож которые приняли решение казнить ходжу, так и завершилось дело Бузургходжа из Чуста. После этих событий, Алим-хан отправил в Худжанд одним из своих эмиров по имени Раджаба-кушбеги, которого после смерти Хонхуджа (он погиб во время похода в Ташкент), область был захвачен Бобо-девоубеги-юзом. Так Худжанд, заново перешел в подчинение Коканда [3, с. 276-280].

Первое испытание после событий Чуста, для наемных военных подразделений было захват крепости Муг в Ура-Тюбе, где горцы соревнуясь с войсками старой узбекской и сартской гвардии, исправилась поставленной задачей Алим-хана за «четверть часа» захватив крепость [4, с. 67]. По сведениям автора «Ибратул хавокин», 444 человека получили ранение

или убить из число кокандцев. Убытие семейные, имеющие дети были отправлены в Коканд, а молодые были захоронены в Ура-Тюбе [4, с. 68]. Алим-хан захватив крепостей Ём и Зомин, здесь назначил старейшиной своего приближенного Рахматуллаха и Кадам-инок-таджик был назначен наместником и начальником войск в регионе [4, с. 68].

Через некоторое время правитель Бухары (эмир Хайдар-М.Н.), организовал поход в Ура-Тюбе, месячная блокада не дало результаты, Алим-хан собрав войска направился в Усрушану и бухарцы были вынуждены снимая блокады, вернуться обратно в Бухару. Алим-хан прибыл в Ура-Тюбе, вознаградив защитников крепости, продвигался в крепость Джизак, который был подвластным Бухару. Но здесь, во время блокады в связи с недоразумение часть войск Алим-хана из числа узбеков и сартия, оставили хана и наёмную подразделения вернулись в Коканд. Алим-хан тоже был вынужден снимая блокады, вернуться в обратный путь. Вернувшись в Коканад, хан на время отпустил старое войска, традиционно создаваемый из число узбекских родов и из число аборигенного народа долины, названный сартия [5].

Алим-хан старался наводить порядок в духовной жизни общества, принимая вместе с учеными теологами экзамен, над теми представителями религии, которые объявив себя святыми, занимались ограблением простого народа. За что со стороны реакционного духовенства было первое покушение, в котором Алим-хан получил ножевое ранение. Исполнителя покушения казнили немедленно, но организаторы оставались в тени. Действия тех людей, которые сделали своим занятием попрошайничество, тоже пересечена. Они был мобилизованы на подсобные работы налоговых и других государственных службах.

Социально - административные, военные реформы Алим-хана, привело к радикальные изменения общественной жизни. Усилилась позиция центральной власти, укрепились военное состояние государства. Эти изменения и дало возможность расширит территории государства. В литературе, эти изменения освещается по разному, порой противоречивые. В одних расширение территории ханства отмечено как “собрание земель”, в других “окупация”. Одним словом, реформы общественной жизни зарождало сильного централизованного государство, которое и привело к столкновение с самостоятельным владением Курама и Ташкента, где правил человек по имени Юнусходжа.

Территория областей Ташкента и Дашти Кипчака, которые были в составе Аштарханидов, в связи с ослаблением их власти, начала отделятся от центра. Усиления политической раздробленности Бухарского

ханства в начале XVIII в. стало главной причиной отделение северных областей Мавераннахра и территории Дашти Кипчака. По воле судьбы, в тот момент началось проникновение в Дашти Кипчак войска Джунгарии – государства кочевых монгольских племен образованных в XVII в. (1625 г.). Уже в 20-е годы XVIII в. после нескольких военных столкновений Джунгарии с казахскими жузами, были подчинены территории Дашти Кипчак, Чимкент, Туркестан, Ташкент и Курама. Тогда, развивая свой успех, джунгар-калмыки проникли в Ферганскую долину, переходив перевал Кандир-даван, блокировали крепость Сангин Кокандского владения. Как в предыдущих разделах было описано, эти события происходили в 1740-1745 гг. жунгары впервые столкнулись Кокандом и получили сильную поражения. Войска правителя Абдукарим-бия, преследуя неприятеля, освободил областей Курама и Ташкент. Но жунгар-калмыки сохранили власть в Дашти Кипчаке, после ухода Абдукарим-бия, они овладели Ташкентом, Курамой. В 70-е годы XVIII в. объединением Среднего джуза казахов во главе Аблай-ханом (в 1771 г.) казахи освободились от калмыцкого иго. И северные области перешли под власть казахов Среднего джуза, распределение на уделы областей Чимкента, Ташкента и Курама, между казахскими племенами принадлежит Аблай-хану.

В результате, область Чимкент получили племя *чимир*, состоявший из четырех частей *даха (билод)* город Ташкент, разделен между казахами таким образом: Рукн – даха Бешёгоч передан племени *шайхим*, Кукча *конгурату* и *урта джуз*, Себзор *джинишу*, Шайх Хованд тохур *сиргали*, *эсли* и *учокли* (род в составе курама). В Чинос *кулош* и *найманы*, в Фаркат – племя *чакчам*. Из племени *жиниш* Ниязбек сын Тулабая и из племени *сиргали*, *киёт* и *кибрай* Бой Табак, построили себя крепость. Эти кочевые племена с весны перекочевали в окрестные горы и степь, а зимовали в окрестностях городов и селений [6, с. 145-147].

Проходит несколько лет, начинается несогласие между кочевыми и оседлыми народами (сартия - в «Анджум ат-таворихе» - М.Н.), кочевники начали угнетать оседлых жителей городов и селений. Оно привело к недовольству и сопротивлению. Старейшины собравшись, после обсуждения вопроса, решили выбрать из число ходжей себе наместника и бороться против кочевых казахов и киргизов [6, с. 148]. Среди казахских и киргизских племен были шейхи – духовные руководители из число просвещенного оседлого населения, которых почитали кочевники. Старейшины решили и пригласили их на свою собрание, договорившись не огласить затрагиваемых вопросов обсуждаемых в собрание. Один из

шейхов кангли и санчикли, Юнусходжа, отметил, что перечисленные казахские племена в свое время, племенами Аблай-хана, не участвовали в борьбе против жунгар-калмыков. По этому, во время разделения территорий, им досталось небогатые, маловодные земли. Это стало причиной обнищания кангли и санчикли, если противопоставит их к остальным племенам, которые живут богато, можно с легкостью сломать силы кочевников. Учитывая положение Юнусходжа, который был среди племен кангли и санчикли шейхом, ему поручено организовать противостояние этих племен против других казахских племен.

Юнусходжа успешно исправился поручением и отправил своего представителя с письмом, где обращался горожанам, со словами «... готовиться к борьбе и через три дня, истребить всех попавших им в руки неприятеля. В указанный день мы тоже начинаем борьбы против других племен» [6, с. 150]. В указанный день к кангли и санчикли примкнулись кият, турк и горожаны-сартия, началось борьба против остальных казахских племен. Победив всех противников, отобрали их богатства, оставшихся в живых бежали в далекие окраины области. Было перераспределено территории и назначены новые наместники в окрестных регионах Ташкента и Курама. Ташкент, как и прежде, разделенный на четыре части – даха правилось с четырьмя хокимами: Юнусходжа, Бадалходжа, Мулло Шамсиддин и Солих-оксокол. Через некоторое время, Юнусходжа обвинил Бадалходжа в получение взятки, и он был казнен. Пригласив в гости, он отравил Мулло Шамсиддина и Солих-оксокол. Так умело отстранив соперников, сам стал единоличным хозяином Ташкента, далее подчинил и Кураму и частично Дашти Кипчак [6, с. 162].

Когда Бузрукходжа, после подавления мятежа под его руководством в Чусте, бежал в горы, обратился за помощью владыку Ташкента Юнусходжу. Тогда Алим-хан отправил войск в Худжанд, где был наместником Хонхуджа. Ему было приказано объединив войска кокандцев к своим и захватит Курама, Пискент, Кировчи и удержать Юнусходжа до подхода основных сил с Алим-ханом. Но когда войска кокандцев во главе Хонхуджа, проникли в Кураму и успешно захватили крепость Кировчи. Ставленники Юнусходжа бежали в Ташкент, когда о проникновение кокандцев стало известно владыку Ташкента, он собрав войска двигался в Курама [6, с. 166]. Тогда эмиры Коканда совещались о дальнейших действиях, здесь они разделились на две группы: Хонхуджа предложил оставаться в крепости, организовать оборону и ждать Алим-хана. Абдулкодир-парвоначи, руководившись кокандцами, в данном походе был ноиб-помощ-

ником Хонхуджа, предложил сражаться в открытом поле, большинство эмиров поддерживали его предложение. Тогда Хонхуджа выступив отметил, что «... по Вышему приказу мы должны были удержать Юнусходжу организовав оборону в крепости, до прихода из столицы основных сил. По этому я был против открытому сражению в степе, до прихода новых указаний. Но боюсь обо мне, среди воинов появления представление как труса и нерешительного руководителя. Хотя это противоречит порученному мне делу, но мое честь и рвение требует присоединится к вам. Но вы все должны брать на себя ответственности, чтобы мы все не стали вноватыми перед государем и народом, за вашу неправильную решение, на все вопросы и ответы». Эмиры и руководители войск приняли его требование приняв все ответственности за дальнейшую действия. После совещания, войска с группами вышла из крепости и кокандцы (из число ферганцев, худжандцев и уратюбинцев), на берегах р. Охангарон встретились с войсками Юнусходжа. Сражение началось с натиском и проникновением правых (в источнике маймана – бурунгор – М.Н.) и левых (майсара-джу-вонгор) крыло кокандцев и соответственно отступлением двух крыла войск Юнусходжа. Кокандцы оторвав двух перечисленных крыло от центра – калб, вынудили их отступит, и возможно уверенные своей победы, начали ограбит и брат в плен неприятеля. Это привело их рассеяние, хотя Хонхуджа отправив им своих посыльных, требовал не брать пленных, не рассеятся. Калб-центр войск обеих сторон продолжали сражаться, в тот момент из племени санчикли и кангли прибыли огромная подмога. Они первым делом, с легкостью исправилась рассеянными кокандцами и далее присоединились к центру и решали исход войны. Войска Юнусходжа уверенно победило над кокандцами, большинство которых пали в поле боя, часть попали в плен, еще меньшей части смогли бежать обратно. Хонхуджа тяжело раненый попал в плен, в сражение были уничтожены основная часть кокандцев, попавший в плен Хонхуджа, наместник Худжанда и Ура-Тюбе, несмотря на свое благородное происхождение, Юнусходжа не пощадил, он был казнен [6, с. 166-168].

Юнусходжа решил помогать Бузрукходже и в месте его сыновьями отправил крупное войска в Фергану, с их помощью Бузургходжа блокировал Чуст. Когда этот вест дошел столицу, под руководством Раджабу-кушбегу и сыновьям Хонхуджа – Юсуфалиходжу и Юнусалиходжу отправлены в Чуст, где было уничтожено войска бунтарей и ташкентцев. Бузрукходжа со сыновьями попали в плен. Ранее восставшись Бузрукходжа казнил мухтасиба и казий Чуста, за что его со сыновьями попавших в плен, по

приговору военного трибунала (казии аскар – М.Н.) казнили.

Победа над Хонхуджой, вдохновил Юнусходжа, и он думал, как с легкостью победил кокандцев на берегу р. Охангарон, так и захватит Фергану, с этой целью и организовал поход в Коканд. Весть о начале военного похода Юнус-ходжа когда дошло до Алим-хана, он приказал заместителю Худжанда, Раджабу-кушбеги встретить неприятеля на подходе к Коканд [4, с. 77-80]. Во время сражения отличились войска Худжанда во главе Раджабом-кушбеги-таджик, которые первыми переправившись Сыр-дарьи, продвигались через Сомгар, Камыш-курган и в местности Гурумсарай наткнулись к врагу. Худжандцы смело надвигались войскам Юнусходжа, основная часть войск которого состоялись из казахов [4, с. 77]. «Вторая часть войск были из число санчикли, кангли, киёт и тюрк» - пишет Худёрхонзода [6, с. 171].

Сыновья Хонходжа, убитий Юнусходжой – Юсуфалиходжа (в тот момент был на должности садр сеидов [6, с. 172] – глава потомков основателя религии ислам) и Юнусалиходжа (являлся заместителем Чуста [6, с. 172]) тоже ждали удобный момент мести за отца и первыми встретили ташкентцев [3, с. 282-283]. Стойкость и смелость худжандских войск с одной стороны, подразделения Юсуфалиходжа и Юнусалиходжа с другой стороне, появление авангард войск Алим-хана за рекой, решало исход войны. По сведениям Худеёрхонзода, сражением руководил Алим-хан, распределив военные силы следующим образом: подразделения Раджаб-демонбеги, Малла-парвоначи, садр сеидов Юнусалиходжа, заместитель Чуста Юсуфалиходжа размещен в засаду. Центральную часть войск передан Умархану, брату Алим-хана. В авангард ставлен восемь тысяча пехотинцев вооруженных огнестрельными оружием из новообразованных военных подразделений, две тысяча конница тоже были вооружены огнестрельными оружием, которыми руководил сам Алим-хан. Также две тысяча стрелков из новообразованных наемных подразделений и еще пятсот стрелков из конницы под руководством Кадам-парвоначи и Рахматуллох-додхо получили специальное поручение. По приказу хана, в разгар сражения они должны были двигаться на сторону, где расположен Юнусходжа и захватит знамя вместе с их казной.

Все произошло, как планировалось, авангард ташкентцев не смогли устоять от огня стрелковых оружий и отступило, оставив центр в огне. Тогда подразделение Кадам-парвоначи и Рахматуллох-додхо двигались к знамени ташкентцев, где на высотном месте располагавшись, Юнусходжа наблюдал за ходом сражения. Его защищавшие, около тысяча сарбазов не смогли устоять перед натиском кокандцев и оставив высотную

местность, знамя и казну, покинули высоту. Когда сражающиеся ташкентцы увидели приспущенную флаг, и бежавшую Юнусходжу, и сами оставив поле боя бежали в направлении Ташкент.

После ожесточенных столкновений, ташкентцы и казахские племенные ополчения не смогли устоять натиск кокандцев [3, с. 283]. Они оставив своего патрона, бежали в обратный путь, большинство из них были перебиты преследовавшими кокандскими сарбазами. Войска ташкентцев было наголову разбиты, Юнусходжа тоже оставив все, был вынужден бежать в Ташкент [4, с. 77].

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Это было период превращения Кокандского владения в ханства, в дальнейшем, территория Коканда расширяется за счет северных областей средней и нижней течение Сыр-дарьи. Северная Киргизия и Средний и Большой Джуз казахов были подчинены к Коканду. На основе усиления и превращения в одним из крупных государств в регионе Кокандского ханства, лежит реформы Алим-хана. Военной реформе ханства активно участвовали таджики горных регионов, таких как Каратегин, Дарваз, Вахан, Читрол, Бадахшан. Среди них появились известные таджикские военачальники, такие как Шохи-парвоначи-таджик, Раджаб-кушбеги-таджик, Гуломшох-бекларбеги (еще был известен именем Лашкар-бекларбеги), Каноатшох-таджик, Даврон-кушбеги-таджик и другие. Они играли важную роль в дальнейшей судьбе в истории таджикского народа и в политической истории Кокандского ханства.

Список литературы:

1. Мирза Алим ибн Мирза Рахим Тошканди. Ансаб ас-салатин ва таварих-ал хавакин (Генеология султанов и история хаканов) /Перевод, примечания и указатели С. Юлдашева. Введение, науч ред. Ш. Вохидова. – Ташкент, 2007. 255 с.
2. Мухаммад Умар Умиди. Тарихчаи Турони. Тошкент, 2012. 208 с. +24 с.ил.+ факсимиле CCLXXXIV.
3. Мухаммадхакимхон Тура. Мунтахаб ат-таворих. - Тошкент: Янги аср авлоди, 2010. 716 с.
4. Ниёз Мухаммад Хўқандий. Ибра тул хавокин (Тарихи Шохрухий). - Тошкент: Turon zamin ziyo, 2014. – 700 с.
5. Остроумов Н. Сарты. – Ташкент, 1890.
6. Худойрхонзода. Анжум ат-таворих. – Ташкент: Fan va texnologiya, 2014. 348 с.
7. Яковлева Е.Е. Трансформация ресурсной ловушки: почему богатство не всегда приносит процветание // Альманах «Крым». 2025. № 50. С. 111-117.

Bibliography

1. Mirza Alim ibn Mirza Rahim Toshkandi. Geneology of the Sultans and History of the Khakans / Translation, notes, and indexes by S. Yuldashev. Introduction, ed. by Sh. Vohidov. Tashkent, 2007. 255 p.
2. Muhammad Umar Umidi. History of the Sultans. Tashkent, 2012. 208 p. +24 p. ill. + facsimile CCLXXXIV.
3. Muhammadhakimkhon Tura. History of the Sultans. Tashkent: Yangi asr avlodi, 2010. 716 p.
4. Niyoz Muhammad Khukandiy. Ibratul havokin (Tarikhi Shokhruhiy). – Tashkent: Turon zamin ziyo, 2014. 700 p.
5. Ostroumov N. Sarty. – Tashkent, 1890.
6. Khudoyorkhonzoda. Anjum at-tavorih. – Tashkent: Fan va texnologiya, 2014. 348 p.
7. Yakovleva E.E. Transforming the resource trap: why wealth doesn't always bring prosperity // Almanac "Crimea". 2025. № 50. P. 111-117.

Аннотации

Дааев А.Н.
Терновая Л.О.

Спортивный адвент: зимние старты, традиции и магия перехода в новое время

Статья посвящена традициям и современным практикам спортивных мероприятий, связанных с празднованием Нового года и Рождества в различных странах. Автор анализирует исторические примеры, такие как Cornish Hurling в Великобритании, Burning the Clavie в Шотландии, рождественские гонки в биатлоне в Гельзенкирхене (Германия) и другие спортивные события, подчеркивая их роль в формировании культурного ландшафта зимних праздников. Особое внимание уделено эволюции этих традиций с XIX по XXI в. включая массовые старты, лыжные гонки и олимпийские аспекты, с опорой на широкий круг отечественных и зарубежных источников.

Ключевые слова: новый год, рождественские традиции, история спорта, массовые старты, олимпийские традиции, зимние виды спорта, культурные практики, темпоральный переход.

Галаганова С.Г.
Федотова А.В.

Прогнозирование демографической ситуации в Российской Федерации методом экспоненциального сглаживания

В статье представлена авторская технология прогнозирования демографической ситуации на основе метода экспоненциального сглаживания, известного также под названием экспоненциального скользящего среднего. Разработанный инструментарий позволил минимизировать влияние случайных колебаний и выделить основные тенденции в данных, что, в свою очередь, значительно упростило процесс построения прогнозного сценария демографической ситуации в Российской Федерации. Расхождение полученных данных с прогнозами Росстата оказалось несущественным, в то время как процедура их генерирования существенно сократилась.

Ключевые слова: демография, демографическое прогнозирование, вариативное прогнозирование, прогнозный сценарий, демографическая ситуация, демографический процесс, экспоненциальное сглаживание, экспоненциальное скользящее среднее.

Пронина Е.В.
Джежелий С.В.

Особенности инновационной деятельности предприятий агропромышленного комплекса

В статье исследуются особенности инновационной деятельности в агропромышленном комплексе (АПК) как ключевого фактора повышения конкурентоспособности и устойчивости сельскохозяйственного производства. Определены сущность и функциональное назначение инновационных процессов в АПК, представлена их комплексная классификация по предметной сфере, степени новизны, масштабу распространения и другим критериям. Выявлены специфические черты внедрения инноваций в сельском хозяйстве, обусловленные природно-климатическими, сезонными и территориальными факторами. Охарактеризованы современные технологические решения (автоматизация, цифровизация, прецизионные технологии) и показатели экономической эффективности инноваций. Описан поэтапный механизм реализации инновационных процессов, включая НИОКР, апробацию, внедрение и оценку результатов. Обозначены основные проблемы взаимодействия участников инновационного процесса (разрозненность, кадровый дефицит, финансовые барьеры) и предложены направления совершенствования инновационной деятельности: усиление координации, развитие трансфера технологий, совершенствование господдержки. Сделан вывод о необходимости системного подхода к внедрению инноваций для обеспечения продовольственной безопасности и устойчивого развития АПК.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс (АПК), инновационная деятельность, инновации в сельском хозяйстве, классификация инноваций, технологическое обновление, экономическая эффективность, внедрение инноваций, этапы инновационного процесса, участники инновационного процесса, государственная поддержка инноваций, продовольственная безопасность, устойчивое развитие АПК.

Баптиданов К.Ю.
Жиденев И.Р.

Как утратить авторитет в воинском коллективе.

Деградация личности от лидера к внутреннему противнику

Статья представляет системный анализ прогрессирующей утраты авторитета руководителя в воинском коллективе, сопровождающейся личностной деградацией и трансформацией статуса от признанного лидера к

внутреннему противнику — источнику морального давления и опасности.

Авторитет — многоуровневое явление: формальная легитимность, профессиональная компетентность, моральная надёжность, харизма. Утрата — кумулятивный процесс эрозии доверия и уважения.

Ключевые факторы: когнитивные искажения, дисфункциональная коммуникация, снижение адаптивности, деструктивное руководство (фаворитизм, унижения, гиперконтроль), профессиональная деформация (цинизм, эмоциональное истощение, утрата эмпатии).

Рассмотрены поведенческие маркеры, исторические и современные примеры, последствия для коллектива (падение боеспособности, суицидальные риски) и руководителя (изоляция, дисквалификация), а также меры профилактики: психометрическая диагностика, анонимная обратная связь, ротация, программы этического лидерства.

Ключевые слова: воинское руководство, утрата авторитета, деградация личности, деструктивное руководство, профессиональная деформация, моральная травма, воинский коллектив, адаптивность, коммуникация в армии, исторические примеры неудач руководства, негативное поведение руководителя, деструктивные черты командира.

Методьева С.А.

Кузьмина О.В.

Николаев Е.А.

Значимость и аксиоматика идеологий в политических партиях: политико-философский аспект

Статья посвящена исследованию ценностной и электорально-ориентируемой составляющей идеологий политических партий. При этом исследован политико-философский аспект значимости идеологий для политических партий в эпоху электорального популизма и «деидеологизации». Анализируются цели, задачи, структура, функции и гипотезы политологов относительно идеологий. Авторы приходят к выводу, что без идейной идентичности партии в конечном счете перестают быть представителями определенной воли и идей социальной базы.

Ключевые слова: идеологии, политические партии, идейная идентичность, аксиоматика идеологий, популизм.

Бейсенбин К.А.

Патриотическое воспитание молодежи на примере российского казачества

В статье проводится исследование актуальных проблем патриотического воспитания молодежи в условиях современной России. По мнению автора, положительным примером решения отдельных проблем, в данной сфере развития общественных отношений, является исторический опыт российского казачества.

Ключевые слова: патриотизм, общинные традиции, система воспитания и образования, идеология, традиционные нравственные ценности.

Подрядчиков К.Р.

Трансляция и восприятие идентичности Эльзаса: на перекрестке двух наций

Эльзас, находясь на границе между Францией и Германией, сформировал особую идентичность пограничного региона, вбирающую в себя черты обеих наций, и обрел важное символическое значение не только для обеих стран, но и для европейского политического проекта, включая Европейский союз и Совет Европы. В статье дается характеристика идентичности региона с учетом особенностей его исторического формирования. Целью данной статьи является анализ того, как региональная идентичность транслировалась в исторической динамике и как проявляла себя. В работе приводятся и анализируются статистические данные, отражающие лингвистическую идентичность. Из них делается вывод о неуклонной утрате языкового маркера как одного из способов транслировать идентичность, несмотря на предлагаемые проекты и запоздалую государственную поддержку немецкого и эльзасского языков. Далее рассматриваются культурные, туристические и политические выражения идентичности региона на протяжении более 370 лет. В политической сфере Эльзас в настоящий момент требует не автономии, как столетие назад, но выхода из состава региона Гранд-Эст и превращение Эльзаса из департамента с особыми полномочиями в полноценный регион, апеллирует и формирует общественное мнение с незначительным эффектом. В конце делается вывод о том, что политические стремления к отдельному региону Эльзаса остаются призрачными, а идентичность, транслируемая через кулинарию, природу, материальное и нематериальное наследие, музеи отражает двойственный франко-немецкое происхождение культуры в сердце Долины Рейна, а также дихотомию локального/национального и локального/европейского.

Ключевые слова: Эльзас, региональная идентичность, этническая идентичность, национализм, Европейское сообщество Эльзаса, региональный бренд.

Верченко Д.Ю.

**Католическая церковь и коренные народы Латинской Америки:
долгий путь к взаимопониманию**

Для современного мирового политического процесса характерна резкая активизация движений коренных народов, их политическая мобилизация и, соответственно, формирование особого индигенного дискурса, отражающего стремление самостоятельно определять перспективы своего развития. Наиболее ярко этот феномен сегодня проявляется в Латинской Америки. Среди политических акторов, способствовавших этому, особое место занимает католическая церковь. В статье на основе историко-сравнительного метода дается политический анализ документов, предлагается авторское осмысление и обобщение результатов научных исследований в данной сфере, что позволяет выявить причины, приведшие к трансформации позиции католической церкви в отношении коренных народов Латинской Америки. Выступая на начальном этапе колонизации в качестве института укрепления папской и королевской власти в условиях религиозной монополии католическое духовенство игнорировало религиозные и социальные нужды коренных жителей, но, столкнувшись с распространением протестантизма, оно постепенно превратилось в основных институциональных защитников их интересов. Неспособное децентрализовать церковную иерархию и столкнувшееся с репутационным дефицитом из-за того, что на протяжении веков оно поддерживало богатые и могущественные элиты, католическое духовенство перешло в мирскую сферу и стало активным сторонником движений коренных народов и сохранения их этно-культурной идентичности.

Ключевые слова: католическая церковь, коренные народы, Латинская Америка, колонизация, сотрудничество, индигенный дискурс.

Найдёнова А.О.

**Сравнительный анализ французских и американских
аналитических центров: институциональное развитие,
финансовые модели и политическое влияние**

Свободные экспертные платформы – think tanks – стали неотъемлемой частью современной политической системы развитых стран. Сравнительный анализ французской и американской экосистемы аналитических центров позволяет выявить различия в истории происхождения, структуре, финансировании и характере их воздействия на государственную политику.

Сравнительный анализ французских и американских аналитических центров (think tanks) выявляет фундаментальные различия в институциональном развитии, моделях финансирования и характере воздействия на процесс принятия государственных решений. Американская модель демонстрирует количественное превосходство, большую автономию и более выраженное влияние на формирование политического курса, в то время как французские think tanks сохраняют тесную связь с государственными структурами и академической средой, постепенно усиливая свою роль в общественно-политическом дискурсе.

Ключевые слова: аналитический центр, think tanks, мозговой центр, процесс принятия решений, США, Франция.

Бектурганова Б.К.

Динамика этнополитики Центральной Азии как катализатор трансформации идентичности под влиянием «мягкой силы»

В постсоветский период страны Центральной Азии столкнулись с необходимостью конструирования национальной и гражданской идентичности в условиях полиэтничного состава, институциональной трансформации и геополитической нестабильности. Наряду с жесткими инструментами влияния особую роль приобретают несиловые – культурные, идеологические и символические – составляющие, объединяемые концептом «мягкой силы». В статье теоретически обосновывается применение расширительной трактовки «мягкой силы» как фактора, способного опосредованно воздействовать на этнополитические процессы и трансформацию идентичности. Методологически использован конструктивистский и институциональный подход в формате сравнительного анализа пяти государств Центральной Азии. Проанализированы практики миграции, диаспоральной политики, образовательной мобильности, языковой и культурной политики, а также влияние внешних акторов (Россия, Китай, США, ЕС). Показывается, что мягкая сила выступает не детерминантом, а катализатором: её эффективность зависит от институциональных условий и способности государств включать внешние влияния в собственные национальные проекты. Сделаны выводы о необходимости инклюзивных моделей нациестроительства, адекватных многоэтничному и транснациональному контексту региона.

Ключевые слова: мягкая сила, этнополитика, идентичность, Центральная Азия, миграция, диаспора, культурная политика.

**На пути к принципиальным правилам передачи данных:
конструктивный подход к цифровому Шелковому пути**

Успех Цифрового шелкового пути (DSR), являющегося центральным элементом инициативы «Один пояс, один путь», зависит от создания согласованной системы управления трансграничными потоками данных. Тем не менее, DSR сталкивается со значительным дефицитом управления, находясь в ловушке между конкурирующими парадигмами рыночной модели США, способствующей свободному потоку данных, и модели ЕС, основанной на правах человека, уделяющей приоритетное внимание защите данных. В этой статье утверждается, что ни одна из моделей не учитывает должным образом различные потребности в области развития, проблемы суверенитета и правовые возможности государств - участников DSR, что требует разработки специального «третьего способа» управления данными.

Сначала в статье предлагается набор основополагающих принципов для этой новой структуры: уважение суверенитета и совместное управление, дифференцированное управление и масштабируемость, а также ориентация на развитие при справедливом распределении выгод. Затем разрабатывается многоуровневая, полицентричная архитектура внедрения, сочетающая сеть двусторонних соглашений, гибкие плюрилатеральные модули, основанные на соглашении о партнерстве в области цифровой экономики (DEPA), и практические механизмы мягкого права, такие как системы сертификации и стандартные договорные положения. Далее в статье утверждается, что реализация этой концепции требует преодоления геополитического дефицита доверия и зависит от роли Китая как ответственного предпринимателя в сфере нормотворчества. Это означает, что Китай лидирует благодаря прозрачному применению своих национальных законов о данных, отстаиванию принципов открытого плюрилатерализма и предоставлению международных общественных благ, таких как техническая помощь и наращивание потенциала для партнеров по DSR.

В заключение, в этом документе описывается практический путь совместного создания более инклюзивного, сбалансированного и функционально совместимого режима управления данными, способствующего потокам данных при соблюдении прерогатив развития, помогая, таким образом, созданию «сообщества общего будущего в киберпространстве».

Ключевые слова: трансграничный поток данных, Цифровой шелковый путь, суверенитет данных, соглашение о партнерстве в цифровой экономике (DEPA), полицентричное управление, влияние Брюсселя, сообщество общего будущего в киберпространстве.

Язан Хирбейк
Хохлышева О.О.

Геоэкономические стратегии Китая как составляющая его внешней политики

Применение геоэкономических стратегий служит важнейшей тактикой для государств, позволяющей утверждать свою глобальную геополитическую мощь, что даёт Китаю возможность переосмыслить как региональный, так и глобальный ландшафт.

Экономические факторы существенно влияют на китайскую стратегию, которая делает акцент на экономических интересах в дипломатических отношениях и стремится к экономическому расширению, одновременно занимая видные позиции.

Геоэкономические стратегии Китая, включая стратегию экспансии, стратегию периферии, инициативу «Один пояс, один путь» и Азиатский банк, играют решающую роль во внешней политике страны. Эти стратегии направлены на усиление экономического влияния за счёт инвестиций в инфраструктуру, управление логистическими центрами (портами), приобретение ресурсов и создание новых рынков путём перемещения компаний из развитых стран в «периферийные» страны, при этом соблюдая принцип невмешательства во внутренние дела.

Ключевые слова: геоэкономические, Азиатский банк, Один пояс, один путь, экспансии, периферии.

Гребенщикова Е.А.
Чернышов Т.А.

Совместные образовательные проекты России и Китая как элемент большого евразийского партнерства

Целью исследования является анализ роли и потенциала совместных образовательных проектов России и Китая в рамках стратегии Большого Евразийского партнерства (БЕП). В работе применены методы системного анализа научной литературы, официальных документов и практики двустороннего сотрудничества. Рассмотрены современные инициативы – от создания совместных факультетов и институтов при российских

вузах до открытия кампусов по модели «двойного диплома», – а также оценены их последствия для образовательной и социокультурной интеграции. В результате получен комплексный обзор существующих программ (напр., российско-китайского Института туризма ДВФУ–ПУЦК в Ухане, международного кампуса МГУ–ППИ в Шэньчжэне и др.) и выявлены ключевые проблемные моменты (нормативно-правовые барьеры, языковые и финансовые препятствия). Показано, что такие инициативы служат инструментом «мягкой силы»: они готовят специалистов с двуязычной компетенцией, укрепляют межкультурные связи и расширяют взаимное влияние на обширном евразийском пространстве. Практическая значимость работы заключается в рекомендациях по развитию двусторонних образовательных программ – в том числе через государственную поддержку обменов и синхронизацию образовательных стандартов – и обозначении направлений дальнейших исследований и реализации на основе полученных данных.

Ключевые слова: Россия, Китай, образовательные проекты, совместные образовательные программы, совместные кампусы, Большое Евразийское партнерство, «мягкая сила», международное образование.

Андропова С.Н.

Макоева Д.В.

Политика администрации Трампа в отношении НАТО

Авторы исследуют особенности политики США в трансформации отношений со странами-участниками НАТО. Новая администрация в любом государстве формирует политику в различных направлениях, в которой отражаются взгляды руководства, основные идеологические принципы и ключевые замыслы. Приход к власти в 2025 г. Д. Трампа в США также явился примером пересмотра стратегии в отношении государственной безопасности, в выстраивании взаимоотношений с различными государствами. Трансформация также коснулась и политики президента в отношении НАТО, в контексте понимания значимости установления стабильных экономических и политических отношений не только со странами-участниками альянса, но и с иными государствами.

При этом внимание акцентируется на ключевых моментах стратегического планирования внешней политики Америки и реакции лидеров ведущих стран Европы на трансатлантическую политику Трампа. Непростые отношения администрации Трампа с европейскими союзниками обуславливают новые векторы «поворота» политики в отношении Севе-

роатлантического Альянса и возможности экономического и политического развития американского государства.

Ключевые слова: внешняя политика, модель взаимодействия, стратегическое планирование, НАТО, администрация Трампа, «западная демократия», Североатлантический Альянс.

Ахмадй Ваисуддин

Шемул Мд Ашекуззамн

Афганский вектор внешней политики Узбекистана (2014–2025 гг.)

В статье рассматриваются направления внешней политики Республики Узбекистан в отношении Исламской Республики Афганистан в 2014–2025 годах. Проанализированы особенности и приоритеты афганского вектора внешней политики Узбекистана в данный период. Установлены длительные связи двух государств со времен СССР. Особенностью внешней политики в отношении Афганистана явился принцип невмешательства и нейтралитета, однако нестабильная обстановка на территории южного соседа и на границах двух стран определила содержание стратегии национальной безопасности Узбекистана и организацию соответствующих мероприятий. Другим направлением внешней политики было экономическое сотрудничество, которое было связано преимущественно с рядом логистических проектов и поставками электроэнергии. В рамках гуманитарных и культурных инициатив Узбекистан предоставлял помощь Афганистану, реализовывались образовательные проекты, включавшие предоставление мест для афганских студентов в узбекских вузах. Таким образом, внешняя политика Узбекистана была сбалансирована, что позволило избежать последствий афганского кризиса и реализовать выгодные для Узбекистана проекты.

Ключевые слова: Узбекистан, Афганистан, внешняя политика, афганский кризис, Хайратон – Мазари-Шариф.

Мартинс Д.М.

Газпром в Бразилии: анализ присутствия и роли российской компании в экономическом развитии Бразилии

В ноябре 2008 года «Газпром» открыл свое представительство в Бразилии в городе Рио-де-Жанейро. Отправной точкой для изучения данной темы является важность сотрудничества между российскими и бразильскими предпринимателями, которые проявили инициативу для совместной работы с целью экономического роста.

Автор, изучая тему, пришла к выводу, что российские инвестиции в Бразилию будут иметь большое значение, особенно для развития возобновляемых источников энергии, таких как солнечная и ветровая. Ожидается, что такие инвестиции, в том числе технологические и финансовые, приведут к положительным результатам в нефтегазовом секторе.

Цель исследования – показать, что партнерство между Бразилией и Россией является важным фактором экономического роста обеих стран в стратегически значимых секторах.

Данное сотрудничество способствует взаимным инвестициям в стратегические отрасли, такие как энергетика, инфраструктура, космические технологии и оборона.

Используя метод наблюдения, автор собрала данные, подтверждающие, что выход «Газпрома» на бразильский рынок оказался крайне важным, так как именно в этот период Petrobras обнаружила новые месторождения нефти.

Исследование показывает, что бразильские предприниматели все больше осознают потенциал российской экономики, а исторические связи дружбы и сотрудничества между Бразилией и Россией.

Бразилия ожидает инвестиций от «Газпрома» для привлечения большего количества российских компаний на свой рынок.

Ключевые слова: Газпром, Бразилия, газ, возобновляемые источники энергии, инвестиции, сотрудничество, нефть, стратегические отрасли, экономика, партнерство.

Калмыкова М.В.

Гастрономическое наследие Северо-Западной Италии: уникальное и самобытное

Изучая жизнь разных народов, этнологи в первую очередь исследуют такие фундаментальные основы бытия, как жилище, одежда и питание. По этим трем признакам они судят о характере целых народов, коде их исторического развития. При этом особенно важна роль питания, являющегося отражением его культуры в самом широком смысле этого слова. Еще в древности говорили: «Скажи мне, что ты ешь, и я скажу, кто ты». Сколько предрассудков, ограничений, всякого рода табу связано с пищей. Какое разнообразное отражение нашла она в фольклоре – этой этнической памяти любого народа. Но привлекательность итальянской кулинарии связана также с концепциями здорового образа жизни и средиземноморской диеты, внесенной в реестр нематериального культурного наследия в 2010 году. Глобальная популярность итальянской кулина-

рии, не оставляет сомнения в значимости этого предмета исследования.

Ключевые слова: питание, Северо-Запад Италии, Валь д'Аоста, Пьемонт, Лигурия, Ломбардия, культурное взаимовлияние, кулинарное наследие, этнология пищи.

Набизода М.С.

**Источники о политической жизни и о горных таджиках
в первые годы правления Алим-Хана Кокандом (1800-1805 гг.)**

В статье рассматривается политическая жизнь таджикского народа в составе государства Коканд в годы правления Алим-хана (1800-1805 гг.). Приход молодого хана к власти происходит в начале XIX в. В тот период, в котором возникли противоречий у власти. Политическое положение внутри ханства и за ее пределами требовало укрепление центральной власти. С этой целью, Алим-хан провел ряд реформ, плоды которого не дали долго ждать. Он в истории ханства впервые создал наёмную армию, где таджики Каратегина, Дарваза, Бадахшана и Афганистана, активно участвовали в формировании военных подразделений. В исторических хрониках имеется сведения о точном численности горных таджиков, организовавших наемную армию. Как отмечается в исторических источниках, правитель ханства в месте с племенных военных подразделений, решил создавать альтернативное военное подразделение из число оседлых таджиков горных регионов Центральной Азии-Бадахшана, Каратегина и Дарваза. Эти подразделения играли важную роль при усилении центральной власти, подавления мятежа противников хана, в военных походах непокорной области Ура-Тюбе, завоевательном походе в областей Курама и Ташкента. Алим-хан в годы правление в начале исправился внутренними врагами, отстранив претендентов престола Ходжибека, Рустамбека и Бузургхуджа, а также устранив оппонентов Бойбута-калмыка, Раджаба-кушбеги, Ашура Мухаммада, Худойкула – баходира. После, организовал военный поход для расширения территории владения и успешно захватил областей Курама, Ташкент и Чимкента.

Ключевые слова: горные таджики, Бадахшан, Каратегин, Дарваз, Коканд, Читральцы, Вахио, Конибодом, Исфара, Алим-хан, ханства, Ходжибек, Рустамбек, Бузургхуджа, Раджаба-кушбеги-таджик, Ашур Мухаммад-таджик, Худойкул – баходир-таджик, Камыш-Курган, Ашт, Кандыр-даван, крепость Сангин.

Abstracts

Daaev A.N.

Ternovaya L.O.

Sports advent: winter starts, traditions, and the magic of transition to a new time

This article examines the traditions and contemporary practices of sporting events associated with New Year and Christmas celebrations in various countries. The author analyzes historical examples such as Cornish Hurling in the UK, Burning the Clavie in Scotland, the Christmas biathlon races in Gelsenkirchen (Germany), and other sporting events, emphasizing their role in shaping the cultural landscape of winter holidays. Particular attention is paid to the evolution of these traditions from the 19th to the 21st centuries, including mass starts, cross-country skiing, and Olympic aspects, drawing on a wide range of domestic and international sources.

Key words: New Year, Christmas traditions, history of sport, mass starts, Olympic traditions, winter sports, cultural practices, temporal transition.

Galaganova S.G.

Fedotova A.V.

Forecasting the demographic situation in the Russian Federation using exponential smoothing

The statistical model of population dynamics forecasting, presented here, is based on exponential smoothing procedure, also known as exponential moving average (EMA). Applied to demographics of Russia, it enabled to minimize accidental fluctuations and determine key data trends. The model facilitated to project the RF population prospects with high accuracy and in much shortened time. The discrepancy between obtained projections and the «Rosstat» forecasts proved to be not significant, while the generating procedure became more economized.

Key words: demography, demographical forecasting, variative forecasting, projection scenario, demographical situation, demographical process, exponential smoothing, exponential moving average.

Pronina E.V.

Dzhezhelij S.V.

Features of innovative activities of enterprises in the agro-industrial complex

The article examines the specific features of innovation in the agro-industrial complex (AIC) as a key factor in increasing the competitiveness and sustainability of agricultural production. The article defines the essence and functional purpose of innovation processes in the AIC, presenting a comprehensive classification by subject area, degree of novelty, scale of dissemination, and other criteria. Specific features of innovation implementation in agriculture, conditioned by natural, climatic, seasonal, and territorial factors, are identified. Modern technological solutions (automation,

digitalization, precision technologies) and indicators of the economic efficiency of innovations are characterized. A step-by-step mechanism for implementing innovation processes, including R&D, testing, implementation, and evaluation of results is described. The main problems of interaction between participants in the innovation process (disunity, personnel shortages, financial barriers) are identified, and areas for improving innovation activities are proposed: strengthening coordination, developing technology transfer, improving state support. A conclusion is drawn regarding the need for a systems approach to the implementation of innovations to ensure food security and sustainable development of the AIC.

Key words: agro-industrial complex (AIC), innovation activities, innovations in agriculture, classification of innovations, technological renewal, economic efficiency, implementation of innovations, stages of the innovation process, participants in the innovation process, state support for innovation, food security, sustainable development of the AIC.

Baptidanov K. Yu.

Zhidenov I. R.

How to lose authority in a military collective.

Personality degradation from leader to internal adversary

The article provides a systematic analysis of the progressive loss of a military leader's authority within a unit, accompanied by personality degradation and transformation of status from a recognized leader to an internal adversary — a source of moral pressure and danger.

Authority is a multi-level phenomenon: formal legitimacy, professional competence, moral reliability, and charisma. Its loss is a cumulative process of trust and respect erosion.

Key factors include cognitive biases, dysfunctional communication, reduced adaptability, destructive leadership (favoritism, humiliation, hyper-control), and professional deformation (cynicism, emotional exhaustion, loss of empathy).

The study examines behavioral markers, historical and modern examples, consequences for the unit (decline in combat effectiveness, suicide risks) and the leader (isolation, disqualification), as well as preventive measures: psychometric assessment, anonymous feedback, rotation, and ethical leadership programs.

Key words: military leadership, loss of authority, personality degradation, destructive leadership, professional deformation, moral injury, military collective, adaptability, communication in the army, historical examples of leadership failures, negative commander behavior, destructive commander traits.

Mefodieva S. A.

Kuzmina O. V.

Nikolaev E. A.

The meaning and axiomatics of ideologies in political parties: the political and philosophical aspect

The article is devoted to the study of the value and electoral-oriented component of the ideologies of political parties. At the same time, the focus is on the political and philosophical aspect of the importance of ideologies for political parties in the era of electoral populism and “de-ideologization.” The goals, objectives, structure, functions and hypotheses of political scientists about ideologies are analyzed. The authors conclude that without an ideological identity, parties eventually cease to represent a certain will and ideas of the social base.

Key words: ideologies, political parties, ideological identity, axiomatics of ideologies, populism.

Beysenbin K.A.

Patriotic education of youth using the example of the Russian Cossacks

The article analyses the current problems of patriotic education of youth in the conditions of modern Russia. According to the author, the historical experience of the Russian Cossacks is a positive example of solving certain problems in this area of social relations development.

Key words: patriotism, communal traditions, system of upbringing and education, ideology, traditional moral values.

Podryadchikov K.R.

The transmission and perception of Alsatian identity: at the crossroads of two nations

Alsace, located on the border between France and Germany, has formed a unique identity as a border region, incorporating features of both nations, and has acquired important symbolic significance not only for both countries, but also for the European political project, including the European Union and the Council of Europe. This article characterizes the identity of the region, taking into account the peculiarities of its historical formation. The aim of this article is to analyze how regional identity has been transmitted in historical dynamics and how it has manifested itself. The paper presents and analyzes statistical data reflecting linguistic identity. From this, the conclusion is drawn that there has been a steady loss of the linguistic marker as a means of conveying identity, despite the proposed projects and belated state support for the German and Alsatian languages. The article then examines the cultural, tourist, and political expressions of the region’s identity over more than 370 years. In the political sphere, Alsace currently demands not autonomy, as it did a century ago, but withdrawal from the Grand Est region and the transformation of Alsace from a department with special powers into a full-fledged region, appealing to and shaping public opinion with little effect. The conclusion is that political aspirations for a separate Alsace region remain elusive, while the identity conveyed through cuisine, nature, tangible and intangible heritage, museums reflects the dual Franco-German origins of culture in the heart of the Rhine Valley, as well as the dichotomy between local/national and local/European.

Key words: Alsace, regional identity, ethnic identity, nationalism, European Collectivity of Alsace, regional brand.

Verchenko D.Yu.

**The catholic church and the indigenous peoples
of Latin America: a long way to mutual understanding**

The modern global political process is characterized by a sharp intensification of indigenous peoples' movements, their political mobilization and, accordingly, the formation of a special indigenous discourse reflecting their desire to determine independently the prospects for their development. This phenomenon is most pronounced today in Latin America. Among the political factors that contributed to this, the Catholic Church occupies a special place. Based on the historical and comparative method, the article provides a political analysis of documents, offers an author's understanding and generalization of the results of scientific research in this area, which allows us to identify the reasons that led to the transformation of the position of the Catholic Church in relation to the indigenous peoples of Latin America. Acting at the initial stage of colonization as an institution for strengthening papal and royal authority in conditions of religious monopoly, the Catholic clergy ignored the religious and social needs of the indigenous people, but, faced with the spread of Protestantism, it gradually turned into the main institutional defenders of their interests. Being unable to decentralize the church hierarchy and faced with a reputational deficit due to the fact that for centuries it had supported rich and powerful elites, the Catholic clergy moved into the secular sphere and became active supporters of indigenous peoples' movements and the preservation of their ethno-cultural identity.

Key words: Catholic Church, indigenous peoples, Latin America, colonization, cooperation, indigenous discourse.

Naidenova A.O.

**Comparative analysis of French and American think tanks:
institutional development, financial models, and political influence**

Independent expert platforms– think tanks– have become an integral part of the modern political system in developed countries. A comparative analysis of the French and American ecosystems of think tanks reveals differences in their origins, structure, funding, and nature of their impact on public policy.

A comparative analysis of French and American think tanks reveals fundamental differences in institutional development, funding models, and the nature of their impact on the public decision-making process. The American model demonstrates quantitative superiority, greater autonomy, and a more pronounced influence on the formation of political course, while French think tanks maintain close ties with government structures and the academic community, gradually strengthening their role in public and political discourse.

Key words: analytical center, think tanks, brain trust, decision making, USA, France.

Bekturganova B.K.

**The dynamics of ethnopolitics in central Asia as a catalyst
for identity transformation under the influence of soft power**

In the post-Soviet period, the countries of Central Asia faced the need to construct national and civic identities in conditions of multi-ethnic composition, institutional transformation, and geopolitical instability. Alongside hard instruments of influence, non-coercive components – cultural, ideological, and symbolic – united by the concept of ‘soft power’ have taken on a special role. The article theoretically substantiates the use of an expansive interpretation of ‘soft power’ as a factor capable of indirectly influencing ethno-political processes and identity transformation. Methodologically, a constructivist and institutional approach is used in the format of a comparative analysis of five Central Asian states. The practices of migration, diaspora policy, educational mobility, language and cultural policy, as well as the influence of external actors (Russia, China, USA, EU) are analysed. It is shown that soft power is not a determinant but a catalyst: its effectiveness depends on institutional conditions and the ability of states to incorporate external influences into their own national projects. Conclusions are drawn about the need for inclusive models of nation-building that are adequate to the multi-ethnic and transnational context of the region.

Key words: soft power, ethnopolitics, identity, Central Asia, migration, diaspora, cultural policy.

Wushour

Elizati

Towards principled data flow rules: a constructive approach to the digital Silk Road

The success of the Digital Silk Road (DSR), a central pillar of the Belt and Road Initiative, is contingent upon the establishment of a coherent governance framework for cross-border data flows. However, the DSR confronts a significant governance deficit, caught between the competing paradigms of the US-led market-driven model promoting data free flow and the EU’s rights-based model prioritizing data protection. This article posits that neither model adequately addresses the diverse developmental needs, sovereignty concerns, and legal capacities of DSR participating states, necessitating the design of a bespoke ‘third way’ for data governance. The article first proposes a set of foundational principles for this new framework: respected sovereignty and shared governance, differentiated governance and scalability, and development-centricity with equitable benefit-sharing. It then elaborates on a multi-layered, polycentric architecture for implementation, combining a network of bilateral agreements, flexible plurilateral modules inspired by the Digital Economy Partnership Agreement (DEPA), and practical soft-law mechanisms such as certification systems and standard contractual clauses. The article further argues

that the implementation of this framework requires overcoming geopolitical trust deficits and hinges on China's role as a responsible norm entrepreneur. This entails China leading through the transparent application of its domestic data laws, championing open plurilateralism, and providing international public goods such as technical assistance and capacity building for DSR partners. In conclusion, this paper delineates a pragmatic pathway for co-creating a more inclusive, balanced, and interoperable data governance regime that facilitates trusted data flows while respecting developmental prerogatives, thereby contributing to the construction of a 'community of a shared future in cyberspace'.

Key words: cross-border data flow, Digital Silk Road, data sovereignty, Digital Economy Partnership Agreement (DEPA), polycentric governance, Brussels influence, community of shared future in cyberspace.

Yazan Khirbeik
Khokhlysheva O.O.

China's geoeconomic strategies as a component of its foreign policy

Geoeconomics serves as a crucial tactic for states to assert their global geopolitical power, giving China the opportunity to rethink both the regional and global landscape.

Economic factors significantly influence China's strategy, which emphasizes economic interests in diplomatic relations and seeks economic expansion while simultaneously occupying prominent positions.

China's geoeconomic strategies, including its expansion strategy, periphery strategy, the Belt and Road Initiative, and the Asian Development Bank (ADB), play a decisive role in the country's foreign policy. These strategies aim to increase economic influence through infrastructure investment, the management of logistics hubs (ports), resource acquisition, and the creation of new markets by relocating companies from developed countries to "peripheral" countries, all while adhering to the principle of non-interference in domestic affairs.

Key words: geoeconomics, Asian Development Bank, Belt and Road, expansion, periphery.

Grebenshchikova E.A.
Chernyshov T.A.

Joint educational projects between Russia and China as an element of the greater Eurasian partnership

The aim of this study is to analyze the role and potential of joint educational projects between Russia and China within the framework of the Greater Eurasian Partnership (GEP) strategy. The paper employs methods of systemic analysis of scientific literature, official documents, and bilateral cooperation practices. It examines current initiatives – from the creation of joint faculties and institutes at Russian universities to the opening of dual-degree campuses – and assesses their implications for educa-

tional and sociocultural integration. The study provides a comprehensive overview of existing programs (e.g., the Russian-Chinese Institute of Tourism FEFU-PUTSK in Wuhan, the Moscow State University-BPI International Campus in Shenzhen, etc.) and identifies key challenges (regulatory barriers, language and financial obstacles). It demonstrates that such initiatives serve as a tool of soft power: they train specialists with bilingual competence, strengthen intercultural ties, and expand mutual influence across the vast Eurasian space. The practical significance of this work lies in its recommendations for the development of bilateral educational programs – including through state support for exchanges and the synchronization of educational standards – and in identifying areas for further research and implementation based on the data obtained.

Key words: Russia, China, educational projects, joint educational programs, joint campuses, Greater Eurasian Partnership, soft power, international education.

Andronova S.N.

Makoyeva D.V.

The Trump administration's policy on UN

The authors explore the specifics of the U.S. policy in transforming relations with NATO member states. A new administration in any country shapes its policies in various areas, reflecting the leadership's views, core ideological principles, and key objectives. The rise of Donald Trump to power in the United States in 2025 also marked a shift in the country's security strategy and its approach to relations with various nations. The transformation also affected the president's policy towards NATO, in the context of understanding the importance of establishing stable economic and political relations not only with the alliance's member countries but also with other states.

At the same time, attention is focused on the key aspects of America's strategic foreign policy planning and the reaction of the leaders of leading European countries to Trump's transatlantic policy.

The difficult relations between the Trump administration and its European allies have led to a new shift in policy towards the North Atlantic Alliance and the economic and political development of the United States.

Key words: foreign policy, model of interaction, strategic planning, NATO, Trump administration, "Western democracy", North Atlantic Alliance.

Akhmadi Vaisuddin

Shemul Md Ashekuzzamn

The Afghan vector of Uzbekistan's foreign policy (2014–2025)

This article examines the foreign policy of the Republic of Uzbekistan towards the Islamic Republic of Afghanistan from 2014 to 2025. The features and priorities of Uzbekistan's Afghan foreign policy vector during this period are analyzed. Long-standing ties between the two countries, dating back to the Soviet era, are established. A distinctive feature of Uzbekistan's foreign policy towards Afghanistan was the princi-

ple of non-interference and neutrality. However, the unstable situation in its southern neighbor and on the borders of the two countries determined the content of Uzbekistan's national security strategy and the organization of relevant activities. Another area of foreign policy was economic cooperation, primarily associated with a number of logistics projects and electricity supplies. As part of humanitarian and cultural initiatives, Uzbekistan provided aid to Afghanistan and implemented educational projects, including the provision of places for Afghan students at Uzbek universities. Thus, Uzbekistan's foreign policy was balanced, which made it possible to avoid the consequences of the Afghan crisis and implement projects beneficial to Uzbekistan.

Key words: Uzbekistan, Afghanistan, foreign policy, Afghan crisis, Hairatan – Mazar-i-Sharif.

Martins D.M.

Gazprom in Brazil: an analysis of the presence and role of the Russian company in the economic development of Brazil

In November 2008, Gazprom opened its representative office in Brazil in Rio de Janeiro. The starting point for studying this topic is the importance of cooperation between Russian and Brazilian entrepreneurs who have taken the initiative to work together for economic growth.

The author, studying the topic, came to the conclusion that Russian investments in Brazil will be of great importance, especially for the development of renewable energy sources such as solar and wind. Such investments, including technological and financial ones, are expected to lead to positive results in the oil and gas sector.

The purpose of the study is to show that the partnership between Brazil and Russia is an important factor in the economic growth of both countries in strategically important sectors.

This cooperation promotes mutual investments in strategic sectors such as energy, infrastructure, space technology, and defense.

Using the observation method, the author collected data confirming that Gazprom's entry into the Brazilian market proved to be extremely important, since it was during this period that Petrobras discovered new oil fields.

The study shows that Brazilian entrepreneurs are increasingly aware of the potential of the Russian economy, as well as the historical ties of friendship and cooperation between Brazil and Russia.

Brazil expects investments from Gazprom to attract more Russian companies to its market.

Key words: Gazprom, Brazil, gas, renewable energy sources, investments, cooperation, oil, strategic industries, economy, partnership.

Kalmykova M.V.

The culinary heritage of northwestern Italy: unique and distinctive

Studying the lives of different peoples, ethnologists primarily investigate fundamental aspects of existence such as housing, clothing, and food. Based on these three characteristics, they judge the character of entire peoples and the code of their historical development. Of particular importance is the role of food, which reflects its culture in the broadest sense of the word. Even in ancient times, it was said: “Tell me what you eat, and I will tell you who you are.” How many prejudices, restrictions, and various taboos are associated with food. What diverse reflection it has found in folklore - the ethnic memory of any people. But the attractiveness of Italian cuisine is also associated with concepts of a healthy lifestyle and the Mediterranean diet, which was inscribed on the list of intangible cultural heritage in 2010. The global popularity of Italian cuisine leaves no doubt about the significance of this subject of study.

Key words: food, Northwest Italy, Val d’Aosta, Piedmont, Liguria, Lombardy, cultural influences, culinary heritage, food ethnology.

Nabizoda M.S.

Sources on political life and mountain Tajiks in the first years of Alim Khan’s reign in Kokand (1800-1805)

This article examines the political life of the Tajik people within the state of Kokand during the reign of Alim Khan (1800-1805). The young khan’s rise to power occurred in the early 19th century, a period marked by government tensions. The political situation within and beyond the khanate necessitated the strengthening of central authority. To this end, Alim Khan implemented a series of reforms, the fruits of which were soon to be realized. He was the first in the khanate’s history to establish a mercenary army, in which Tajiks from Karategin, Darvaz, Badakhshan, and Afghanistan actively participated in the formation of military units. Historical chronicles provide information on the precise number of mountain Tajiks who organized the mercenary army. As noted in historical sources, the khanate’s ruler, along with tribal military units, decided to create an alternative military unit from among the sedentary Tajiks of the mountainous regions of Central Asia—Badakhshan, Karategin, and Darvaz. These units played a key role in strengthening central authority, suppressing the rebellion of the khan’s opponents, in military campaigns against the rebellious Ura-Tyube region, and in the conquest of the Kuram and Tashkent regions. During his early reign, Alim Khan addressed internal enemies, removing pretenders to the throne—Khojibek, Rustambek, and Buzurghudzh—and eliminating opponents—Boibut Kalmyk, Rajab Kushbegi, Ashur Muhammad, and Khudoykul Bakhodir. He then organized a military campaign to expand his territory and successfully captured the Kuram, Tashkent, and Chimkent regions.

Key words: mountain Tajiks, Badakhshan, Karategin, Darvaz, Kokand, Chitrals, Vakhio, Konibodom, Isfara, Alim Khan, khanates, Khojibek, Rustambek, Buzurghuja, Rajaba-Kushbegi-Tajik, Ashur Muhammad-Tajik, Khudoykul - Bakhodir-Tajik, Kamysh-Kurgan, Asht, Kandyrdavan, Sangin fortress.

Авторы

Андропова С.Н. - старший преподаватель. Дипломатическая академия МИД России.

Ахмадй Ваусуддин - Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Баттиданов К.Ю. - курсанты факультета Радиотехнического обеспечения ВУНЦ ВВС «ВВА имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина г. Воронеж».

Бейсенбин К.А. - кандидат политических наук, доцент кафедры «философии, биоэтики, истории медицины и социальных наук». Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Бектурганова Б.К. - кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и политологии. Кыргызский-Российский Славянский университет, г. Бишкек, Кыргызская Республика.

Верченко Д.Ю. - чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Многонациональном Государстве Боливия.

Галаганова С.Г. - кандидат философских наук, доцент кафедры «Информационная аналитика и политические технологии». Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана.

Гребенищикова Е.А. - студент, бакалавр. Владивостокский государственный университет, Владивосток.

Даев А.Н. - директор Фонда развития гражданского общества «Кладенец».

Джежелий С.В. - старший преподаватель кафедры «Финансы и учёт» Института экономики и права ФГБОУ ВО «Астраханский государственный технический университет».

Жиденов И.Р. - курсанты факультета Радиотехнического обеспечения ВУНЦ ВВС «ВВА имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина г. Воронеж».

Калмыкова М.В. - кандидат исторических наук, преподаватель филологического факультета. Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне.

Кузьмина О.В. - кандидат политических наук, доцент кафедры политологии. Дальневосточный федеральный университет.

Макоева Д.В. - старший преподаватель. Дипломатическая академия МИД России.

Мартинс Д.М. - аспирантка 3 курс. Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород.

Методьева С.А. - кандидат философских наук, доцент кафедры политологии. Дальневосточный федеральный университет.

Набизода М.С. - кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова», г. Худжанд, Республика Таджикистан.

Найдёнова А.О. - аспирант кафедры теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Николаев Е.А. - студент III курса направления подготовки 41.03.04 «Политология». Дальневосточный федеральный университет.

Подрядчиков К.Р. - аспирант кафедры этнополитологии факультета политологии. Санкт-Петербургский государственный университет.

Пронина Е.В. - кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы и учёт» Института экономики и права ФГБОУ ВО «Астраханский государственный технический университет».

Терновая Л.О. - доктор исторических наук, профессор, заместитель главного редактора журнала «Власть история и история власти», руководитель проекта.

Ушур - доцент юридического факультета, Школа политики и права Синецзянского педагогического университета.

Федотова А.В. - студентка кафедры «Информационная аналитика и политические технологии». Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана.

Хохлышева О.О. - доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, заведующая кафедрой мировой дипломатии и международного права. Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского.

Чернышов Т.А. - студент, бакалавр. Владивостокский государственный университет, г. Владивосток.

Шемул Мд Ашекуззамн - Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Элизати - кандидат в магистры гражданского и коммерческого права, юридический факультет, Школа политики и права Синецзянского педагогического университета.

Язан Хирбейк - соискатель направления подготовки (Политические институты, процессы и технологии) Политические науки и регионоведение кафедры мировой дипломатии и международного права. Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского.

Authors

Akhmadi Vaisuddin, Peoples' Friendship University of Russia.

Andronova S.N., Senior Lecturer. Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Baptidanov K.Yu., Cadets, Faculty of Radiotechnical Support, Military Training and Scientific Center of the Air Force "VVA named after Professor N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin, Voronezh".

Bekturganova B.K., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of International Relations and Political Science, Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyz Republic.

Beysenbin K.A., Candidate of Political Sciences, Senior Lecturer in the 'Philosophy, Bioethics, History of Medicine and Social Sciences' Federal State Educational Institution of Higher Education 'Smolensk State Medical University', Ministry of Health of the Russian Federation.

Daaev A.N., Director of the Civil Society Development Foundation "Kladnets".

Dzhezhelij S.V., Senior Lecturer of the Department of Finance and Accounting, Institute of Economics and Law, Astrakhan State Technical University.

Chernyshov T.A., Student, Bachelor's Degree. Vladivostok State University, Vladivostok.

Elizati, Candidate for Master's degree in Civil and Commercial Law, Faculty of Law, School of Politics and Law, Xinjiang Normal University.

Fedotova A.V., Student, Department of Information Analytics and Political Technologies, Bauman Moscow State Technical University.

Galaganova S.G., PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Information Analytics and Political Technologies, Bauman Moscow State Technical University.

Grebenschikova E.A., Student, Bachelor's Degree. Vladivostok State University, Vladivostok.

Kalmykova M.V., Candidate of Historical Sciences, Lecturer at the Philological Faculty of Shenzhen MSU-BIT University.

Khokhlysheva O.O., Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law, Professor, Head of the Department of World Diplomacy and International Law. Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky.

Kuzmina O.V., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science of the Far Eastern Federal University.

Makoyeva D.V., Senior Lecturer. Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Martins D.M., 3rd Year Graduate Student. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod.

Mefodieva S.A., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science of the Far Eastern Federal University.

Nabizoda M.S., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General History, SEI “Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov”, Khujand, Republic of Tajikistan.

Naidenova A.O., Graduate student in the Department of Theory and History of International Relations, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia.

Nikolaev E.A., Third-year student of the training area 41.03.04 “Political Science” of the Department of Political Science of the Far Eastern Federal University.

Podryadchikov K.R., Postgraduate student in the Department of Ethnopolitical Science, Faculty of Political Science, Saint Petersburg State University.

Pronina E.V., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Finance and Accounting of the Institute of Economics and Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Astrakhan State Technical University».

Shemul Md Ashekuzzamn, Peoples' Friendship University of Russia.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Highway State Technical University.

Verchenko D.Yu., Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation to the Multinational State of Bolivia.

Wushour, Associate Professor, Faculty of Law, School of Politics and Law, Xinjiang Normal University.

Yazan Khirbeik, Applicant in the program of study (Political Institutions, Processes, and Technologies)” Political Science and Regional Studies Department of World Diplomacy and International Law, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky.

Zhidenov I.R., Cadets, Faculty of Radiotechnical Support, Military Training and Scientific Center of the Air Force “VVA named after Professor N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin, Voronezh”.

ПРОДОЛЖАЕМ КОНКУРС
НА ЛУЧШУЮ НАУЧНУЮ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКУЮ РАБОТУ

ПО ТЕМЕ:

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА, ЦИФРОВАЯ
ЭКОНОМИКА И ЭТИКА**

С целью выявления идей, их обобщения, анализа и апробации журнал проводит конкурс на лучшую статью (тезисы, размышления) для совершенствования стратегического курса межнациональных отношений, экономики регионов, и конструктивного пути развития

Работы направлять по адресу:

etnosocium@mail.ru

Факс +7 (495) 772-19-99

Справки по тел. +7 (495) 772-19-99

**ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ
В МЕЖДУНАРОДНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЭТНОСОЦИУМ»**

1. Предоставляемые материалы должны быть актуальными и новыми, иметь научную и практическую значимость.

2. К материалу необходимо прилагать аннотацию на русском и английском языках (объемом не более 1000 знаков), авторский перевод заглавия статьи, фамилию и имя автора, список ключевых слов на русском и английском языках, а также приставейный библиографический список.

3. Обязательно следует указать фамилию, имя и отчество автора, ученую степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы, контактные телефоны, полный домашний адрес и адрес электронной почты.

**Все права защищены. При использовании
материала ссылка на журнал
«Этносоциум и межнациональная культура» обязательна.**

Журнал получают:

- Администрация Президента РФ;
- Аппарат полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах;
- Государственная Дума; Аппарат Правительства РФ;
- Совет Федерации РФ;
- Министерства, федеральные службы и агентства РФ;
- Совет Безопасности РФ;
- Конституционный Суд РФ.

Оформить подписку на журнал можно (начиная с любого номера) в редакции тел.: (495) 772-19-99, факс: (495) 708-30-00 или через электронный каталог ИНТЕР-ПОЧТА, а также во всех отделениях почтовой связи через Объединенный каталог «Пресса России» и каталог агентства «Роспечать». Индекс: 70759

Наш сайт: www.etnosocium.ru
E-mail: etnosocium@mail.ru
Тел.: +7 (495) 772-19-99
Необходимую научную литературу
Вы можете приобрести на сайте www.etnosocium.ru

Оригинал-макет подготовлен Международным издательским центром «ЭТНОСОЦИУМ»
Отпечатано в типографии Международного издательского центра «ЭТНОСОЦИУМ»,
105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Зам.главного редактора С.В. Чапкин
Редактор Н.Э. Архипова
Корректор Е.А. Белоусова
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro.
Формат 60x90/8. Тираж 1000 экз. Усл. п. л. 15,375